

Ежемесячный общественно-политический
и литературно-художественный журнал • №

3
1969

РАБОТНИЦА

Фото Б. Раскина.

МАШИНА ДЛЯ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА... ТРАКТОР ЛИ ЭТО, КАРТОФЕЛЬНЫЙ ЛИ КОМБАЙН, ДОИЛЬНЫЙ ЛИ АППАРАТ — ЛЮБАЯ МАШИНА, ЧТО СЕГОДНЯ ВЫШЛА ИЗ ЗАВОДСКИХ ВОРОТ, — СЛОВНО ЖИВАЯ, ОВЕЩЕСТВЛЕННАЯ СВЯЗЬ МЕЖДУ ТЕМИ, КТО СРАБОТАЛ ЕЕ В ЦЕХЕ, КТО ВЛОЖИЛ В НЕЕ СВОЮ МЫСЛЬ И СИЛУ, И ТЕМИ, КТО ОБОПРЕТСЯ НА ЕЕ, ЖЕЛЕЗНОЕ ПЛЕЧО В ПОЛЕ НА ФЕРМЕ. И КАК ЖЕ ВАЖНО, ЧТОБ ЭТО ЧУВСТВО ВЗАИМНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ БЫЛО КРЕПКО И НЕРУШИМО, КАК РУКОПОЖАТИЕ СЕРПА И МОЛОТА В НАШЕМ ГЕРБЕ!

ОБ ЭТОМ И ШЛА РЕЧЬ ЗА «КРУГЛЫМ СТОЛОМ», КОТОРЫЙ РЕДАКЦИЯ НАШЕГО ЖУРНАЛА ПРОВЕЛА НА РЯЗАНСКОМ КОМБАЙНОВОМ ЗАВОДЕ.

ЗА ЭТИМ СТОЛОМ СОБРАЛИСЬ И ТЕ, КТО ДЕЛАЕТ МАШИНЫ, — ПРЕДСТАВИТЕЛИ ЗАВОДОВ, КОМБАЙНОВОГО И «СЕЛЬМАША», КОНСТРУКТОРСКИХ БЮРО ПО КАРТОФЕЛЬНЫМ И ПО ОВОЩНЫМ МАШИНАМ, МАШИНОИСПЫТАТЕЛЬНОЙ СТАНЦИИ, — И ТЕ, КТО ЭТИМИ МАШИНАМИ ПОЛЬЗУЕТСЯ, — КОЛХОЗНЫЕ И СОВХОЗНЫЕ ЗВЕНЬЕВЫЕ, РАБОТНИКИ «СЕЛЬХОЗТЕХНИКИ». В РАЗГОВОРЕ ПРИНЯЛИ УЧАСТИЕ ПАРТИЙНЫЕ РАБОТНИКИ, ЖУРНАЛИСТЫ. СОБРАВШИЕСЯ ГОВОРИЛИ О ТОМ, КАК МНОГО МОГУТ СДЕЛАТЬ ИНЖЕНЕРЫ И РАБОЧИЕ, ЧТОБЫ ОБЛЕГЧИТЬ ТРУД ЖЕНЩИН НА СЕЛЕ.

ОБ ЭТОЙ ПРОБЛЕМЕ И РАЗМЫШЛЯЕТ НА СТРАНИЦАХ ЖУРНАЛА ОДИН ИЗ УЧАСТНИКОВ ВСТРЕЧИ ЗА «КРУГЛЫМ СТОЛОМ», ПИСАТЕЛЬ С. ШУРТАКОВ.

МАШИНУ КРЕСТЬЯНКЕ!

Семен ШУРТАКОВ

Каждое лето я живу в своем родном селе Кузьминке, что на юге Горьковской области. И вот как-то, в конце лета, шли мы с председателем кузьминского колхоза Садом Георгиевичем Кабенковым — да, у него такое редкое имя: Сад, — шли мы краем картофельного поля. День был погожий, и всюду шла уборка картофеля. Два трактора с картофелекопалками на прицепе, мерно урча, ходили из одного края поля в другой, а за ними толпа женщин подбирала картофель в ведра и сыпала в большие бурты. «Толпа» — может, это и не совсем точно, поскольку шли колхозницы все же не плечо к плечу, а на некотором удалении друг от друга. Я просто хотел сказать, что женщин было очень много: все поле пестрело платками и кофтами.

— Да, сколько рук отрывает от других дел эта картошка! — с хмурой озабоченностью в голосе воскликнул Сад Георгиевич. — А ведь осень — всяких дел невпроворот: и хлеб еще не весь в амбарах, и силос закладывать надо, и строительство дворов надо завершать. Прямо хоть на части разорвись. И школьников мобилизуем и древних старух приходится просить хотя бы недельку на картошке поработать...

Председатель приостановился у картофельного бурта и, поведя рукой по-над полем, продолжал:

— Весь труд, какой вложен в это поле, — а это, считай, поле было и вспахано, и разборонено, и унавожено, а потом засажено и окучено, — так вот, весь этот труд обходится дешевле, чем одна вроде бы не такая и сложная операция: выкопать выращенный клубень и перевести его в овоще-

хранилище, хоть до того хранилища и все-го-то километр, если не меньше...

Картофельное поле шло вдоль сельских задов, здесь же, на задах, сбочь села, находится и колхозное подворье: фермы, склады, крытый ток, овощехранилище — они были хорошо видны нам с поля.

— А почему? — задал вопрос председатель и сам же на него ответил: — Ну, да что тебе объяснять, сам когда-то на тракторе работал, не хуже меня знаешь: с самой весны и до нынешнего дня на этом поле работала машина и только машина, все делалось, как мы говорим, без руки. Теперь же и в этот бурт картошка принесена руками, и из него насыпаться в мешки будет вручную, и вся работа в хранилище тоже ручная. Вот и получается: пока человеческая рука не касается — дешево, а как коснулась — сразу и вздорожало...

Мне вспомнилось, как однажды целый день провел я на московской «Трехгорке». Я видел, как тысячи нитей нарядывались на тысячи веретен, и приглядывала за работой нескольких машин одна девушка. В ткацких цехах тоже среди восьми, а то и десяти мощных станков можно было видеть одну ткачиху. Ничем не отличался в этом отношении и красильный цех: огромными машинами «командовали» немногочисленные работницы.

Но на той же «Трехгорке», как на любом производственном предприятии, есть и так называемые подсобные рабочие: где-то что-то нужно нагрузить, куда-то перевезти и сгрузить, что-то нужно переставить или передвинуть с места на место, за-

менить, а то и вовсе убрать. Их, этих подсобников, вообще-то немного, все производственные процессы, как я уже сказал, полностью механизированы. Но вот что интересно: зарплата подсобных рабочих если и ниже заработка прядильщицы или ткачихи, то ненамного, а случается, что не только не ниже, а и повыше. А ведь, с одной стороны, десятки, если не сотни метров прекрасной ткани, с другой — что-то там перевезено или перенесено из одного цеха в другой. Дорог, ой как дорог и с каждым годом все дорожает ручной труд. Я уж не говорю о психологическом факторе, о том, что никто не хочет этим трудом заниматься, все хотят иметь дело с машинами: и легче и толку больше...

Особенно остро вопрос замены ручного труда машинным стоит, как мы уже видели, в отдельных отраслях сельскохозяйственного производства. Вопрос этот уже перерос чисто деревенские рамки, мы все больше начинаем осознавать его общесоциальное значение.

Об этом — о проблемах механизации крестьянского труда — в полный голос говорилось недавно за «круглым столом», который был организован редакцией «Работницы» и Рязанским обкомом партии на Рязанском комбайновом заводе. Это был очень интересный «стол».

Поскольку дело происходило на заводе, выпускающем картофелеуборочные комбайны, то и разговор начался с картошки. Вряд ли есть необходимость приводить здесь цифры, показывающие, какие огромные площади занимают у нас под эту культуру. Достаточно вспомнить, что картошку издавна зовут «вторым хлебом», и заслуженно: попробуйте найдите такого жителя России — неважно, где он живет, в городе или деревне, — в ежедневный рацион которого в том или другом виде не входила бы картошка.

Однако, если возделывание и уборка «первого» хлеба у нас чуть ли не на все сто процентов механизированы, с картофелем дело застряло где-то на середине. На миллионах гектаров убирается картофель все еще вручную. И, что ни осень, на уборку картофеля «мобилизуются» и

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

РАБОТНИЦА

Журнал основан 8 марта 1914 года

Издательство «ПРАВДА» • МАРТ 1969

школьники, и студенты, и рабочие. Даже вот с этого самого завода, который делает картофелеуборочные комбайны, и то какая-то часть рабочих тоже откомандировывается на картофельные поля...

— Потому что, если за день вручную выкопаете две сотки — так это, что называется, в упор, — говорила в своем выступлении Мария Амеликина из совхоза «Заборьевский». — На один только гектар затрачивается больше сотни человеко-дней. А если их, этих гектаров, сто, двести или триста?

К словам Марии Амеликиной можно бы добавить, что по всей Рязанской области в прошлом году было занято под картофелем не сто и не двести, а чуть ли не 100 тысяч гектаров, а к 1970 году эта цифра возрастет до 130 тысяч. Сколько рук надо, чтобы убрать такую площадь, сколько потребуется человеко-дней! И выход здесь только один — механизация.

Комбайновый завод в Рязани — молодой завод. Он только-только выходит из периода становления. Но завод уже успел поставить селу не одну тысячу комбайнов, и в прошлом году ими было убрано в Рязанской области более одной трети картофеля. Прекрасное начало!

— Теперь мы даже как-то и представить себе не можем, что бы делали без комбайнов, — сказала Анастасия Кудимова из колхоза «Пламя», Шиловского района. — Кроме тракториста, нас трое на комбайне, и бывает, что за день мы убираем по четыре и по четыре с половиной гектара. Всего в нашем колхозе было триста гектаров картошки, и комбайнами мы ее за какие-нибудь две недели всю убрали. Я уж не говорю о том, что на машине работать в десять раз легче...

Много добрых слов о своей машине услышали конструкторы, инженеры и рабочие и от других участников «круглого стола». Все отмечали невысокую цену комбайна: только за один сезон полностью, а то и с лихвой машина окупает себя.

Правда, участниками совещания немало было высказано и замечаний и пожеланий в адрес конструкторов и комбайностроителей (собственно, в этом и заключался главный смысл встречи за «круглым столом»).

Опытный комбайнер, Герой Социалистического Труда Алексей Герасимов из совхоза «Заборьевский» говорил, что велики еще потери мелких клубней и механические повреждения крупных. Низок запас прочности у некоторых узлов и отдельных деталей: конической шестерни выгрузного бункера, например, иной раз хватает только на одну смену. То же самое можно сказать про втулки шатунов. На песчаных почвах быстро изнашиваются цепи Галля. А с запасными частями очень плохо: их ни с комбайнами не присылают, ни так достать невозможно.

Высказывались и другие столь же авторитетные, а потому и особенно ценные для комбайностроителей и конструкторов суждения. Критика была заинтересованной и по-товарищески доброй: все понимали, что создать машину, приближающуюся по своей «разумности» и «чувствительности» к человеческой руке, — дело непростое и нелегкое. Но, как говорила фрезеровщица комбайнового завода Нина Застойна:

— Уж если мы запускаем корабли на Луну и Венеру, неужто такие машины нам не сделать? Я сама из деревни — знаю, что это за труд — копать картошку. И мы — и я и мои подруги — приложим все силы, чтобы сделать больше машин для села.

В настоящее время завод осваивает новую, усовершенствованную модификацию комбайна, и многие пожелания, высказан-

ные за «круглым столом», будут в ней учтены. В знак содружества серпа и молота новую модель машины так и назвали: «Дружба». И таких машин будет выпущено в 1969 году 7 тысяч.

Однако же картошка картошкой, и все ее любят, но какой обед можно приготовить без лука, капусты и моркови? И под эти огородные культуры у нас тоже занимают огромные площади. И уборка их тоже — да нет, пожалуй, не тоже, а еще более — трудоемкая штука. А много вам приходилось видеть машин, убирающих лук или капусту? Где уж там горожанам — сельские жители такие машины и то чаще видят на выставках, чем на огородных плантациях.

За «круглым столом» и об этих машинах говорилось. Такие машины созданы, но их мало. Тут работа только началась, и впереди еще край непочатый.

А теперь мне хотелось бы вернуться на то самое поле, с которого начался наш разговор.

Я говорил, что одним концом поле упирается в колхозное подворье. Давайте туда и пройдем.

По ту сторону колхозных дворов, также вдоль села, протянулось поле сахарной свеклы. Мы на него ходить не будем: и от дворов видно, что там делается примерно то же самое, что на картофельном, — две машины копают, а десятки женщин собирают за ними свеклу и складывают в кучи.

И в овощехранилище заглядывать не станем: со слов председателя колхоза нам уже известно, что никаких хитроумных механизмов там нет, все делается так же, как и при царе Горохе.

А вот на скотных дворах побывать следует. Интересно, как здесь обстоит дело с механизацией так называемых трудоемких процессов.

Ну, во-первых, давайте расшифруем эту туманную формулу. Любая операция по уходу за скотом — дело нелегкое. Однако же самыми трудоемкими, сиречь самыми тяжелыми, видимо, следует считать дойку, раздачу кормов и уборку навоза. Так вот, как и насколько механизированы эти процессы?

С дойкой хоть и не шибко, но дело подвигается: где на одну четверть, а где и на одну треть доение механизировано (здесь я имею в виду, разумеется, не один кузьминский колхоз, а колхозы всей страны). То же, конечно, невелик «показатель», но все же. Что же до раздачи кормов и уборки навоза, то тут дела обстоят уж и совсем плохо. Тут ладно бы хоть на одну десятую и то и другое было механизировано.

Летом еще туда-сюда, летом коровы или телята днем пасутся, а вечером и утром кинул им по охапке свежескошенной люцерны — они и сыты.

А зимнее дело? Возчики привезли добытые из-под снега так называемые грубые корма — солому или ту же люцерну — и свалили у двора. Бывает, что в метельные дни в сваленную люцерну снегу надует, но это не будем класть в расчет. Но и при самой тихой погоде какими такими механизмами взять люцерну и донести до кормушки? Самым распространенным, если не единственным механизмом тут являются... вилы. Да, да, те самые, что бывают деревянными или железными, о трех или четырех рогах... А люцерна слежалась, пласты не раздерешь, а взять тот пласт на вилы целиком — очень даже просто пуп надорвешь... Конечно, выражение, на чей-нибудь тонкий слух, может, и несколько грубоватое, более литературно было бы сказать,

Участники «круглого стола» — в цехах комбайнового завода. На первом плане — директор завода Б. Шевченко, токарь завода «Рязсельмаш» А. Анурова, колхозница Н. Малышева.

Выступает Д. М. Гармаш. Знаменитая трактористка руководит теперь Рыбновским районным отделением «Сельхозтехники».

Фото В. ГАВРИЛОВА.

что это трудоемкий процесс, но доярки, которым приходится орудовать вилами, не искушены в изящной словесности и говорят именно так...

Я не сказал, что навильник корма надо принести не одной корове, а пятнадцати, и не один раз в день, а несколько. А еще эти полтора десятка коров надо и напоить, и тоже не один раз, а далеко не на всех

дворах стоят автопоилки... И навоз из каждого стойла надо убрать, и тоже не раз, и все теми же вилами. Ну, еще на помощь им подключается лопата.

Мне могут напомнить: а ты разве забыл—подвесные же дороги на многих и даже очень многих дворах есть. И корма можно подвезти и навоз вывезти. Нет, я не забыл. И какое-то облегчение эти дорожки, конечно, дают. Однако же и при наличии дорожек доярке про вилы забывать не приходится.

Может, кому-то из горожан покажется, что я сгущаю краски и рисую уж очень удручающую картину. Что ж, картина и в самом деле не очень веселая, но никакого сгущения красок тут нет. Почитайте любое постановление по сельскому хозяйству, и в каждом из них вы найдете указание на то, что механизация трудоемких процессов в животноводстве очень важная и—увы!—еще не решенная проблема.

И в заключение мне бы хотелось сказать и особо—ну, что ли красным карандашом—подчеркнуть вот что.

В самом начале картофельное поле на задах своей Кузьминки я описывал. Помните, кто на нем работал? Правильно, одни женщины. Мужиков было только двое—на одном тракторе да на другом. На свекольном поле, как я уже говорил, картина была точно такой же. А на скотных дворах? Я помнил пастухов, возчиков—да, ими, как правило, работают мужики. Но это же единицы. А десятки доярок, свинок, телятниц, скотниц—все сплошь женщины.

Так что же это получается, дорогие товарищи мужчины! Самую тяжелую работу в деревне работают женщины—слабый пол. Как-то нескладно, не очень красиво получается.

Не так давно в одной столичной газете разгорелась горячая дискуссия: кого надо больше беречь, мужчин или женщин. Статя, послужившая отправной точкой дискуссии, так и называлась: «Берегите мужчин!». Ну, и пошло-поехало. И чего только не было тут высказано как той, так и другой стороной!

Я не собираюсь включаться в эту дискуссию и разбирать, кто прав, а кто нет. Я только хочу в связи с ней напомнить старую истину: все познается в сравнении. И если сравнить предмет дискуссии с той большой проблемой, о которой говорилось за «круглым столом» в Рязани,—сразу же определяются масштабы и все станет ясно.

Недавно правительством принято постановление «О более широком привлечении женщин к участию в квалифицированном труде в сельском хозяйстве». В этом постановлении речь идет об участии женщин не вообще в сельскохозяйственном труде—без ее рук и так ничто в деревне не обходится,—речь идет о более широком участии именно в квалифицированном, машинном труде. А для этого надо облегчить труд женщин, управляющих машинами. Женщинам-механизаторам будут предоставляться машины, имеющие наиболее совершенные сиденья, кабины, устройства для пуска и управления.

И тут хочется обратиться к нашим конструкторам, инженерам и рабочим—создателям машин, облегчающих женский труд: ускорьте выход этих машин на поля и фермы! Пусть будет как можно больше таких машин, и пусть они будут получше, надежней!

Русская—да и только ли русская!—крестьянка достаточно поработала и наработала своими золотыми руками. Как и ее городская, фабричная сестра, она—хочет, чтобы на помощь ей пришли машины, а она бы управляла ими.

Дайте ей эти машины!

Навстречу Всемирному конгрессу женщин

В разных странах • В разных странах • В разных странах

СССР

В Киеве, Ташкенте, Фрунзе, Харькове, Ужгороде, Саратове и других городах прошли съезды женщин, конференции и семинары, на которых обсуждались вопросы, связанные с подготовкой и конгрессу, о пополнении Фонда мира, о подарках и сувенирах для его участниц.

* * *

Художницы столицы решили посвятить Всемирному конгрессу женщин свою будущую выставку. Женщина в социалистическом обществе, ее вклад в создание духовных и материальных ценностей, в борьбу за мир, образ женщины-матери— вот темы отбираемых на выставку произведений живописи, графики, скульптуры, прикладного искусства.

Выставка откроется в июне в залах Московского Дома художника.

ШВЕЦИЯ

Женские организации Швеции решили взять на себя часть расходов по поездке в Хельсинки делегации женщин борющейся Вьетнама.

ФИНЛЯНДИЯ

Женщины страны Суоми выпустили на свои средства поч-

товые открытки с эмблемой Всемирного женского конгресса. Весь сбор от продажи открыток пойдет в материальный фонд конгресса.

БОЛГАРИЯ

Комитет болгарских женщин берет на себя расходы по проезду на конгресс десяти делегатов из Вьетнама, Алжира, Боливии, Ливана, Греции и Кипра.

В стране разворачивается сбор средств для приобретения медицинского оборудования в здравпункты освобожденных районов Южного Вьетнама. Добровольные взносы будут собираться в городах и селах Болгарии на массовых митингах протеста против американской агрессии в Юго-Восточной Азии.

Подготовка и конгрессу совпала с важной датой в истории нашей республики—25-летием социалистической революции. Вместе с Центральным советом профсоюзов, ЦК комсомола, Центральным кооперативным союзом Комитет болгарских женщин готовит национальную встречу ударниц промышленности и сельского хозяйства, деятелей науки и искусства. На эту встречу будут приглашены и делегатки Всемирного конгресса женщин.

М. ДОБРЕВА,
зам. редактора журнала
«Жената днес»

ИТАЛИЯ

ОН ХОТЕЛ ЕСТЬ

Эта история началась еще в сентябре прошлого года и не кончилась до сих пор. В ней, как в капле воды, отразилась самая сущность так называемого «свободного мира» и его «демократических основ».

Девятилетний школьник Франческо Ринальди из Палермо (столица Сицилии) возвращался после уроков домой. Отец Франческо много месяцев числился в списке тех ста тысяч палермцев, которые не могли найти работы, а в семье было пятеро детей. Франческо уходил в школу голодным и все время думал о еде. И на этот раз было то же. Возле одного дома мальчик увидел лоток разносчика продуктов. Хозяин вошел в подъезд, кругом никого не было. Франческо схватил два плавленых сырка, порцию вареного мяса и бросился наутек. На углу его задержал карабинер. Мальчика препроводили к судье, а тот заключил его в тюрьму Маласпина.

Вскоре родители Франческо получили письменное уведомление, что их сын переправлен в психиатрическую клинику.

Об этом узнал один из коммунистических депутатов парламента. Он связался с директором клиники и попросил его лично осмотреть мальчика. Последовало письменное заключение: «Франческо Ринальди абсолютно нормален. Единственное, в чем он нуждается,— это в систематическом питании и хорошем обращении».

Но вместо того чтобы вернуть мальчика родителям, палермские власти снова отправили его в тюрьму.

«Если ты украл железную дорогу—тебя выберут в парламент, если ты украл булку—тебя посадят в тюрьму». Это не только афоризм, но и принцип, который действует в капиталистическом мире. Без скидки на возраст.

БРАЗИЛИЯ

НЕВОЛЬНИЧИЙ РЫНОК

Маленький бразильский городок Монте-Кларос приобрел в последнее время печальную известность как город, где идет работорговля.

Гонимые нуждой и голодом обитатели северо-восточной Бразилии кочуют по дорогам центральных районов в поисках работы. Они узнают, что в Монте-Кларосе есть «биржа труда». Посредники услужливо предоставляют фургоны, в каждый из которых набивают по 45 «добровольцев», и оптом, 300 долларов за фургон, продают их крупным землевладельцам.

Через полгода или год батраки залезают в такие долги, что уже не могут вырваться. Для строптивых построены концлагеря и карцеры. Каждый землевладелец держит команду «горилл»—вооруженных наемников, которые беспощадно расправляются с непокорными.

Не только в Бразилии, а и в Боливии, Сальвадоре, Парагвае и других странах Латинской Америки торгуют человеческим товаром.

По данным ООН, на земле еще насчитывается 2 миллиона рабов. Больше половины—в Латинской Америке.

С. РУХОВИЧ

Навстречу Всемирному конгрессу женщин

В разных странах • В разных странах • В разных странах

Посошок

Рисунки Ю. ВЕЧЕРСКОГО.

Рассказ

К сестре Ирина Михайловна приезжала редко, раз в два-три года, и то больше принуждала себя к этому, хотя и любила сестру, эту безответную и не очень счастливую Лушу с ее заботами, детьми и всем тем, что нередко приходится на долю женщины. Сестра так и осталась жить в их родном городе — Саратове, работала сначала няней в детском отделении городской больницы, потом окончила курсы, стала медицинской сестрой, и сейчас ее девочке Тане было уже двенадцать лет, а сын Михаил перешел в восьмой класс, но дальше, писала сестра, обстоятельства у нас такие, что придется Мише поступить на работу, а со временем, может, доучится заочником.

В этом году удачно совпало, что концерты Московской эстрады, где работала Ирина Михайловна, были намечены на июнь — июль в нескольких волжских городах, а от Куйбышева или даже от Астрахани до Саратова недалеко.

Она написала сестре, что в конце июля непременно приедет, в Казани села на пароход, гастроль эстрады прошла успешно, и она ехала довольная собой, отрешенная от всего того, что было связано с городом детства, давно ушедшего и полузабытого; но повидать сестру ей все же хотелось, и накануне отъезда она купила для нее хорошее шерстяное платье, купила и для Тани два отреза красивого давленого ситца, а Михаилу купила фотоаппарат «Турист». Она скрывала сама от себя, что ей приятно одарить всех подарками — свидетельством того, что она живет достаточно широко и независимо, считается хорошей исполнительницей народных песен, а осенью Московская эстрада готовит поездку группы артистов в Польшу и Болгарию, и ее уже наметили в эту группу.

Она еще с палубы парохода увидела на пристани сестру с ее девочкой, но они, видимо, не узнали ее, красивую и чуть располневшую, в светлом летнем платье и в шелковой косыночке, небрежно накинутой на золотистые волосы. Сестра не сразу отыскала ее и среди сошедших на берег, потом нашла, кинулась к ней, и обе минуту целовали друг дружку.

— Какая ты стала... — сказала Луша, отстраняя ее на миг, чтобы лучше взглянуть. — Смотри, Танечка, какая у тебя нарядная и красивая тетя.

И Ирина Михайловна поцеловала и Таню, худенькую и робкую, похожую на свою мать.

Они стали подниматься по широким ступеням набережной, на верхней террасе раскинут был парк, деревья, чуть сожженные знойным саратовским летом, уже слегка желтели к осени, а чемодан Луша не дала нести сестре и отстраняла ее каждый раз, когда та хотела помочь ей.

— Не нашла такси, — сказала Луша виновато, — но мы ведь близко, ты уж потерпи, Аринушка.

В детстве Ирину Михайловну отец и мать звали Аринкой, она и по паспорту именовалась Ариной Михайловной, но, став певицей, несколько изменила свое имя, и теперь на афишах стояло обычно: «Ирина Воложина. Народные песни».

Несколько лет назад Луша овдовела, муж ее, хороший, добрый человек, почувствовал себя на работе плохо, хотел перемочь себя, а когда его прямо со службы отвезли в больницу и Луша узнала и побежала туда, дежурный врач не скоро вышел к ней, сказал, глядя мимо, чтобы не видеть ее испытующих глаз:

— Нередко так-то: отмахнутся, думают — обойдется, а сердце человека не из резины сделано.

После смерти мужа Луша осталась одна с детьми, теперь в доме было сиротство, несмотря на все ее старания. И как-то совсем не ко времени показались Ирине Михайловне ее довольство от удачных спектаклей, и светлое, нарядное платье на ней, и красивые босоножки, на которые издали смотрела Таня и не могла скрыть своего робкого восхищения.

— Ну, как же вы тут? — спросила Ирина Михайловна сестру, когда сели за стол, на котором приготовлен был завтрак — поми-

дору, и свежие огурцы, и холодная курица: наверно, рано утром сбегала Луша на рынок, чтобы успеть приготовить.

— Живем помаленьку, — сказала Луша, — стараюсь, конечно, чтобы все получше было, а через год Миша помогать мне станет, он уже сулил, что станет помогать. Он хороший, в отца. Ну, а ты как, Аринка?

И Ирина Михайловна не смогла сказать ей, что пока все удачно складывается, о ее выступлениях хорошо пишут в газетах, и в Москве и Ленинграде уже знают об исполнительнице народных песен — Ирине Воложиной; а недавно она выступала с успехом и в Киеве, пела по-украински, и в июне гастроль тоже хорошо прошла, а позднее, осенью, собираются послать ее вместе с другими артистами в Польшу и Болгарию, и она уже выучила несколько польских и болгарских песен, чтобы спеть их на польском и болгарском языке...

Это была совсем другая жизнь, непохожая на трудную и тихую жизнь Луши, сейчас одной растившей детей, и Ирина Михайловна ничего этого не сказала, ответила только:

— Выступать с концертами — сама понимаешь, сколько работать приходится.

— Конечно, понимаю, — сказала Луша, — и такая охота послушать тебя.

— Я пластинки с записями своих песен привезла. У вас есть электропроигрыватель?

— У соседей есть, — отозвалась Таня поспешно. — Мама попросит — они одолжат нам. — И она смотрела на Ирину Михайловну с ее босоножками на высоких каблучках и с ее голосом, записанным на пластинки, как на нечто, совсем несхожее с тем, что она знала доселе.

Они сидели за столом, две сестры, и Ирина Михайловна ела саратовские помидоры, таких и в Москве не достанешь, выпила с Лушей по рюмке наливки из кизилевых ягод, а кизил рос возле их дома в детстве и, должно быть, и сейчас растет, разросшийся.

— Да, вот так и идет жизнь, — сказала Луша. — Мне уже тридцать восемь лет, а ты на два года моложе меня — значит, тебе тридцать шесть, а я девчонками обеих нас помню, уезжали мы с тобой на какой-нибудь остров и закупывались в Волге до озноба... А Мишенька поехал рыбу ловить, хочет угостить тебя свежей рыбой, может, щука попадет, я фаршированную щуку делать мастерица, но сейчас мелководье, рыба плохо клюет.

Она была вся волжская, Луша, вся от корней их семьи, и отец был волгарем, и мать волжанкой, только возле Волги и могли жить, и ни на какие лучшие заработки где-нибудь на Колыме или Дальнем Востоке, куда звали отца как опытного монтажника, он не зарился, — и все здесь, в Саратове, вся память детства и юности, и первая ее, Ирины, любовь — тоже здесь, в Саратове, и на лодке выезжали при луне здесь, в Саратове, и в первый раз поцеловал ее в лодке Гриша Тищенко здесь, в Саратове, а сейчас он летчик, подошел к ней во время ее выступления в одном из концертов в Москве высокий, чем-то знакомый подполковник инженерной службы, поднес несколько гвоздичек, сказал:

— Вот вы и известной певицей стали, Арина Михайловна, — хотя на афише было имя — Ирина. — Я вас по старой памяти называю так. А я Гриша Тищенко, теперь уже, как говорится, в чинах и с семейством, но я и Волгу, и луну над ней, и вас хорошо помню.

— Боже мой, какие далекие времена, — сказала она чуть актерски, — очень рада вас видеть.

И он понял, что далеко ушли для нее и Гриша Тищенко, и лодка под луной, и проходящий в огнях пароход, на волне от которого можно покачаться, нужно только умело поставить лодку, чтобы не захлестнуло...

— Я сегодня выходной взяла, — сказала Луша, — а в воскресенье отдежурю. Ты сколько пробудешь у меня?

— Там посмотрим, — ответила Ирина Михайловна уклончиво. Она собиралась пожить у сестры две-три недели, провести

отпуск в родных местах, а затем уж и Москва, и открытие театрально-концертного сезона, и все то, что единственно заполняет ее сейчас, ревниво заполняет, не оставляет времени задуматься о чем-нибудь другом, а тем более о давно оставленном и давно ушедшем. Но она сразу же, войдя в дом сестры, ощутила, что три недели не проживет здесь, в волжском знойном городе, даже к вечеру не остывающем, представила себе, что же она будет делать целые дни одна, когда сестра на работе: ходить на рынок за продуктами, готовить обед, а вечером сядут — начнут вспоминать детство, опять перебирать все заново, только бесцельно бередить душу воспоминаниями, когда все в жизни уже совсем другое.

Она все же рассказала сестре, но скупно, что становится постепенно известной со своими песнями, а недавно выступала в Доме литераторов в Москве и один из поэтов подарил ей книжку своих стихов с хорошей надписью.

— Вот и вышла ты на дорогу, — сказала сестра, — хоть ты у нас вышла, а у меня ничего не получилось, только медицинские курсы удалось окончить, и такого труда это стоило, двое маленьких на руках, правда, муж тогда еще был жив, помогал мне во всем, такой он хороший был — Борис. — А на стене висел большой, увеличенный местным фотографом портрет мужа Луши, и грубая ретушь не передавала ничего — ни доброты, ни мягкости.

После завтрака Ирина Михайловна открыла чемодан, отдала сестре шерстяное платье, а племяннице два пестренских красивых отреза, и Луша, покачивая головой, сказала:

— Что же ты так разоряешься? Да и куда мне ходить в таком хорошем платье, разве когда Мишенька школу кончит, на выпускной вечер пойти в нем.

Но Ирина Михайловна заставила ее померить платье, оно оказалось как раз впору, и Луша стала красивой в нем прежней своей застенчивой красотой и сама чуть притихла, глядя на себя в зеркало. А Тане Ирина Михайловна накинула конец отреза на плечи, и та тоже затихла, глядя на себя в зеркало: никогда подобной красоты у нее не было.

Потом пошел длинный летний день, тихий саратовский день, в комнатах было душно, и Ирина Михайловна посидела с сестрой в садике, — а кизилловый куст разросся и стал целым деревцем.

— Забот у меня много, — говорила Луша, — да куда от них денешься? Таня в пятый класс перешла, умница и учится хорошо, но такая робкая, и все думаю я, как она будет жить, такая робкая, никогда за себя не постоит, а сейчас, сама знаешь, как в жизни, сейчас робкого человека другие более бойкие оттеснят, и ничего не могу с ее характером сделать. И Мишу мне жалко, ему бы все десять классов кончить, он и сам учиться хочет, но трудно нам без отца, а через год он начнет зарабатывать все-таки, такая у нас с ним надежда.

Луша говорила печально, развивала свиток своей маленькой жизни, в которой не было ни аплодисментов слушателей, ни афиш с крупно напечатанной фамилией исполнительницы, ни газетных отзывов — была только саратовская городская больница, детское ее отделение, где за каждого ребенка душой болеешь и вместе с матерью делишь это, и матери доверительно просят: «Вы уж присмотрите, Гликерия Михайловна», а иные попроше: «Присмотри за моим, Лушенька... я твоим рукам верю», — и как же обмануть это материнское доверие, случается — и дежурство подольше растянешь, и если на ночь приходится, то и не прикорнешь на минутку, все пойдешь взглянуть, как там у них в палате, а уж про инфекционное отделение лучше и не говорить.

Потом Луша принесла чайник, и они пили чай за столиком в саду, как в детстве, а отец обычно сидел после работы с газетой в руках, ждал вечернего чаю, и чашка у него была большая, старинная, с надписью: «В день ангела», — в этот день на стол ставились завернутые в бумагу подарки, дочка раз сообщила подарил отцу красивую соломенную шляпу с большими полями, и отец, надев ее, сказал: «Экая теперь у тебя шляпа, старый гриб, только держись, всем издали виден будешь», — и он стал носить эту шляпу, когда уезжал на рыбалку, в ней было неопасно под жарким саратовским солнцем.

Ирина Михайловна хотела пожить у сестры, ей казалось, что после не одного года разлуки они не наговорятся друг с дружкой, но уже через часок они перебрали почти все из своих воспоминаний, у Луши были теперь свои заботы и мысли, и она больше думала о сегодняшних трудностях, чем о беспечных радостях детства; и у нее, Ирины Михайловны, тоже было свое, но она не сказала сестре, что уже шесть лет тянется канитель с одним человеком и соединиться с ним боится, чтобы не оказаться впряженной в семейную упряжку, и потерять его боится, так страшно для женщины одиночество, все-таки уж не утренняя заря ее жизни, надо быть осмотрительней, а за последний год и совсем разладилось у них, подозревает она, что у него другая есть, но пока скрывает: может быть, ждет, чтобы прочно все стало с той, тогда откроется.

— У тебя, Луша, все-таки дети есть, надежда это, — сказала она,

отвечая своим мыслям, — и Таня, видно, хсть и робкая, но усердная и любит тебя.

— Я своими детьми довольна, — оживилась Луша, — хорошие они оба у меня. И Миша тоже старательный... а без рыбы не придет, — засмеялась она, — руками будет ловить, а поймает. Вечером уху сочиним... помнишь, какую уху готовила мамочка? — И они вспомнили, как возвращался с рыбалки отец, всегда добрый и великодушный, но пойманной им рыбой ни с кем не хотел делиться, и мать говорила любовно: «Экая ты жадина», — но отец не обижался, отвечал: «Без жадности рыбу не поймаешь», — и сам помогал матери приготовить уху.

Но это были такие далекие воспоминания, такое уплывшее облако, и Ирина Михайловна спросила лишь:

— А рыбацкая шляпа цела?

— Лежит в картонке, я Мише ее отдать хочу, пусть в ней рыбачит.

Они вспомнили еще кое-какие рыбацкие причуды отца, Ирина Михайловна сказала:

— Надо будет обязательно побывать на кладбище.

— Съездим, — ответила Луша. — В следующий выходной мой день съездим.

А к вечеру вернулся Миша, приволок в мокрой сетке с десятком окуней, среди которых затесался налим, и Луша сказала: «Молодец, Мишенька, угостим тетю Арину ухой», — а Миша был уже рослый и крепкий, уже со сноровкой добытчика и, наверно, поддержит мать, хорошо поддержит своим, уже почти мужским плечом.

Ирина Михайловна подарила ему фотоаппарат «Турист», Миша степенно сказал: «Спасибо. Теперь буду посылать вам фотографии с Волги», — назвать ее тетей постеснялся, может быть, полагая, что артистке нужно подольше оставаться молодой, и Ирина Михайловна ответила:

— На здоровье, племянничек. Пришли мне снимки с вашего нового моста, я его прежде и не видела.

— Теперь хорошо, — сказал Миша. — Теперь в Энгельс можно пешком пройти, — словно у него были дела в Энгельсе, но он ходил через мост рыбачить на далекий остров, знал протоки Волги, однако без надувной лодки туда не доберешься, и Ирина Михайловна пообещала ему купить в Москве в магазине «Динамо» надувную лодку и прислать по почте.

Миша помог матери разделить рыбу, у него, как и у его деда, уже были рыбацкие привычки, и вечером ели уху, в тарелку сестры Луша положила самые лучшие куски, а Миша говорил:

— Вы весной приезжайте, когда в Волге большая вода, тогда и щука хорошо берет, а если в «Динамо» будете, купите мне тогда крючков номер ноль пять или ноль шесть для наживки.

Ирина Михайловна записала номера крючков, а Миша сказал еще:

— Я со временем хороший спиннинг приобрету, вообще обзаведусь снастью, а семью без рыбы не оставлю, — и он мужским глазом подмигивал своей сестре, а робкой Тане, наверно, казалось, что он слишком свободно говорит с той, про которую мать сказала, что это известная певица теперь.

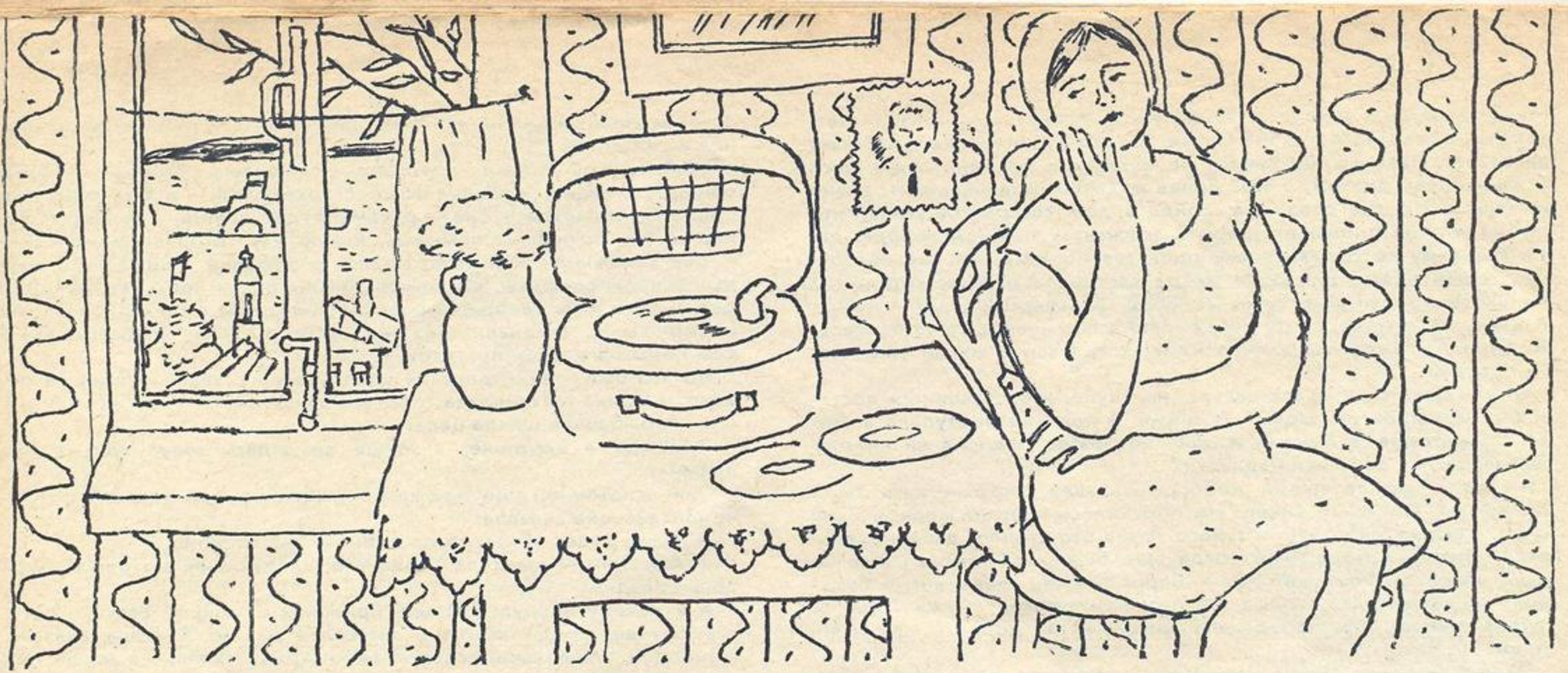
— Ну, что же, достань у соседей проигрыватель, — предложила Ирина Михайловна после ужина. — Я несколько пластинок захватила с собой.

И Таня вскоре принесла проигрыватель, наверно, сообщила соседям, что приехавшая тетя привезла пластинки с ее песнями, и две пожилые женщины пришли послушать, но в комнату войти постеснялись и стояли у дверей.

Ирина Михайловна поставила в проигрыватель пластинку, и ее сильный, грудной голос зазвучал вскоре, она пела известную народную песню, пронзительную и печальную: «Соловей мой, соловейшко, голосистый мой, молоденький!» — и сама немного заслушалась своего голоса. Потом она перевернула пластинку, на обороте была другая песня: «Волга, реченька глубока, прихожу к тебе с тоской; мой сердечный друг далеко...», — и песня, казалось, широко поплыла, до самой середины Волги поплыла, до того стрежня, где некогда в лодочке, под луной, длинный и задумчивый Гриша Тищенко поцеловал ее, а теперь он штурман авиации, летает на каких-то ракетных самолетах, и кто знает: не окажется ли его имя среди имен покорителей космоса?

— Хорошо, — сказала Луша, вытирая слезы, — вот ведь как хорошо ты стала петь, Аринушка... Тебе, наверно, и до народной артистки недалеко теперь...

И хотя было еще так далеко до этого, да и будет ли это вообще, Ирина Михайловна польщенно промолчала, только смотрела мимо, в окно, на простор уже поглубевшей к вечеру Волги, не признавая себе, что хочется поскорее в Москву, что еще два-три дня она вынудит себя пожить здесь, а потом затоскует, да и приглашали ее на неделю-другую в дом отдыха актеров на Плесе, она думала и о том человеке, с которым давно хотела порвать и вместе с тем боялась потерять его, но Луша с ее прямой душой никогда не поймет этого: она любила только одного человека, и дети от него, а те десятки маленьких, которых матери вверяют ее рукам, — это для нее не только труд, но и часть ее

сердца, и Таня, наверно, станет такой же душевной и старательной.

А Михаил, единственный мужчина в доме, между тем старался занять гостью, рассказал, что кое-кто браконьерствует, ловит молодую красную рыбу, хотя это запрещено, и он сам не прочь поступить дружинником в рыбнадзор, Волга — это мать, и нужно беречь ее. И Ирина Михайловна согласилась с тем, что Волга — это мать, одобрила, что он бережет Волгу, кому же, как не таким, как он, беречь ее? И тихий вечер опустился на Волгу, а луна лежала в ней на стрелке, та же луна, что и в юности, только постаревшая и пожелтевшая от времени.

Луша заставила лечь на ее постель, а сама легла на расставленную коечку, и они полежали еще в полутьме, а из открытого окна тянуло речной прохладой, и если приподняться на локте, можно было увидеть лунную дорогу на Волге, и буксир, должно быть, прогудел на ней, а утром мимо парохода, на котором Ирина Михайловна ехала сюда, прошел буксир с названием «Доктор Иноземцев», тянул за собой баржу, и Ирина Михайловна стояла на палубе, думала о том, кто был этот доктор Иноземцев, вспомнила затем, что существуют знаменитые капли Иноземцева, которыми лечили на Волге холеру, и, значит, ничто не проходит, только голос певички пройдет в свое время, и так страшно было представить себе это.

— Ты, Лушенька, не обижайся на меня, — сказала она. — Я еще денек побуду у тебя, а потом в Москву. Осенью гастроли, с аккомпаниатором подготовить кое-что нужно, да и разные личные дела.

Сестра помолчала, потом сказала:

— Я давно хотела спросить тебя, Аринушка, но стеснялась как-то. Какие у тебя сердечные дела? Ведь не можешь ты быть все одна и одна, ну я — это ладно, у меня дети, я ни о чем другом и не думаю, а ты молодая еще и красивая, и голос у тебя какой, я заплакала, когда услышала пластинку.

— Сложно у меня, — ответила Ирина Михайловна неопределенно, — и позавидуешь тебе с прямой твоей жизнью. А у меня все как-то вкось. — И она ничего не добавила больше, а сестра ни о чем не спросила.

Потом обе лежали в темноте и, наверно, уснули.

Утром Луша рано ушла на работу, оставила на столе приготовленный завтрак, и хозяйкой была Таня, терпеливо ждала, когда гостья проснется, чтобы подогреть чайник. На гвозде возле умывальника висело чистое полотенце, новый кусок мыла лежал в мыльнице — мыло было дешевое, розовое, резко пахнущее, и Ирина Михайловна достала дорожную мыльницу с хорошим мылом, достала и все то, без чего уже не могла начать день: какие-то тюбики и баночки с кремами, коробку с пудрой, губной карандаш, и Таня сидела в стороне, смотрела на нее и думала, наверно, что все это тоже своего рода чудо.

— Смотри, смотри, — сказала Ирина Михайловна, — как твоя тетка молодость наводит... Тебе хорошо, у тебя щеки наливные, как яблоки, а мне уже молодиться приходится.

— Нет, вы еще молодая, — сказала Таня почтительно или даже восхищенно, и Ирина Михайловна отозвалась с нежностью: «дущечка ты моя», — становясь постепенно той Ириной Воложиной, которая выступает на эстраде, с матовым, чуть пушистым от пудры лицом, тронутыми губным карандашом губами и вся благоухающая, так что благоухание стояло и в комнате.

— Чаю не нужно, принеси только горячей воды, у меня есть баночка быстрорастворимого кофе, — сказала Ирина Михайловна, и они сидели потом вдвоем, пили вместе кофе, а после завтрака Ирина Михайловна спросила:

— Ты знаешь, где помещается железнодорожная касса? Проводи меня.

И Таня проводила ее до железнодорожной кассы, Ирина Михайловна взяла билет в Москву, потом они прошли на телеграф, и она послала телеграмму: «Буду двадцать восьмого», — а того, кому она послала телеграмму, может быть, в Москве и не было, а если и был, обрадуется ли он еще ее возвращению?

Луша торопилась с работы, успела купить по дороге клубники, сказала огорченно:

— Что же ты, и не пожила у меня вовсе, — узнав, что сестра уже купила билет.

— Приеду еще, Лушенька, — пообещала Ирина Михайловна, — а Таня у тебя просто дущечка, и я так рада, что побывала у вас.

Они провели последний вечер все вместе, Михаил рассказывал о подледном лове, он и зимой почти не пропускает ни одного дня, и Луша сказала:

— Он у нас добытчик, его и старые рыболовы хвалят, они другой раз пустые вернутся, а Миша всегда что-нибудь наловит.

И Ирина Михайловна думала о простой, тихой жизни Луши и внутренне жалела ее, так, наверно, и пойдет у нее дальше, без всяких радостей.

— Надувную лодку я пришлю тебе, — пообещала она племяннику, — ты только, смотри, поосторожней с ней. — Но Михаил лишь усмехнулся, он был уже испытанным рыболовом.

А день спустя, под вечер, перед тем, как ехать на вокзал, все по старому обычаю сели, Луша поставила на стол бутылку с кириловой наливкой, сказала:

— Ну что ж, выпьем посюшок на дорожку. — В рюмку Тани долили воды, и все выпили.

На вокзале Луша с детьми провожала ее, стояли на перроне под окном вагона, Ирина Михайловна перед отъездом оставила Луше сорок рублей, хотя та и отказывалась, но Ирина Михайловна сказала строго:

— У тебя дети... а осенью еще пришлю, — и Луша заплакала и взяла деньги.

— Пиши мне, Аринка, — напомнила она, глядя на нее снизу, и Ирина Михайловна движением руки подозвала ее ближе, сказала, чуть перегнувшись в окно, чтобы не услышали дети:

— Не знаю, как с личными моими делами получится, но я напишу тебе.

Луша испуганно и понимающе кивнула головой.

Потом Миша снял кепку, стал махать ею, и все трое шли рядом с вагоном, Луша говорила что-то напоследок, может быть, сказала, что все-таки о многом хорошем удалось им вспомнить. И Ирина Михайловна подумала, что на могиле родителей так и не успела побывать, ее сердце стиснуло от этой мысли, и она, глядя на отстающую Лушу и на Таню, махавшую ей рукой, и на Мишу, махавшего ей кепкой, чувствовала, что губы ее дергаются — так жалко всего, и себя тоже жалко, хотя и знают ее любители концертов и большими буквами печатаются на афишах ее имя и фамилия, — так жалко всего: и этого города детства, и Луши с трудной ее жизнью, и Волги с отраженной на ее стрелке луной, на том самом месте, где Гриша Тищенко поцеловал притихшую девушку... А за окном на запасных путях постепенно оставались позади составы и тепловозы с надписью «Прив», и, наверно, многие и не знали, что это означает Приволжская железная дорога, и уж, конечно, никто не знал, что для нее, Ирины Михайловны, это как зов из прошлого, все же из лучшего, что было в ее жизни, из самой народной и самой призывной песни, которую не повторишь, каким бы голосом ни обладала и как бы искусно не умела владеть им.

МЫ—ИНТЕРНАЦИОНАЛИСТЫ

Каждый раз, сходя с поезда в Иванове, я вспоминаю одно и то же. Как на старом городском вокзале, выдавшем еще проводы отряда М. В. Фрунзе на фронт против Колчака, мы, комсомольцы тридцатых годов, принимали из вагонных окон галдящих на разных языках мальчишек и девчонок. Это были дети зарубежных коммунистов, приехавшие в Ивановский интернациональный детский дом.

Интердом, так называли его тогда, строил весь город. Работали на субботниках и мы, комсомольцы, и те, кто в 1919 году уходил вместе с Фрунзе на фронт; в их числе был и мой отец. Для сотен воспитанников Интердома (одного из них, члена-корреспондента Академии наук СССР, я и сейчас встречаю в Москве) наша страна стала второй родиной.

С тех же лет живут в памяти и светловская «Гренада» и испанские репортажи Эренбурга, Кольцова. Вместе с сообщениями оттуда, из Испании, в наше сознание приходили, чтоб уже никогда не выветриться, названия далеких городов: Барселона, Гвадалахара, Валенсия.

— Держится ли Мадрид? — таковы были, как мы тогда же прочитали в газетах, последние слова Николая Островского.

Да и все мы с тревогой и волнением следили за событиями в Испании. И сколько было среди нас желающих поехать в Мадрид бить ненавистных фашистов!

С первых же дней своего существования Страна Советов находится в интернациональном союзе с трудящимися всего мира. Из этого союза черпают силы и первая страна социализма и все международное революционное движение.

Так было всегда с той поры, как существует наше социалистическое государство.

Вспомним события теперь уже полувековой давности. Советская Россия, только что заявившая о своем рождении, — в кольце интервенции. Владимир Ильич Ленин напутствует уходящий на фронт против войск интервентов Варшавский революционный полк:

«Вам выпала великая честь с оружием в руках защищать святыне идеи, и, борясь вместе с вчерашними врагами по фронту — германцами, австрийцами, мадьярами, на деле осуществлять интернациональное братство народов.

И я, товарищи, уверен, что если вы сплотите все военные силы в могучую интернациональную Красную Армию и двинете эти железные батальоны против эксплуататоров, против насильников, против черной сотни всего мира с боевым лозунгом: «Смерть или победа!» — то против вас не устоит никакая сила империалистов».

Над революционными завоеваниями русского пролетариата занес меч международный империализм — и на помощь русским пришли их братья-рабочие.

«Как только международная буржуазия замахивается на нас, — говорил в 1920 году Ленин, — ее руку схватывают собственные рабочие».

Пролетарии Соединенных Штатов, Франции, Англии, Италии требовали: «Руки прочь

от Советской России!» В 89 городах России сформировались отдельные роты, отряды, полки из добровольцев-военнопленных. 80 тысяч венгров, 30 тысяч югославов, тысячи чехов, поляков, немцев, румын, болгар, корейцев и китайцев, отдельные подразделения итальянцев и французов дрались с белогвардейцами и интервентами в рядах Красной Армии.

Это был вклад международного рабочего класса в победу социалистической революции в России. Это был пролетарский интернационализм, основанный на единстве коренных интересов трудящихся всех стран и наций, — в действии.

С тех пор история еще не раз засвидетельствовала, что интернациональная солидарность — закон коммунистов земли, норма отношений между пролетариями разных стран.

Годы 1918, 1919. Российская советская республика, голодная, истекающая кровью под ударами бесчисленных врагов, помогает, чем только может, восставшим рабочим Германии, Венгрии, Финляндии...

Год 1936. Интернациональные бригады — коммунисты и другие демократы Франции, США, Германии, Мексики, Италии, Чехословакии, Венгрии, Румынии защищают республиканскую Испанию. Из Советского Союза в Мадрид идут пароходы с добровольцами, с танками, самолетами, снаряжением. Видные военные специалисты Малиновский, Батов, Родимцев, Мерецков, Воронов работают военными советниками республиканской армии.

Годы 1941—1945. Мир спасен от фашистского порабощения. В строю народов, совершивших этот великий интернациональный подвиг, первым стоял советский народ. В строю патриотов, отстаивавших свои народы от фашизма, первыми во всех странах стояли коммунисты.

Разгром германского фашизма и японского милитаризма обновил землю: после окончания второй мировой войны 11 государств с населением в 700 с лишним миллионов человек отпали от капиталистической системы. Пролетарский интернационализм нашел в этом факте глубокое и полное развитие.

«Интернационализм на деле, — учил В. И. Ленин, — один и только один: беззаветная работа над развитием революционного движения и революционной борьбы в своей стране, поддержка пропагандой, сочувствием, материально, такой же борьбы, такой же линии и только ее одной, во всех без исключения странах».

Интернационализмом на деле были эшелоны с хлебом, топливом, стройматериалами, сырьем для застывшей промышленности, которые отправлялись от советских границ в освобожденные столицы Болгарии, Польши, Венгрии, Румынии, Югославии, когда еще шла война; интернационализмом на деле были договоры о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи, заключенные Советским правительством с молодыми странами, вставшими на путь самостоятельного развития.

Эти договоры помогли нашим братским странам не только укрепить экономически. Они оградили их и продолжают ограждать от шантажа и вмешательства империалистов, позиции которых так сильно поколебались с появлением в мире целой семьи социалистических государств. Нынче в этой семье — 14 стран Европы, Азии и Америки с населением 1 миллиард 190 миллионов человек — больше трети всего населения земли.

Интернационализм на деле — это экономическое сотрудничество социалистических стран, объединенных СЭВ — Советом Экономической Взаимопомощи: многие сложные народнохозяйственные задачи, которые оказались бы не по силам одной стране, успешно решаются коллективно, на основах полного равенства.

Есть высшее проявление интернационализма на деле — это защита завоеваний социализма, всего дела социализма в любой стране, где на него посягает враг.

Так было недавно в Чехословакии. Спекулируя на национальных чувствах чехов и словаков, правые, контрреволюционные силы, подстрекаемые извне, готовили удар по социалистическим завоеваниям трудящихся республики. Нетрудно представить себе, чем кончилась бы разнузданная кампания реакционеров против Компартии Чехословакии, их яростные нападки на основные позиции социализма, если бы на помощь республике не пришли братские социалистические страны.

Наши откровенные враги и люди, невольно заблуждающиеся, еще и сейчас не отказались от осуждения «советской оккупации» Чехословакии. Но документы и факты, которые известны теперь всем и каждому, позволяют судить, от какой опасности спасли и народ Чехословакии и другие страны Европы солдаты союзных армий Варшавского договора. Они предотвратили братоубийственную войну в самой Чехословакии, они не позволили империалистам пробить брешь в содружестве социалистических стран, они лишней раз напомнили народам: будьте бдительны!

«Капитал — есть сила международная, — писал В. И. Ленин в 1919 году. — Чтобы ее победить, нужен международный союз рабочих, международное братство их».

Мы — противники национальной вражды, национальной розни, национальной обособленности. Мы — международники, интернационалисты».

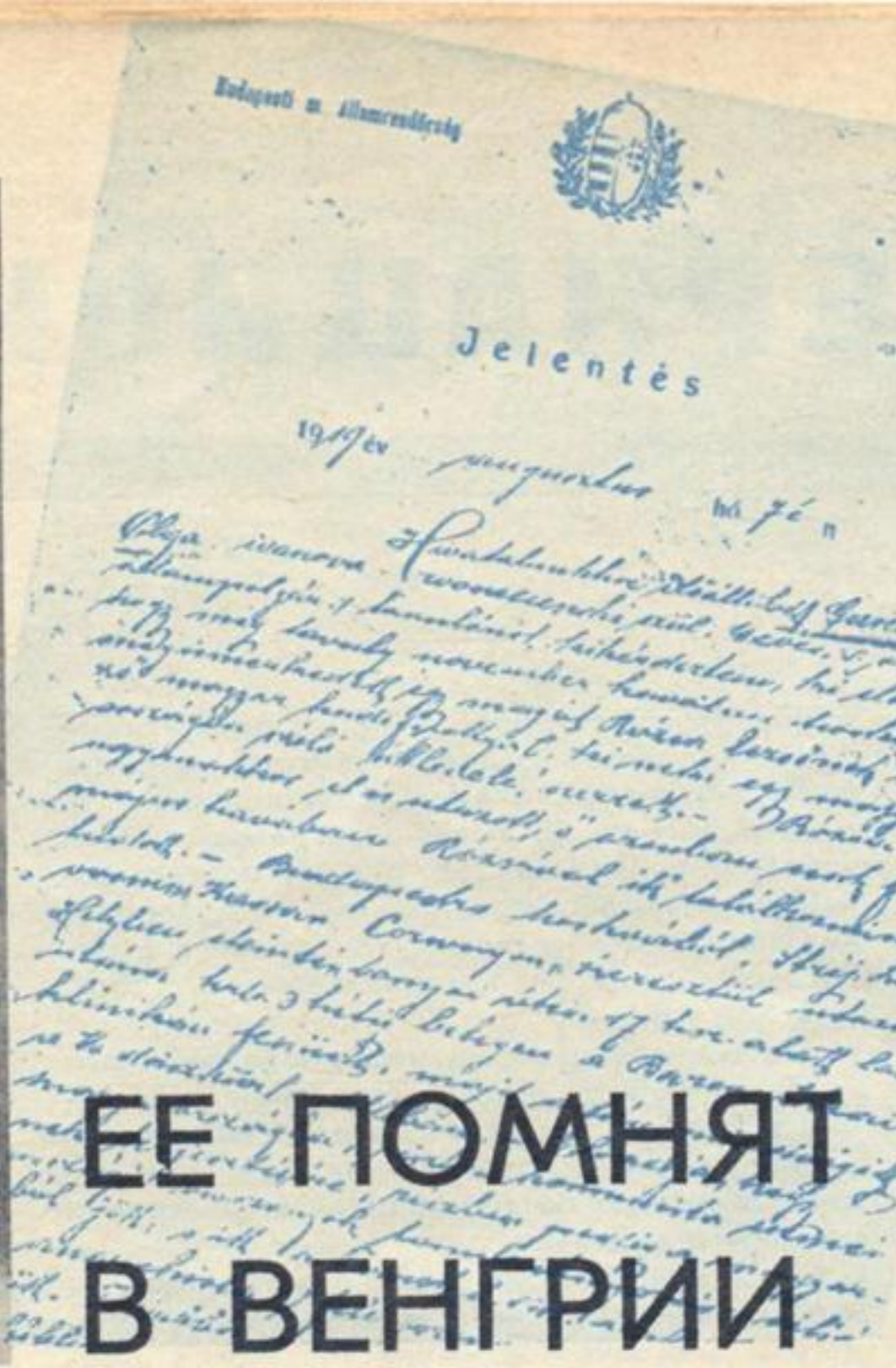
«Мы — интернационалисты», — утверждаем мы сегодня, поддерживая и словами солидарности и ракетами борющийся Вьетнам; мы утверждаем это, помогая народам Африки обводнять пустыни, готовить собственных врачей и учителей, выступая против преследования демократов в Греции, Испании, Индонезии, Парагвае.

«Мы — интернационалисты», — утверждаем мы своим главным делом, своим примером — строительством коммунизма.

Ю. ШАРАПОВ

Ольга Гандурина. 1919 г.

ЕЕ ПОМНЯТ В ВЕНГРИИ

21 марта 1969 года исполняется 50 лет со дня провозглашения Венгерской Советской республики. В мае 1919 года Владимир Ильич Ленин писал венгерским рабочим: «Вы ведете единственно законную, справедливую, истинно революционную войну, войну угнетенных против угнетателей, войну трудящихся против эксплуататоров, войну за победу социализма. Во всем мире все, что есть честного в рабочем классе, на вашей стороне».

Советская Россия переживала тогда тяжелую пору, но, верная закону пролетарской солидарности, горячо поддержала Венгерскую Советскую республику и помогала ей всем, чем могла. А когда против завоеваний венгерского пролетариата поднялись силы международной реакции и внутренней контрреволюции, русские, находившиеся в Венгрии, встали в строй бойцов молодой республики.

Ольга Гандурина...

Нам это имя, к сожалению, ничего не говорило. Автор же письма, Рачкаи Ференце из Венгрии, просила: «Очень прошу помочь отыскать Ольгу Гандурину, которую помнят многие ветераны венгерской революции, и рассказать людям о ее революционном пути».

Рачкаи Ференце, как явствовало из письма, — сестра венгерского коммуниста Деже Энцбрудера. В 1918 году Деже Энцбрудер женился на студентке Московского университета Ольге Гандуриной.

Где она сейчас? Этот вопрос остался пока без ответа. Но поиск позволил прочесть несколько страниц ее биографии.

Военнопленного-интернационалиста Деже Энцбрудера Ольга встретила в Москве. Он участвовал в октябрьских боях, а потом по заданию партии должен был вернуться к себе на родину. Ольга поехала с ним.

Коммунист Энцбрудер готовил революционные выступления рабочих в северо-западных областях Венгрии, неподалеку от родных мест. Ольга тоже включилась в партийную работу.

После провозглашения Венгрии Советской республикой Деже Энцбрудер стал военным комендантом города Шопрона и области. Ольга рвалась вступить в Венгерскую Красную армию, которая отстаивала молодую республику от империалистической интервенции и внутренней контррево-

люции. Но женщин в армию не брали. Ольга ссылалась на обращение, опубликованное в газетах:

«Тов. военнопленные из России, находящиеся в Венгрии. Русское рабоче-крестьянское Советское правительство призывает вас вступить в армию красной революционной Венгрии и защищать вместе с венгерскими братьями общее дело венгерской революции и русской революции, общее дело трудящихся и эксплуатируемых масс всех стран».

Народный комиссар по иностранным делам Российской Советской республики Чичерин».

Ей говорили: «Знаем. Но... вы не военнопленная». Не помог и военный комендант Шопрона.

Тогда Ольга встала в строй идеологических борцов — развернула пропаганду среди венгерских женщин. Когда в Шопроне, как и во всей республике, радостно готовились к 1 Мая — первому празднику на свободной венгерской земле, — Ольга ходила по предприятиям, беседовала с женщинами, рассказывала, что это за праздник — Международный день солидарности трудящихся.

1 Мая на демонстрацию в Шопроне вышли и женщины.

На митинге выступил Деже Энцбрудер. «Мои братья-солдаты, — обратился он к

бойцам Венгерской Красной армии. — Все люди должны быть охвачены вашим воодушевлением, они должны всем сердцем почувствовать, что оружие пролетариата находится в хороших руках. Носите же с честью ваше оружие. Трусость, бесчестие, измена не должны запятнать его никогда... Нам надо победить».

О чем думала Ольга в эти минуты? Может быть, просто слушала и гордилась этим сильным, ярким человеком. А может, слова мужа невольно будили тревогу: знала же она обстановку в стране.

И трагедия произошла. 2 августа 1919 года молодая, неокрепшая Венгерская Советская республика пала, просуществовав 133 дня. Не смог малочисленный венгерский пролетариат и его Красная армия противостоять вооруженным до зубов полчищам контрреволюции и интервентов.

Местные реакционеры сразу схватили Деже Энцбрудера.

5 августа 1919 года арестовали и Ольгу. В венгерских архивах сохранился донос на нее, рапорт следователя, материалы допросов в будапештской полиции.

В протоколе, составленном 7 августа 1919 года, говорится: «Допрашиваемая сообщает, что прибыла в Венгрию частично для того, чтобы распространять свои коммунистические взгляды, а также в целях изучения социальных отношений в Венгрии».

На ул. Немец, д. 22, в революционном клубе она общалась с политическими руководителями русских; так как она являлась убежденной коммунисткой, то ее взгляды не расходились с деятельностью коммунистического руководства в Венгрии».

Из полиции Ольгу отправили в дом предварительного заключения. Найдена сопроводительная: «Гандурина Ольга — русская, коммунистка, направляется для заключения под стражу».

В доме предварительного заключения в то время находилась венгерская революционерка Юлия Рот. Она вспоминает битком набитую камеру, в которую каждый день бросали все новых и новых заключенных. Однажды толкнули высокую блондинку. Все скоро узнали, что она русская, зовут ее Ольга, фамилия Гандурина. Новенькая сразу расположилась к себе заключенных. Через несколько часов женщины уже старались устроить ее хоть чуть-чуть удобнее, предлагали свой матрац, уступали койку. Но Ольга отказалась. И больше месяца спала на столе, на досках.

В тюрьме Ольга узнала о гибели мужа. Она была так потрясена, что на нее нельзя было смотреть без слез. Сама же не плакала. Стиснув зубы, чтобы не дать прорваться идущему изнутри крику, ходила она взад и вперед по камере, никого и ничего не видя перед собой.

Вскоре Ольгу отправили в лагерь для военнопленных. Она бежала. Через Трансильванские Альпы, через Карпаты — домой, в Советскую Россию.

Удалось установить, что, вернувшись на родину, Ольга сразу вступила в ряды Красной Армии. В 30-х годах она жила в Москве, в 40-х кто-то видел ее на Дальнем Востоке: она работала в военном училище.

И тут след обрывается...

Велика страна. Может быть, живет где-нибудь сейчас седая женщина, рассказывает друзьям о Венгрии и не знает, что там о ней с любовью и благодарностью вспоминают люди.

Увидеть бы ее, услышать бы о ней!

М. ФОРТУС,

член правления

Общества советско-венгерской дружбы,

Н. АЗЕРСКАЯ, журналистка

ПРАЗДНИК ВЕСНЫ

Природа щедро одаряет нас своими богатствами. Многие личные и самые дорогие воспоминания слиты для нас с пейзажами, то суровыми, то лиричными. Иногда мы даже не замечаем той красоты, среди которой живем, не сознаем, какое счастье бытия вселяет в нас общение с природой.

Понять это помогает нам искусство пейзажа. Художник-пейзажист, как бы внося в картину свое отношение к природе, заставляет нас сосредоточиться на красоте окружающего мира, обогащает наши чувства.

Кто не помнит чудесных пейзажей И. И. Шишкина, А. И. Куинджи, А. К. Саврасова, В. Д. Поленова, И. И. Левитана! Русское искусство богато пейзажной живописью — разнохарактерной, многоплановой, то эпической, то празднично-яркой, то лиричной.

На этой вкладке вы видите два пейзажа известного русского художника И. Э. Грабаря (1871—1960 гг.).

...Свежо, снег искрится, так и переливается под солнцем, тени яркие и цветные. Эту свежесть, когда солнце пошло на лето, а зима на мороз, превосходно передал Грабарь в «Февральской лазури» (1904). Вот уж поистине праздник лазоревго неба и жемчужных берез! Деревья, пронизанные солнцем, как бы закружились на свету в хороводе.

В картине «Мартовский снег» (1904) Грабарь снова восхищает нас игрой весенних красок. Крестьянская девушка в синей кофте и розовой юбке быстро проходит по тропинке с полными ведрами на коромысле. В ней не только собраны и сосредоточены краски всего пейзажа — она душа картины, воплощение юности, вступающей в свои права весны.

Л. ТАРАСОВ

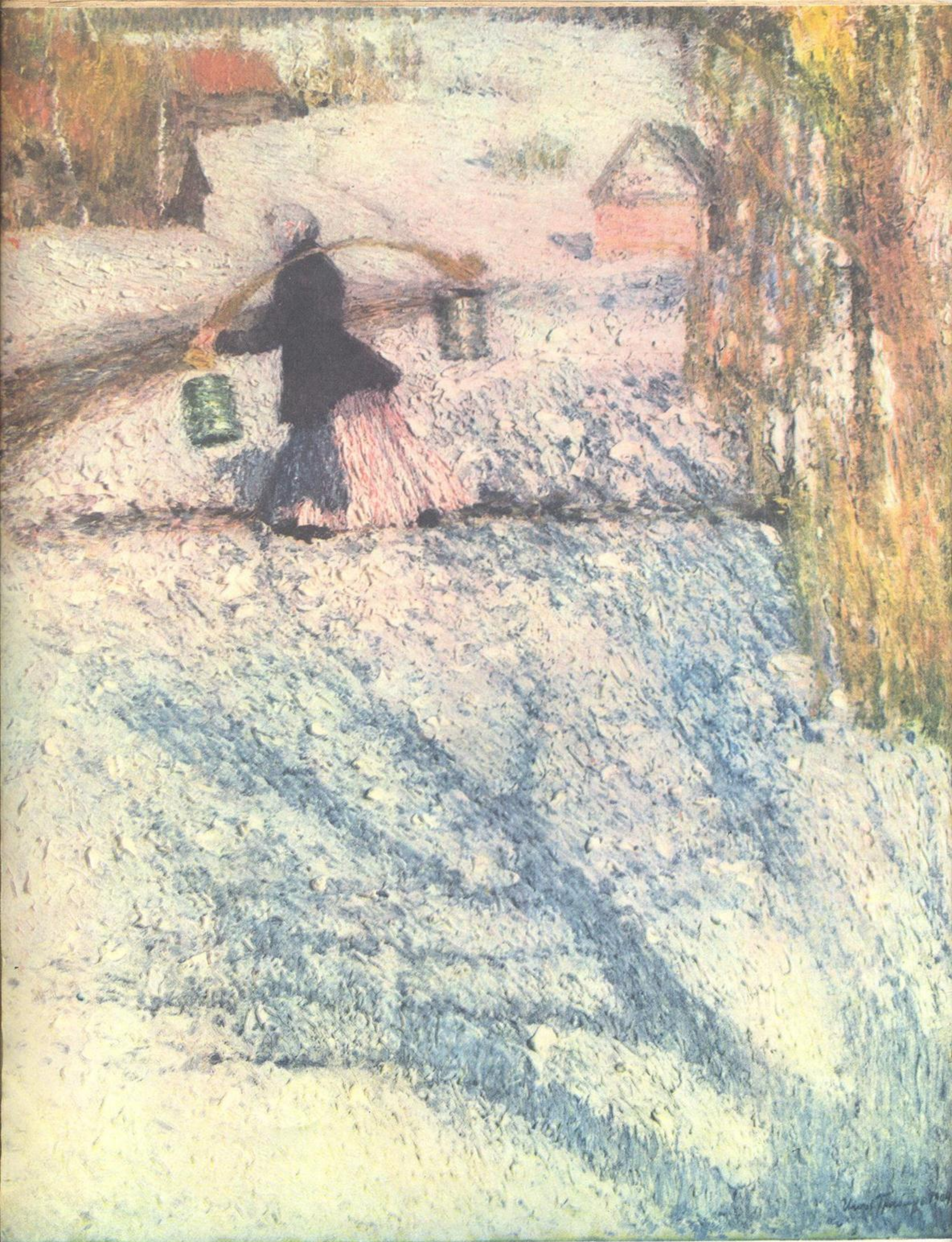
И. ГРАБАРЬ.

ФЕВРАЛЬСКАЯ
ЛАЗУРЬ.

МАРТОВСКИЙ СНЕГ.

(См. на обороте.)

ЗА СТРОКОЙ

ТЕЛЕГРАММЫ

В редакцию пришло письмо из Чебоксар. В конверт была вложена фотокопия совнаркомовского бланка, исписанного то-ропливым почерком:

«20/IV-18. СИМБИРСК. ПРЕДСЕДАТЕЛЮ СОВДЕПА. СООБЩИТЕ ПО ТЕЛЕГРАФУ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА УСЛОВИЯ ИЗБРАНИЯ ПРЕДСЕДАТЕЛЕЙ ЧУВАШСКОЙ ЖЕНСКОЙ И МУЖСКОЙ УЧИТЕЛЬСКИХ СЕМИНАРИЙ. МЕНЯ ИНТЕРЕСУЕТ СУДЬБА ИНСПЕКТОРА ИВАНА ЯКОВЛЕВИЧА ЯКОВЛЕВА, 50 ЛЕТ РАБОТАВШЕГО НАД НАЦИОНАЛЬНЫМ ПОДЪЕМОМ ЧУВАШ И ПРЕТЕРПЕВШЕГО РЯД ГОНЕНИЙ ОТ ЦАРИЗМА. ДУМАЮ, ЧТО ЯКОВЛЕВА НАДО НЕ ОТРЫВАТЬ ОТ ДЕЛА ЕГО ЖИЗНИ.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ СОВНАРКОМА ЛЕНИН».

Справа от грифа, чуть наискось, приписка: «Прошу прислать мне лично счет за эту телеграмму».

Фотокопию ленинской телеграммы сопровождало короткое письмо. Н. Краснов из Чебоксар сообщал, что в ноябре прошлого года исполнилось 100 лет, как в Симбирске на частной квартире гимназиста И. Я. Яковлева была открыта первая чувашская школа для крестьянских детей. Этому всячески содействовал Илья Николаевич Ульянов. Впоследствии школа разрослась и в годы Советской власти превратилась в педагогический вуз...

* * *

Длинный и изогнутый, как лук, проспект Карла Маркса — центральная магистраль Чебоксар — одним своим концом скатывается в волжские воды, другим же, где-то на самом крутом изгибе переходя в улицу Ленина, насквозь пересекает город и широким асфальтовым шоссе уносится вдаль.

На этой магистрали, на главной площади города, и расположился Государственный педагогический институт имени И. Я. Яковлева, в котором работает доцент кафедры педагогики Николай Герасимович Краснов. Он оказался страстным собирателем яковлевского наследия, организатором созданного при институте музея И. Я. Яковлева.

В тот вечер мы засиделись допоздна. Николай Герасимович любезно предоставил мне свои богатейшие архивы, и я зарылся в них с головой. Тут были записки, фотографии, воспоминания, уже изданные и никогда ранее не публиковавшиеся документы.

...Крестьянский сын Иван Яковлев, с самого своего рождения оставшийся сиротой, испытал и нужду и всякие невзгоды, прежде чем в 1867 году, девятнадцати лет от роду, оказался в Симбирске и поступил в 5-й класс гимназии.

Поселился юноша в квартире отставного гвардейского полковника С. Д. Раевского, из известной семьи Раевских, близких А. С. Пушкину. Хозяин и постоялец быстро со-

шлись, прониклись взаимной симпатией, и когда через год Раевский уезжал в Петербург, он целиком и бесплатно оставил квартиру своему новому другу. В этой квартире 28 октября (10 ноября) 1868 года «в гостях» у Яковлева и объявились двое чувашских мальчиков — Алексей Рекеев и Игнатий Иванов, которых он взялся подготовить к поступлению в Симбирское уездное училище. Вскоре прибавилось еще трое. Образовалась маленькая школа для чувашских ребят. Чтобы как-то сводить концы с концами (с ребят взять было нечего — голь перекатная), Яковлев загрузил себя репетиторскими уроками.

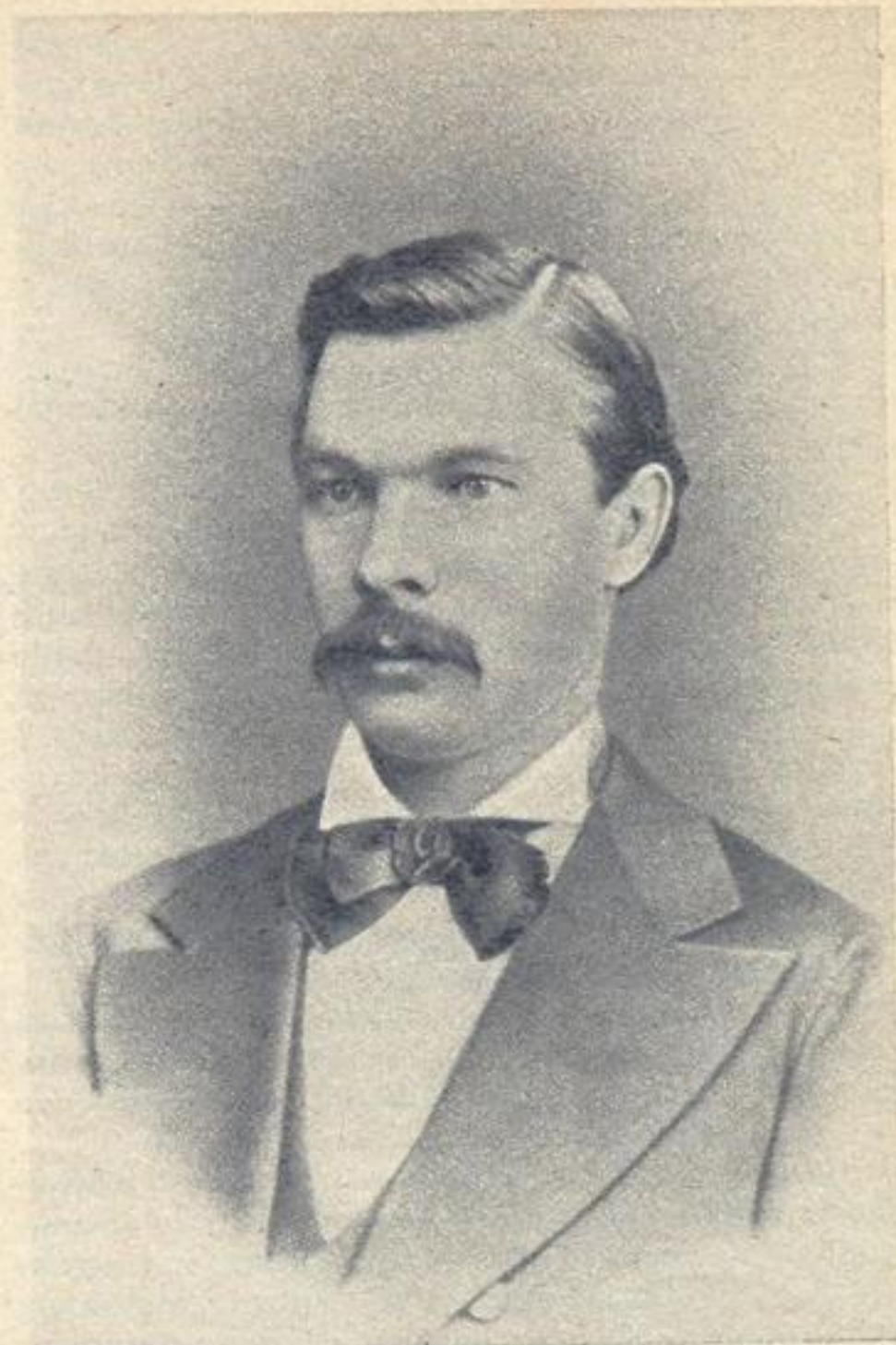
Неизвестно, чем окончился бы благородный порыв горячего юноши, лишённого опыта, одинокого в своем начинании, если бы судьба не свела его с Ильей Николаевичем Ульяновым.

Учреждая в 1869 году должность инспектора народных училищ, царское правительство имело целью усилить надзор за деятельностью учителей и местными органами просвещения. Но находились люди, которые шли в инспектора с совершенно другой целью — не сдерживать, а всячески распространять просвещение, нести знания народу. Одним из таких людей был И. Н. Ульянов. Он оставил оживленный Нижний Новгород и переехал на службу в захолустный тогда Симбирск.

Новый инспектор ввел при уездных училищах педагогические курсы, чтобы готовить народных учителей для сельских школ. Это очень заинтересовало Яковлева: ведь он хотел не просто дать своим мальчикам образование, а сделать из них учителей. Юноша отправляется к инспектору народных училищ и просит его о зачислении своих воспитанников на эти курсы. Илья Николаевич отнесся к его просьбе и к его планам с полным пониманием и сочувствием.

Однако дела в маленьком пансионе вдруг сильно пошатнулись: в Петербурге умер Раевский, пришлось съехать с его квартиры и подыскивать новое жилье. Яковлев вынужден был вновь обратиться к инспектору. Илья Николаевич не только сумел снять квартиру за государственный счет, но и добился от министерства назначения школе ежегодного денежного пособия да плюс к тому выхлопотал каждому ученику стипендии от земства. Это позволило Яковлеву больше сил и времени отдавать собственным занятиям в гимназии.

1870 год. Гимназия закончена с отличием. На очереди — университет. Уезжая в Казань, Яковлев пишет записку: «Вместе с этим я буду просить г. инспектора народных училищ принять... мальчиков под свое попечение для успешного воспитания и образования. Ваше превосходительство, как всегда, по обыкновению, не откажитесь от необходимого содействия этому святому делу». И Илья Николаевич не отказывается, он полностью принимает на себя руковод-

И. Я. Яковлев.

Хор учеников первой чувашской школы.

ство школой. Прежде всего он назначает сюда постоянного учителя — лучшего воспитанника педагогических курсов Василия Андреевича Калашникова, который через несколько лет станет домашним учителем в семье Ульяновых, первым наставником В. И. Ленина.

В школьном «полку» все прибывало. «В короткое время своего существования, — докладывал Илья Николаевич по инстан-

ции,— школа успела приобрести такое доверие чуваш, что отцы привозят своих сыновей учиться верст за 100 и даже более, тогда как прежде не только в губернский город, но даже и в ближайшую сельскую школу они неохотно отдавали своих детей». Ассигнованных средств не хватало, и Ульянову приходилось «трясти» уездные земства, устраивать благотворительные вечера, собирать деньги с помощью подписных листов.

Сохранился один такой подписной лист, в котором первой строкой записан взнос «от Ульянова Александра и Ильи тринадцать рублей тридцать три копейки». Можно предположить, что маленький Саша (ему было тогда пять лет) принес в школу свою копилку и отдал все свои сбережения, потому и сумма неровная. Но есть документы, которые свидетельствуют о довольно значительных взносах Ильи Николаевича в пользу школы.

Успехи школы радовали Яковлева: его детище было в надежных руках.

Но обучение в чувашской школе велось только на русском языке: собственного алфавита, своей национальной письменности у чувашей не было.

Задачу создать чувашский алфавит Яковлев взял на себя. Он привлек к этой большой и кропотливой работе своих воспитанников Алексея Рекеева и Игнатия Иванова, к ним подключились еще студент-филолог Василий Билибин и учащийся татарской школы чуваш Сергей Тимрясов; своим опытом помог казанский профессор Ильминский.

И вот работа завершена: набран новым алфавитом и отпечатан первый букварь на чувашском языке. Составителем его был сам Яковлев. Экземпляр книги он тут же отправляет в Симбирск. «Очень рад за вас,— откликается Илья Николаевич.— Постараюсь употребить со своей стороны возможное содействие распространению ее (книги.— В. К.) в чувашских школах».

Иначе отнеслись к рождению чувашской письменности официальные лица из министерства просвещения. «Нужно ли писать правила грамматики,— рассуждал один государственный чиновник,— для таких языков, которыми говорят остатки племен малозначительных, ничтожных, коснеющих истари в грубом невежестве? Не лучше ли предать их совершенному забвению так, чтобы они, сами по себе исчезая, наконец, потерялись?» И горько ответил на это Яковлев: «Язык умирает вместе с создавшим его народом, и требовать, чтобы родной язык был забыт, почти равносильно требовать смерти этого народа...»

Окончив университет, Яковлев вернулся в Симбирск в должности, какой до этого не существовало,— инспектором чувашских школ Казанского учебного округа. Правда, школ таких было пока только две (вторую, в родном своем селе Кошкине, открыл тот же Яковлев).

Нужно было энергично браться за создание новых чувашских школ, налаживать в них дело, решать бесчисленные проблемы с учебниками, пособиями, оборудованием, переводить на чувашский русскую и мировую классику — и все это протаскивать через непролазную рутину, через вопиющее равнодушие, царившее в местных ведомствах просвещения. Счастьем было для Яковлева, что и в это время рядом с ним был Илья Николаевич Ульянов.

Но в январе 1886 года Илья Николаевич умер. Старший сын Яковлева, впоследствии профессор Московского университета, Алексей Иванович Яковлев сохранил воспоминания о том скорбном дне: «Пользуясь лунным вечером, мы досыта накапались с Дмитрием Ульяновым (тогда одиннадцатилетним мальчиком) на салазках с крутой

горы, спускавшейся к Свияге, и занялись борьбой в большой комнате... Неожиданно хлопает входная дверь и в передней раздается голос Владимира Ильича... тогда ученика 7 класса Симбирской классической гимназии.

Владимир Ильич не раздевается, как обычно, а остается в передней и быстрым шепотом что-то говорит моему отцу. Лицо его бледно, губы сжаты, глаза смущены. Обращаясь к брату, он спокойно, но голосом, не допускающим возражений, говорит ему: «Митя, одевайся, поедem домой». Владимир Ильич прощается молча, с сумрачным лицом...

Когда братья ушли, я подбежал к своему отцу и спрашиваю, почему Митю понадобилось увести так рано. Отец смахивает слезу и говорит: «Илья Николаевич скончался».

Лишившись крепкой и верной руки Ильи Николаевича Ульянова, Яковлев сразу же почувствовал, как над Симбирской чувашской школой стали сгущаться недобрые тучи. Начались бесконечные придирки, нападки, злословия, как устные, так и в печати.

Злобная возня вокруг Симбирской чувашской школы и ее создателя достигла высшей точки в 1913 году. Давний недруг Яковлева, попечитель Казанского округа темными министерскими ходами протаскил указ о ликвидации должности инспектора чувашских школ, на которой Яковлев проработал 28 лет. Разрушилась связь со школами, которых теперь было более четырехсот. «Разнесут все! Ничего не останется, уцелеют только переводы да пробужденное национальное самосознание чувашского народа»,— говорил Яковлев, захлебываясь в омуте произвола.

На одном из всероссийских съездов объединенного дворянства Симбирскую чувашскую школу объявили «национальной академией сепаратистов и революционеров». На этом основании министр просвещения Кульчицкий, которого Яковлев хорошо знал еще по Казани и характеризовал как «в высшей степени двуличного и лживого» человека, подготовил проект решения о ее закрытии. Но... помешала Февральская революция.

Чувашские националисты и эсеры попытались приблизить Яковлева к себе, чтобы прикрыть его авторитетом свои контрреволюционные замыслы. Но Яковлев решительно отверг домогательства новоявленных «друзей». Тогда они подняли дикую травлю и в восемнадцатом году добились-таки отстранения Яковлева от руководства школой, которая к этому времени была преобразована в Симбирскую чувашскую женскую и мужскую учительскую семинарию. Узнав об этом, В. И. Ленин немедленно послал в Симбирский Совдеп телеграмму. Ее фотокопию и прислал в редакцию Н. Г. Краснов.

В ответной телеграмме на имя В. И. Ленина сообщалось, что Яковлев в должности восстановлен. Но проработал он недолго. В 1922 году, семидесятичетырехлетним стариком, Иван Яковлевич оставил школу и переехал к сыну в Москву. В 1930 году Ивана Яковлевича не стало.

А какова судьба первой школы Яковлева? На базе Симбирской чувашской школы еще при жизни Ивана Яковлевича были созданы Ульяновский педагогический техникум и Государственный педагогический институт в Чебоксарах. Институт и нынче носит имя И. Я. Яковлева.

«Богатырский дух был у этого человека. Пятьдесят лет тянул свой народ к свету, и в каких условиях!» — говорил о Яковлеве Владимир Ильич Ленин.

г. Чебоксары,
Чувашской АССР.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО НАШЕЙ СИЛЫ

Н. ОЩЕПКОВА,
бригадир Костромского
льнокомбината имени В. И. Ленина

Человеку далеко не все равно, передовое его предприятие или отстающее. С какой гордостью каждая из наших работниц еще год, полтора назад, говоря, где она работает, добавляла: «Наш комбинат, наверное, знаете?» Ну, конечно, кто нас не знает. Да не только в Костроме. Ткани-то наши, лен с лавсаном, нарасхват. И знамя нам юбилейное вручили на вечное хранение — за успехи. Как же тут не гордиться: успех общий, значит, и лично ты его завоевал.

А вот сейчас спросят: «Где вы работаете?» — ответишь односложно и замолчишь. И кажется, что собеседник твой смотрит на тебя и думает: «Эх вы, гремели-гремели — и сникли. Отчего же так?»

Этот вопрос нам самим не дает покоя. План мы выполняем, но первых мест в соревновании больше не занимаем, фабрики, цеха работают неритмично, нередки сверхурочные. У этих неудач есть причины, не зависящие от нас, от комбината. Но есть и такие, которые касаются каждого — и рабочих и руководителей. Не делаем ли мы иногда сами себя слабее? Умеем ли, принимая похвалы, видеть свои просчеты? Хватает ли мужества признавать их открыто, не боясь, что это запятнает честь мундира?

Все никак не могу забыть об одном собрании в нашей бригаде. Договорились о нем заранее, и знаю — каждый ждал его, волновался. Народ у нас такой, что рабочей сознательности, как го-

ворится, не занимать. Ткачихи почти все кадровые, первоклассные. Что Анна Федоровна Пучкова, что Елена Ивановна Шальнова, что Клавдия Назарова. В предъюбилейном соревновании завоевали мы почетное звание «Бригада имени 50-летия Советской власти». А в июне прошлого, 1968 года уже справились с планом третьего года пятилетки, встретили новый год. Радио и газеты приносили вести о том, что по всей стране на заводах, фабриках, стройках рабочие принимают повышенные обязательства в честь столетия со дня рождения Владимира Ильича Ленина, и ко мне одна за другой начали подходить подружки по бригаде.

— А мы?

Все подсчитывали свои возможности. И вот — собрание. Пришли к нам секретарь парткома комбината, председатель фабкома, председатель цехового комитета. Мы понимали, как ответственно сейчас каждое наше слово. Выполнить в апреле семидесятого года, ко дню рождения Ильича, пятилетний план... Справимся? Трудная задача. Но все ж решили: осилим. Только и это не все. Не можем ли улучшить еще и качество? По плану мы должны выпускать 90 процентов тканей первого сорта. Многим ткачихам комбината и нашей бригады удалось перешагнуть этот рубеж, в их личных планах более высокая цифра — 98, у некоторых — 98,8 а кое у кого — даже 99. А может ли так работать вся бригада? Да, наверно. Если поддержат нас остальные. Нередко ткачей подводит przygotowательный отдел. Поступает основа, плохо пропитанная шлихтой — специальным раствором для крепости нитей, — и нити во время ткачества путаются, рвутся. Иногда она зашлихтована больше, чем нужно, — тоже плохо; некоторые нити склеены, от этого опять же увеличивается обрывность... Не всегда нам вовремя поставляют запасные части к станкам. Да мало ли их, досадных помех!

И вдруг горячий разговор охладил реплика председателя нашего цехкома:

— Что у вас за привычка? Как только приходят руководители комбината, вы обязательно начинаете жаловаться! Эти вопросы мы могли бы решить сами.

Принципиальность, боль за дело и жалобы — разве это одно и то же? И разве должны быть две правды: одну можно выпустить на всеобщее обозрение, другую — лучше оставить за закрытой дверью? Конечно, есть у нас еще и такие «любители критики», которые сами работают плохо, но любят критиковать, «обличать», а предложений, как изменить дело, как поправить беду, у них и нет. Эти критиканы обычно вызывают лишь раздражение. Но ведь на собраниях выступали отличные ткачихи, искренне болеющие за дело, вносили вполне конкретные предложения. И, конечно, секретарь парткома Т. С. Куртова и председатель фабкома комбината В. Н. Кашина поддержали выступавших работников. Но все-таки остался осадок от такого вот странного отношения к критике недостатков у председателя нашего цехкома. Оно, такое отношение, приносит немало вреда. Если рабочий видит, что к его совету, как улучшить дело, к

его мнению прислушиваются, — в нем укрепляется как раз то самое чувство хозяина, которым так гордимся мы, советские люди. Появится это чувство — и дело начнет спориться, и жить станет интересней. Человек даже в собственных глазах поднимется. Это немаловажно. Но если ответом на критику будет недовольное, разгневанное лицо руководителя: «Как посмел учить, да еще при посторонних», если критикованному потом будут тыкать при каждой ошибке: «Критиковать горазд, а сам-то!»... — все реже и реже будет возникать желание высказывать вслух свое мнение. Родится шепоток в углах, в котором больше преувеличенных обид, чем истины.

Я считаю: критика — это сигнал о неполадке, значит, серьезный повод для беспокойства. Правильно на него среагировать — это не все. Нужно еще посмотреть, как говорится, в корень. Устранить все причины, которые к этому беспорядку привели и могут вызвать подобное же.

Как-то ткачихи одного из комплектов пришли к начальнику цеха с жалобой на своего поммастера. Никакого сладу с ним нет. Лодырь и выпивоха. Час работает, два перекуривает. Бывает, станок у работницы остановится — и она бежит по всему цеху в поисках поммастера. На все критические замечания у него один ответ: «Не вам меня учить».

Начальник цеха вызвал поммастера, строго предупредил, потребовал, чтобы в ближайшее время организация труда на комплекте была налажена. Вроде бы все правильно. Но только не проследил начальник цеха, как его распоряжение выполнено. На комплекте же том мало что изменилось, лишь отношения между поммастера и ткачихами обострились еще больше.

А ведь после того сигнала стоило бы приглядеться и к работе других бригад, подумать о месте, о назначении помощника мастера в коллективе.

Как нередко бывает? Иной — практик со стажем, хорошо знает оборудование, наладчик отличный, человек сам по себе неплохой, но его образование, культурный уровень ниже, чем у работниц. Он нигде не учится, не занимается даже в кружке политехни. А ведь у работниц возникает множество вопросов — и экономических и политических. Кто должен в первую очередь помочь им разобраться? Помощник мастера. Но он порой сделать этого не может. Еще хуже того, когда он сам оказывается в роли трудновоспитуемого... К помощникам мастеров никто не предъявляет высоких требований. И в этом, мне кажется, вина нашего хозяйственного руководства и общественных организаций.

Они-то и должны были начать этот трудный, но необходимый разговор. И он мог бы стать не просто взбучкой, а полезной учебой. А учиться есть у кого. Потому что у нас в цехе, я считаю, есть просто образцовые помощники мастеров, которые могут служить меркой всем остальным. Вот, например, Михаил Соколов. Поставили его на отстающий комплект. А сейчас все ткачихи комплекта в передовых ходят. И это не только из-за четкой организации труда, хорошей наладки станков. Работницам преподается любовь к делу, созна-

тельность, стремление знать как можно больше. Разбираться во всем. Или наш поммастер П. А. Королев. Не припомню, чтобы он неуважительно отнесся к замечаниям работниц. Ничего не решает без совета с нами.

Мы в бригаде иногда думаем: почему так хорошо нам вместе работается? Не бывает случая, чтобы простояли станки подружки, которая по болезни не вышла на работу. Делим их между собой, уплотняем рабочий день. И все это без препирательства, без возражений. Случится у одной из ткачих большая обрывность на станке — обязательно подоспеет на помощь соседка. Ну, а если у кого-то вдруг обнаружится высокий процент брака из-за халатности, из-за того, что во время работы был невнимателен, часто отвлекался, — тут уж не жди снисхождения. Выскажут тебе все в глаза, бывает и резко. Но от этого мы не перестаем быть друзьями, не держим обид за пазухой.

Когда критику правильно понимают, она спланирует людей. Делает взаимоотношения между начальником и подчиненными уважительными и демократичными. Станет ли критика в коллективе первой помощницей во всех делах или причиной раздоров, обид, разочарований — это прежде всего зависит от руководителя.

Я вот думаю: отчего у нас почти не бывает, чтобы в бригаду, скажем, в обеденный перерыв зашел директор или главный инженер? Просто посидеть минут двадцать, поговорить. Ведь иной человек не оратор, настолько стеснителен, что на собрании и выступить никогда не решится. А замечаний, ценных мыслей у него немало. В неофициальном, непринужденном разговоре он, конечно, их выскажет. Так что польза от такого общения была бы немалая. Пожалуй, и некоторые производственные вопросы можно было бы решить сразу, что называется, на ходу, не дожидаясь, пока включат их в повестку дня очередного совещания или собрания. Сейчас у нас на комбинате новый директор. Мы не знакомы пока с ним близко, но всем нам очень хочется, чтобы, кроме строго официального, находил бы он и другой тон в отношениях с подчиненными. И настроение у людей поднялось бы. А оно не менее важно для производства, чем хорошо налаженные машины.

Человек часто свертывается, зажимается от несправедливости, черствости. Но зато как он раскрывается, когда увидит, что к его слову прислушались, когда почувствует уважение к себе. В нем вдруг обнаруживается тьма талантов. И не нужно скупиться на тепло.

Мне, как члену пленума горкома партии, приходится бывать на городских партийно-хозяйственных активах. И всегда чувствую, — если на активе много боевых выступлений, деловой критики, то у всех и настроение какое-то приподнятое, каждый удовлетворен: поговорили начистоту, с толком, значит, будут перемены к лучшему.

Владимир Ильич Ленин учил нас говорить о недостатках, ошибках без боязни, прямо, открыто. Это не умаляет наших успехов, не принижает их, а множит.

ИМЕНИ ЖЕНЩИНЫ

А ВСЕГО ДВАДЦАТЬ ТЫСЯЧ!

Поднимаясь по лестнице со свежоокрашенными перилами, я вдруг вообразила, будто попала в огромную музыкальную шкатулку. За стеной слева кто-то невидимый старательно выводил строчку скрипичной пьесы, по коридору справа, вырываясь из-под пальцев тоже невидимого баяниста, одержимо несли «Турецкий марш», с самого низу и доверху меня про-

вожали то робкие, то дерзкие аккорды фортепьяно...

Лет десять назад никакой «музыкальной шкатулки» у института не было. И не только этого дома с окнами на Марсово поле, который он получил совсем недавно, но и самой музыки как учебного профиля. И стоящих рядом с нею классического танца, дирижирования, театральной режиссуры тоже

По решению Советского правительства в Москве будет сооружен памятник Н. К. Крупской — выдающейся деятельнице Коммунистической партии и Советского государства. 26 февраля 1969 года, в день 100-летия со дня ее рождения, на Сретенском бульваре состоялся торжественный митинг, посвященный закладке этого памятника.

Фото В. МУСИНОВА.

не было: тогда институт готовил только библиотекарей-библиографов.

Во времена еще более отдаленные, начиная с 1918 года, институт выпускал специалистов самых разных: заведующих культпросветотделами, инструкторов школ взрослых и подростков, специалистов музыкального просвещения, театрального и музейно-выставочного дела — тех, кого в двадцатые годы нарекли новым словом «политпросветчики», а до этого звали еще работниками внешкольного образования.

Именно так — Институт внешкольного образования — и назывался 50 лет назад нынешний Ленинградский государственный институт культуры имени Н. К. Крупской. «Настоящим объявляется, — говорилось в документе, который 28 ноября 1918 года подписали народный комиссар по просвещению А. Луначарский и комиссар по внешкольному образованию Л. Менжинская, — что ...в Петрограде для подготовки инструкторов и работников по внешкольному образованию учреждается специальный институт...»

Свои пятьдесят лет ЛГИК отмечал в декабре 1968-го. Как и подобает большому юбилею, он собрал в дом на Дворцовой набережной огромное множество людей, каждый из которых был на этот раз не «завбиблиотекой Петровой» и не «худруком Ивановой», а «выпуском такого-то года». Так они и представлялись, выходя с речью на трибуну, а во время перерыва перекликались совсем по-юношески:

— Выпуск тридцатого года! Собираемся в восемнадцать ноль-ноль в левом крыле Дворца Ленсовета (или у домика Петра, или в ресторане «Север»)...

С центральной стены актового зала на многоликую аудиторию, то говорящую одними глазами, то шумно взрывающуюся возгласами и аплодисментами (юбилей есть юбилей!), смотрит Надежда Константиновна. Многих она знала лично, многим писала письма, со многими виделась в этом же доме: она бывала в институте не один раз. И вообще пристально следила за институтом с самого его появления.

Уже в 1919 году Надежда Константиновна заволновалась,

заметив в работе со студентами аполитичность.

«...мне кажется, — писала она тогда, — что институт не так поставлен, как нужно.

Какой заведующий, инструктор, библиотекарь нужен в данный момент? Мало того, чтобы человек знал свою специальность, это условие необходимое, но недостаточное... Заведующий, инструктор, библиотекарь, преподаватель и пр. не только специалисты, но в то же время, в силу характера своей профессии, пропагандисты. И поэтому библиотекарю нужно... быть сознательным марксистом, хорошим революционером... Между тем в Институте внешкольного образования вопросам марксизма и социализма отведено слишком мало времени».

Первой, кто помог институту от этого недостатка избавиться, была сама Надежда Константиновна. Она внесла поправки в учебные планы и программы, позаботилась о преподавательских кадрах, настоятельно советовала, чтобы студенты не затворничали, а шли «ликвидаторами неграмотности» на заводы, культработниками в клубы и читальни, чтобы и в самом институте была ключом общественная жизнь...

Так было и во все последующие годы: лучшего советчика и помощника, чем Крупская, ни руководители вуза, ни его выпускники не знали.

Сколько же всего выпусков сделал ЛГИК? Много, хоть точного такого счета и нет: менялись сроки обучения, бывали выпуски досрочные и т. д. А сколько выпускников, известно: двадцать тысяч! Говорят, что есть города, в которых впору создавать «колонии» лгиковцев: они заведуют отделами культуры, директорствуют или возглавляют художественные коллективы в Домах культуры, работают в библиотеках, преподают в культпросветучилищах. Семь последних лет институт, и в частности его факультет культпросветработы, готовит не просто клубника-организатора и методиста, этакого «клубника вообще». Он дает своим воспитанникам еще и любую из четырех художественных специальностей: можешь остановиться на театральной режиссуре, на хоровом или оркестровом дирижировании, можешь стать и педагогом-хореографом.

Да что там «можешь»! Они уже есть во многих наших городах. Знаю, что есть в Норильске, в Салехарде, в Тобольске, в Апатитах, где-то на Чукотке, в Якутске. Скажете, все на севере? Нет, и на юге, и на западе, и на востоке они тоже есть. Полпреды и проводники культуры — огромной важности дела, в котором будет всегда жить душа Н. К. Крупской.

М. ИЛЬИНА

г. Ленинград.

В. СОЛНЦЕВ. ТКАЧИХИ. (Из серии литографий).

— Виташа. Дочура.

Тихий голос отца, его рука гладит голову. Хорошо. А глаза не открыть... Разве утро?

— Виташа. Проснись, Виташа.

Свет в комнате, лицо у отца строгое... Быстро поднялась.

— Что? Который час? Папа, что?

— Лежи. Половина второго. Лежи и слушай.— Отец сел на край ее кровати.— Видишь ли, меня вызывал подполковник Захватаев.

— Ну?

— Нужны старшие офицеры. Предложено вступить в армию.

— В колчаковскую? Что ж ты ответил? Папа!

Отец поднялся, заходил по комнате, опустил голову, почти закрыв глаза. Что же он ответил? Остановился у окна, спиной к ней. Что же он ответил?

— Где смысл? Где человечность, мораль, честь, простая порядочность?...— Он повернулся, взмахнул рукой, будто зачеркнул что-то.

— В царской армии смрад, разложение. Никто ни во что и никому не верит.— Посмотрел прямо в глаза ей:— Не могу выступить против своего народа.

— Папа!

Он оборвал ее:

— Подожди. Мне пятьдесят два, а не семнадцать. Нелегко у меня на сердце. Я должен все... Поставить на карту все...— Сошлись напряженно брови, он закрыл рукой глаза, очень тихо

сказал:— Только ты останешься у меня, Виктория.

Она протянула к нему руки.

— Что ты решил?

Он подошел, взял ее руки в свои большие.

— В Россию. В Россию, Виташа. В Красную Армию.

Поднялась на колени, обхватила шею отца.

— Я с тобой.

— Нет.— Он хотел разнять ее руки.

— Я с тобой! — прижималась крепче, говорила быстро, не давала перебить.

— Я взрослая. Нужны ведь сестры в Красной Армии. Я давно хотела. Я тоже не могу. Пойми же — не могу.

— Подожди. Отпусти. Выслушай.

Так жестко сказал, что руки ее сами разжались.

— Расстояние — тысячи верст. Морозы сорокаградусные, на станциях, в поездах черт знает что... А пройти через фронт? Пешком, верхом, на случайных санях, лесом, сугробами — разве тебе под силу?

— Мне здесь не под силу. Здесь без тебя!.. Папа!

Отец почти крикнул:

— Разве мне легко тебя оставить? Ляг.— Он укрыв ее одеялом до шеи и сел подле.— Пойми меня. Нам не пробраться вдвоем. Погибнем оба бессмысленно, ни за что.

— А тебе-то под силу?

— Я солдат. Мне седло привычной кресла. И морозы и

окопы... Я свои силы знаю... Это не простое путешествие.— Он гладил ее волосы, щеку, от руки чуть пахло табаком и фиалковой водой.— Мало ли в какие положения можно попасть — надо иметь ясную, свободную голову. Тревога за тебя все собьет. Гибнуть нелепо, глупо...

Все верно. Только остаться здесь без него... и даже не знать ничего о нем, бог весть сколько... или никогда? Она уткнулась лицом в его руку — папин запах...

— Не оставляй меня! Что хочешь, только...— вздрогнула, не удержала слез.— Не оставляй!.. Не могу!

— Виташа. Не разрывай сердце, Виташа.

Услышала в словах что-то... Поняла: он решил бесповоротно. Вздохнула, проглотила слезы.

— Прости. Не буду. Я же понимаю.— И даже улыбнулась.

Отец поцеловал в один глаз, в другой, сказал строго:

— Чтоб не плакала больше. Все будет хорошо. Это — единственное возможное решение. И сил у меня достаточно. Нам надо обсудить с тобой...

— А что, если тебе к партизанам? Ближе, легче...

Отец покачал головой:

— Кто здесь поверит мне? Люди насмотрелись на отбросы офицерства, карателей. Не тревожься. Я спокоен, уверен. Может быть, первый раз в жиз-

ни уверен, что поступаю как должно.

Два дня, как два часа, пронеслись в сборах. Нелегко удалось найти полушубок по росту, пимы, как здесь называли валенки, глубокую пыжиковую ушанку. Из теплого белья она выбрала две самые крепкие пары, выкроила портянки из старого шерстяного пледа. И все-таки минутами, как вспышка, ослеплял ужас. Отец замечал это, и она сразу брала себя в руки.

Приготовления шли в комнате Виктории, чтобы мать не заподозрила правды. Она знала о разговоре с командующим корпусом, но отец сказал, что едет на несколько дней в Омск посоветоваться со старыми сослуживцами и, может быть, принять назначение в какую-нибудь тыловую часть. Она спокойно приняла это. За ужином мимоходом заметила:

— Только не вздумай, пожалуйста, на фронт. Довольно уж я настрадалась с твоими салто-мортале. А еще против большевиков воевать... нет, нет, даже думать не смей!

— Не буду! — Отец ответил легко, он думал о чем-то другом.

Виктория хотела уйти из анатомички пораньше. Но не удалось: прибежала Наташа. Лицо и глаза яркие, веселые.

— У вас все в порядке? — бросилась к ней Виктория.

В 1962 году мы познакомили читателей с романом ленинградской писательницы Е. М. Шереметьевой «Весны гонцы». Автор книг «На дальней реке», «Поселок победы» и многих рассказов, Екатерина Михайловна Шереметьева уже более двадцати лет работает над трилогией «Вступление в жизнь». Первая ее часть была издана в 1946 году.

Сегодня мы публикуем отрывок из второй части романа. Отдельным изданием книга выйдет в этом году в Ленинграде.

Е. ШЕРЕМЕТЬЕВА

Невеста

Рисунок С. ТИТОВОЙ

— Более или менее. Вы нужны моей матери.

— Когда? Зачем?

— Сейчас. Одевайтесь. Там узнаете.

Когда выходили, Наташа спросила:

— Вы ведь в Общественном собрании бывали?

— Да. А что?

— Шатровского в лицо знаете?

По утрам на Почтамтской не раз встречались ей сани, запряженные парой. В них величественно восседал генерал с седыми усиками и эспаньолкой.

— Знаю.

— Пошли. Мать сама вам...

Раиса Николаевна сидела у письменного стола. Перед ней спиной к двери стоял человек. Высокий, в галифе и домашних туфлях; на широких плечах неожиданно и странно — беличья душегрейка. Волосы русые, спутанные, шея молодая.

— Вот вам невеста. И надо же, как на грех, в пимах!

Человек повернулся. Очень синие глаза. Лицо жесткое. Обветренное, запекшийся рот.

— Вяземская.

Он не назвал себя, не извинился, что в рубашке, не стал надевать френч — английский френч висел на спинке стула, — коротко пожал руку.

Раиса Николаевна сказала:

— Завари кофе, Наталья. Покрепче. И належь Леше в мою чашку. Сядьте сюда, Виктория. А ты прилег бы, Леша, покуда варится кофе.

— Усну — не добудитесь.

Говорит негромко, а сила в голосе. Нет, вообще сильный он. А лицо... лицо, конечно, не красивое, но какое-то... Очень красивые глаза. И стоит посреди комнаты спокойно...

— Запомнили, Виктория? Повторите.

— Запомнила. — Монотонно, как затверженный урок, начала: — Еще в Москве, в госпитале, я познакомилась с Леонидом Александровичем Туруновым...

— Теперь дальше слушайте. В Общественном собрании сейчас лекция английского полковника. Весь бомонд там. Леше нужно поговорить с Шатровским — это раз. И очень нужно отдохнуть, поспать. Часа хотя бы три-четыре. У вас нельзя?..

— Можно. Очень можно. (Как глупо сказала!).

— Прекрасно. И еще. — Раиса Николаевна помолчала, посмотрела на Викторию, будто примериваясь, проверяя что-то. — Рано, совсем рано утром надо проводить Лешу до красных казарм. Он города не знает. Сделаете?

— Ну зачем вы спрашиваете?

...Поручик Турунов и его невеста раздевались у вешалки Общественного собрания. В здании было тихо — уже давно шла лекция.

До чего ж тесны Наташины туфли! Хорошо хоть каблук не очень высокий. Гардеробщик явно презирает. Физия горит от ветра и снега. А! Все ерунда, лишь бы... Никакой же он

не поручик — переодетый большевик. Вдруг раскроют? Лучше не думать. Хоть в зеркало на себя взглянуть... Как он спокоен, стоит себе у барьера... что-то с гардеробщиком... Удивительные глаза и ресницы, как у детей. О чем думает? Нет, он, пожалуй, красивый. Что это я все на него смотрю? Себя надо привести в порядок...

В зеркале высокая девушка в синем платье с белым рюшем у ворота. Почему не любила это платье? Красивое. Лиф гладкий и талия узенькая-узенькая, потому что юбка-солнце топырится. Ноги в этих проклятых туфлях очень маленькие. Счастье, чулки приличные надела. Косы бы переплести, да уж... Всегда бледная, а тут губы и щеки будто крашенные. Голову хоть пригладить.

— Пойдем, — тихо сказал он и дернул ее за рукав.

Зал был полон. Пожилой билетер поставил им стулья у заднего ряда...

Лектор поучал, говорил о русском народе как о малоизученном диком племени. А эти русские в зале лакейски восторженно аплодировали, кричали «браво». И Леша хлопал. Под конец англичанин объяснился в любви к русским (несмотря на их отсталость), клялся, что войска введены для мирных целей и единственное стремление союзников — помочь России в ее безмерных трудностях ради победы над большевистской чумой.

Какой поднялся шум, все встали, хлопали, кричали: «Ура — союзникам!», «Ура — верховному правителю!»

Леша сказал:

— Давайте искать Шатровского.

— Он здесь, я вижу. Вон лысина, а золотая прическа — это жена.

Публика выходила в фойе, уплыли среди других голов золотистая башня и лысина генеральской четы.

— Давайте в заднюю дверь — свободнее, — сказал Леша.

Народу в фойе оставалось немного. Генерал, окруженный офицерами, стоял в дальнем конце фойе, сильно жестикулируя, что-то говорил англичанину.

— Лысый в середине — Шатровский... руками машет...

— Ага. Я так и думал.

Виктория крепче сжала Лешин локоть, чтоб сказать: «Я рядом, готова помочь». Сажень в двух от генерала Леша приостановился.

— Подождите. Лучше один подойду. Удобнее.

Виктория выпустила его руку, отступила к стене. Леша подошел к группе офицеров, щелкнул каблуками, вытянулся в струнку, сказал громко:

— Ваше превосходительство, разрешите побеспокоить?

Разговор вокруг стих.

— В понедельник, в десять утра. Или, — Шатровский взглянул на невысокого худого офицера, — капитан Озаровский, примите поручика, — и снова обернулся к англичанину.

— Дело безотлагательное, чрезвычайное, ваше превосходительство, — настойчиво сказал Леша. — Я прибыл из Усть-Реченского.

С любопытством рассматривали его офицеры и дамы, у генерала глаза внимательные, эспаньолка настороженно торчит вперед.

— Это под Карачинском, ваше превосходительство, — тихим голосом объяснил капитан Озаровский. — Это фронт.

Генерал встревоженно посмотрел на Лешу.

— Под Карачинском? Так.

— Сообщение секретное, ваше превосходительство.

— Понимаю. Капитан Озаровский!

— Можно уединиться с господином поручиком в красной гостиной, ваше превосходительство, — сказал Озаровский.

Генерал нахмурился:

— Господа, извините, я вас оставляю.

Леша почти на ходу быстро сказал Виктории:

— Вы подождете? Посидите.

— Ну конечно!

Генерал оглянулся.

— Супруга?

— Невеста, ваше превосходительство.

— Очень приятно. Представьте меня, поручик.

Виктория поняла, что Леша не знает ритуала представления, подала руку генералу, сказала кокетливо, почему-то подражая матери:

— Разве нужно представлять, ваше превосходительство? Я вас прекрасно знаю.

Шатровский любезно жал ее руку.

— Очень рад, искренне рад. — Повернулся к дамам: — Августа Петровна, окажите внимание очаровательной невесте нашего героя-фронтовика. Честь имею! — поклонился Виктории и ушел вместе с Лешей.

Никто не догадался? Хоть бы никто не догадался.

— Подождите к нам, дитя, — властно сказала генеральша.

Несколько шагов, под взглядами всех дам и офицеров, надо было пройти легко, чтоб не заметили, как жмут ей туфли.

Генеральша, как оценщик, оглядывала Викторию красивыми, злыми глазами и улыбалась:

— Милые дамы, прошу любить да жаловать.

Виктория все тем же легким тоном матери заговорила с мадам Мармо — переводчицей.

Французский язык почему-то облегчал ей болтовню...

Подходили офицеры. Августа Петровна сказала по-русски:

— Хорошенькая девушка привлекательнее бильярда?

Только верьте опыту, положе-

Окончание на 18-й стр.

Идея заимствовать у природы ее бесчисленные находки издавна занимала ученых. Долгие десятилетия это оставалось мечтой. Но возможности науки росли и росли, появились новые, точные методы исследования животных и растений, их устройство становилось ясным. И вот на стыке технических и естественных наук возникла новая многогранная наука — бионика.

Об истории и перспективах одного из ее направлений мы расскажем сегодня.

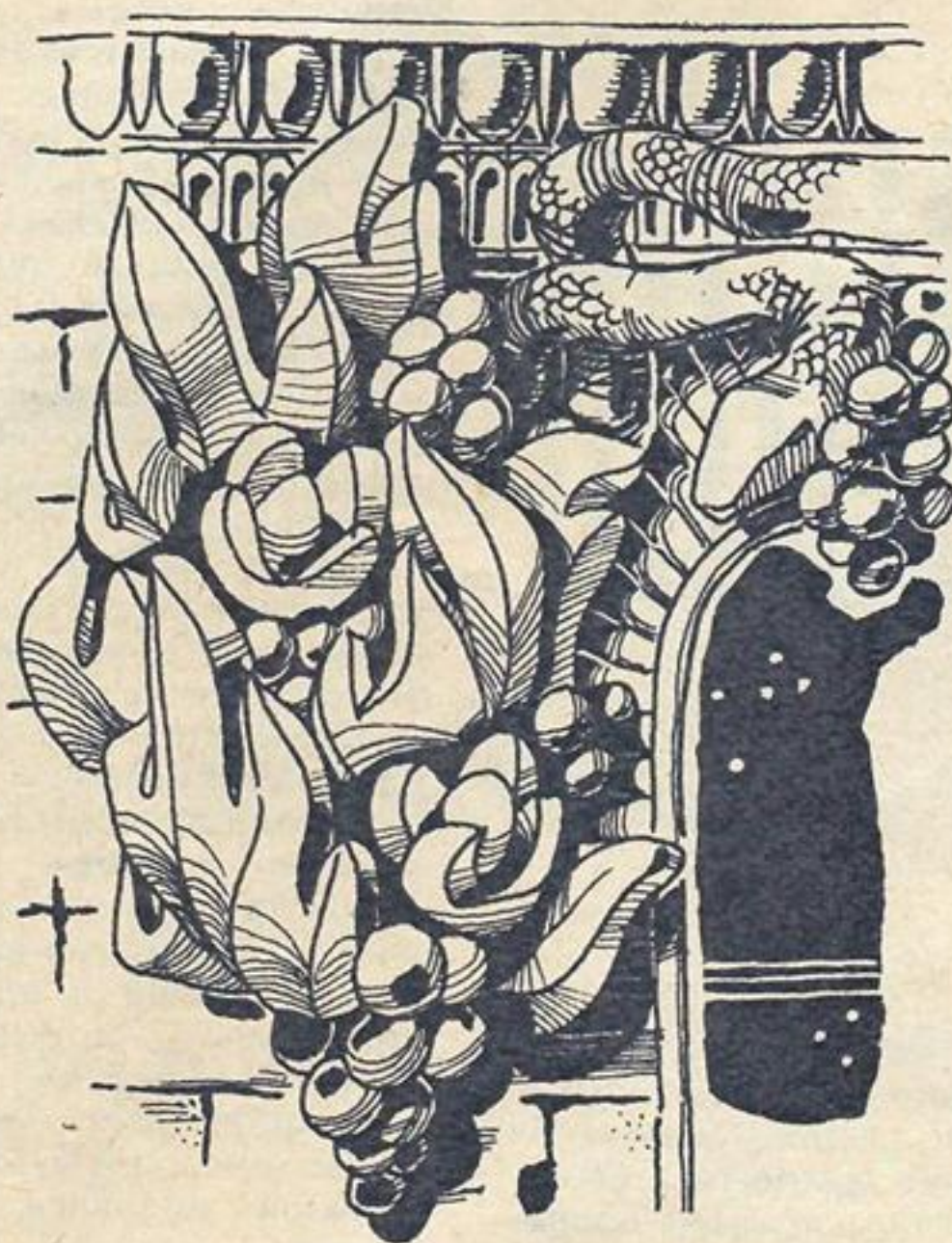
ПРИР

ЖИВЫЕ КОЛОННЫ

Сохранилась прекрасная легенда о древнегреческих зодчих, строителях храма Аполлона. Они задумали соорудить такую колоннаду, чтобы каждая колонна, оставаясь стройной, надежно выдерживала свою часть тяжести. Каким может быть наименьший диаметр колонны, зодчие не знали: законы прочности были найдены много веков спустя. И тогда вспомнили о тех стройных и прочных живых колоннах, которые десятилетиями выдерживают тяжесть человеческого тела... Вспомнили о ногах. Строители измерили след мужской ступни в отношении к росту человека. Получилось, что опорное основание должно составлять одну шестую высоты — это отношение и было положено в основу при изготовлении колонн храма. Красота древнегреческих колоннад восхищает нас и поныне.

...Испокон веку людей удивляла целесообразность и поразительная архитектурная соразмерность любых — особенно растительных — конструкций, которые создает природа: от стебля злака до корабельной сосны, от кленового листа до двухметровой кувшинки тропиков. Гармоничность их форм порождала желание достичь того же в сооружениях, создаваемых человеком.

Добываясь удобства, прочности и красоты, строители искали и находили законы пропорций, яростно спорили о формах и очертаниях. И в своих поисках нередко обращались к архитектору-природе, перенимая у нее то, что было в их силах.

ПОЭТ КАМНЯ

Испанский архитектор Гауди (он жил в прошлом веке) утверждал, что строения должны расти из земли и тянуться к солнцу, в точности копируя формы и очертания, уже найденные природой.

Увлечение флорой и фауной доходило у Гауди до слепого подражания. Колоннами его домов служили гигантские каменные пальмы; их раскинувшиеся ветви несли или поддерживали своды. Он строил часовни-башни, похожие на деревья и будто клонящиеся под ветром. Он отливал фигуры животных и вводил их в архитектурный ансамбль: огромных ящеров, диких змей, державших балконы змей. Четыре башни его последнего, недостроенного творения — Собора святого семейства в Барселоне — были гигантскими каменными початками кукурузы...

И враги (их было предостаточно) и друзья называли Гауди поэтом камня. В оправдание диковинности его построек говорили о красоте восточных пагод, напоминающих ели с тяжело висящими ветками.

Однако все понимали, что слепое подражание бессмысленно: ведь у домов и у растений разные «жизненные цели». А общее лишь в том, что и массивное здание и крохотный стебель ржи несут огромную (пропорциональную их размерам) механическую нагрузку. Они должны противостоять ветру, осадкам, собственному весу, разрушающему влиянию времени...

СЕКРЕТЫ ПРОЧНОСТИ

Так, может быть, следует учиться перенимать форму и расположение не всего растения, а именно «живых балок», то есть частей растения, несущих нагрузку?

Эта мысль все чаще возникала у разных строителей. Изучение свойств, дающих живым растениям такую огромную прочность, постепенно становилось наукой. В нее много внес наш соотечественник, поставивший своей целью «поверить алгеброй» гармонию природы. Инженер-механик по образованию, Владимир Федорович Раздорский сразу после Московского высшего технического училища поступил в университет, чтобы приобрести специальность ботаника. Это было в начале нашего века. И потом всю жизнь он посвятил исследованиям того, как растение строит себя для сопротивления жизненным невзгодам.

Своими глазами наблюдал Раздорский, как в тоненьком стебле образуются совершеннейшие конструкции. Он испытывал стебли растений, как балки, на изгиб и кручение, он менял механические нагрузки, следя, как реагирует на это миниатюрный ствол...

Стебель ржи и пшеницы — говоря языком архитекторов, это одновременно пружинящая балка и опорная колонна — достигает двух метров в высоту при толщине 2—3 миллиметра... Если бы трехсотметровая радиомачта могла быть сделана по тем же пропорциям, ее диаметр составил бы всего метра полтора. Но пока еще это недостижимо, людям приходится создавать массивные, широкие сооружения. Иначе они обрушатся.

В чем же секрет прочности стебля? Он насквозь пронизан специальными клетками, которые называются склеренхимами. Живое содержимое — ядро и протоплазма рано отмирают в них, а возникшие полости заполнены воздухом.

Законы расположения этих клеток чрезвычайно интересуют инженеров. Когда сравнили поперечные разрезы стебля взрослой осоки и железобетонной фабричной трубы, рассчитанной по всем правилам современного сопромата, оказалось, что они поразительно похожи. У трубы и стебля точно совпадали продольная и поперечная арматура, даже воздушные пустоты. Плотные сомкнутые ряды удлиненных склеренхим точно напоминали ряды стальной проволоки в железобетоне. Значит, мысль современных инженеров работала в том же направлении, в котором действовала природа, век за веком совершенствуя свои конструкции. Но, увы, при всем при том клетки, «сделанные» из воды и целлюлозы, по целому ряду признаков были прочнее, чем строительный материал!

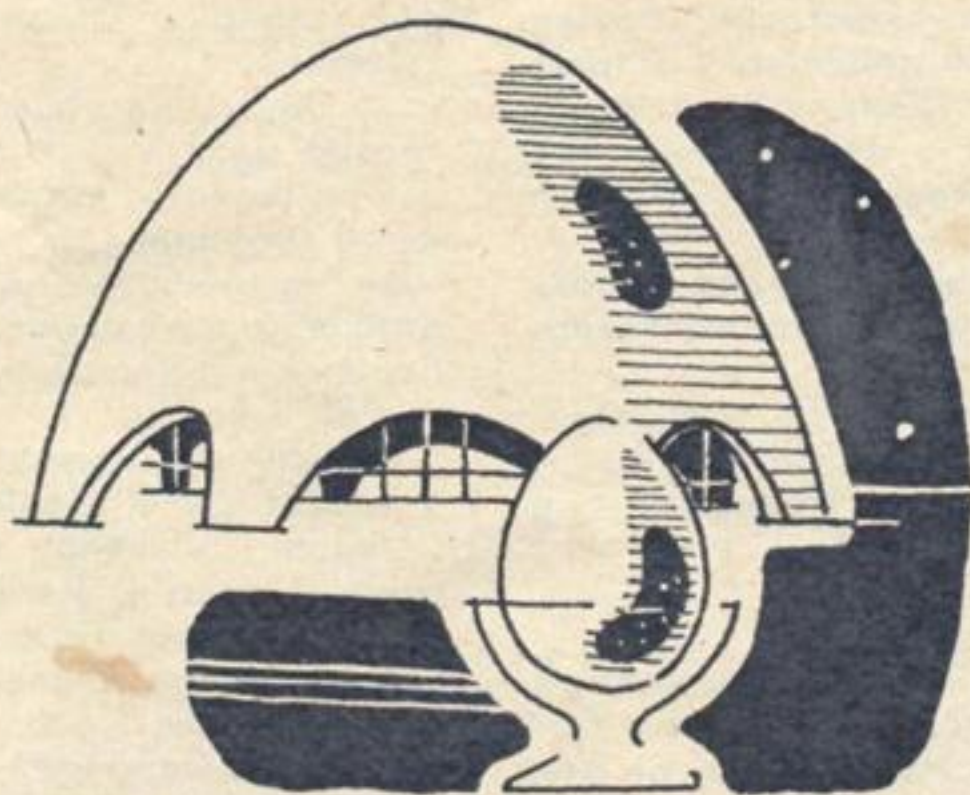
Оода - архитектор

До сих пор не разгаданы секреты упрямой прочности альпийских фиалок, взламывающих нежными верхушками своих ростков корку льда, силы одуванчиков, пробиравших бетонированный городской асфальт. Распирающее внутреннее давление клеточного сока достигает фантастических цифр, сравнимых с давлением пара в мощном паровом котле. До сотни атмосфер доходит этот напор.

...Но вернемся к прочности сложных конструкций. Один математик проделал недавно расчеты: каким образом следует расположить балки, чтобы они могли перенести все виды нагрузки, которая приходится на одну из костей человека. И получил результат: нужна в точности та же архитектура, которой обладает живая кость!

В кости есть два вида клеток-строителей. Одни непрерывно разрушают ту костную ткань, которая перестает испытывать нагрузку. Другие, наоборот, откладывают костное вещество по линии наибольших напряжений. Вот почему кости — такие прочные сооружения. Даже лучшие конструкции человека (например, Эйфелева башня) лишь приближаются к ним.

Однако мы все время говорим о прочности. А красота? Однообразие — злейший враг архитектуры.

КЛАДОВАЯ МОДЕЛЕЙ

По одному точному выражению, «красивая форма — это форма, наиболее полно соответствующая своему назначению». Природа ищет запасы прочности в разнообразии форм своих созданий. Ищет прочность и одновременно обретает красоту.

Наилучший пример того, как прочность связана с формой, — обычный лист бумаги. Положите его на две опоры — он прогнется и соскользнет. Но стоит сложить его «гармошкой» — сделать гофрировку — и образуются ребра жесткости, которые удержат бумагу на опорах. Мало того, она выдержит еще и значительную дополнительную тяжесть.

...В городе Дакаре (Сенегал) строили здание театра. Хотели, чтобы внутри его не было ни одной колонны, ни одной, даже самой незаметной, опоры. Весь театр планировался в виде огромной и тонкой железобетонной скорлупы, лежащей на специальном фундаменте. Как ни подсчитывали архитекторы, получалось, что прочность такого здания будет недостаточной. Тогда стали пристально разглядывать настоящее яйцо, форму которого напоминала постройка. Известковая арка яйца дополнена тонкой и эластичной пленкой. Оказалось, что эта пленка-мембрана создает вместе со скорлупой конструкцию гораздо более прочную. Строители театра с радостью и благодарностью использовали этот метод.

Сколько же еще великолепных идей могут найти архитекторы, изучая готовые модели, которые предоставляет им природа! Вот, к примеру, что обнаружили строители, всмотревшись в обыкновенный зеленый лист. Оказалось, что листья, снабженные тончайшими полыми трубочками, несущими клеточный сок, «работают» в точности, как

плиты, армированные креплением. Строители пришли к выводу: расположение жилок полых трубочек в зеленом листе — это самая экономичная и надежная схема питания, которую целесообразно использовать при водоснабжении больших территорий. Теперь достаточно будет проверить, форму какого листа больше всего напоминает данная площадь. И составлять такую схему водоснабжения, которая соответствует расположению его жилок.

Это далеко не все, чему может научить обыкновенный лист. Порою листья сворачиваются в трубку, образуют причудливые желоба, закручиваются в спираль. Для чего? Оказывается, для большей прочности... Уже существует проект моста через реку — точная копия полусвернутого листа. Своим появлением мост будет полностью обязан природе. Его легкость и прочность необычайны, материала же будет израсходовано меньше, чем при строительстве обычных мостов.

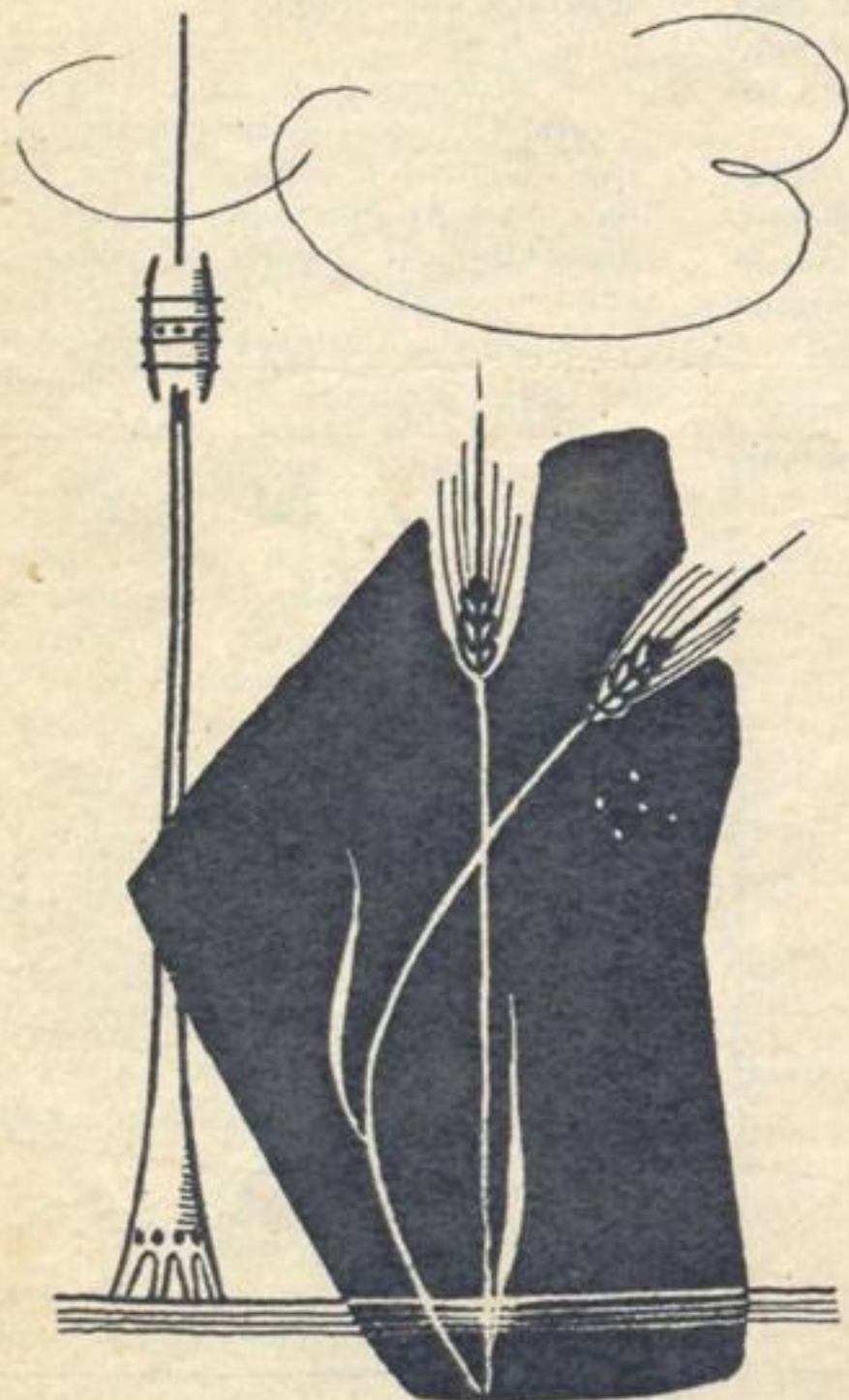
Форма яйца, свернутого листа — не слишком ли это мало для современных строителей и архитекторов? Ведь они, наверное, мечтают о более сложных формах, которых, как говорится, на морском дне не сыщешь.

Оказалось, что найти можно. Причем именно на морском дне, в многометровых слоях планктонного ила. Ил этот состоит из останков мельчайших обитателей моря, в том числе из одноклеточных водорослей — диатомей — и одноклеточных животных — радиолярий. Каждая диатомея одета в прочный кремневый панцирь, в каждой радиолярии — минеральный скелет. Так вот, сейчас об этих крошечных панцирях и скелетах — в иле их мириады — с восторгом пишут в архитектурных журналах. Дело в том, что, когда на диатомей и радиолярий взглянули в микроскоп не биологи, а строители, перед ними предстала причудливая архитектура с хитроумными узорами решетки, несущих нагрузку, с шарами, колоннами и многогранниками... Однако ни одного архитектурного излишества не найти в этих замысловатых формах, ибо единственное их назначение — прочность.

* * *

Проблемы живой архитектуры занимают сейчас строителей всего мира. В Советском Союзе недавно образована комиссия по архитектурно-строительной бионике. Она объединяет биологов и архитекторов, строителей, математиков и химиков, создающих новые строительные материалы из пластмассы, железобетона, камня. Такое сотрудничество позволит ученым воплотить в конструкции прекрасных зданий лучшее из того, что за миллионы лет нашла природа-архитектор.

И. МИРОНОВ

ние безнадежное. Не жена ведь еще — невеста! — и засмеялась.

И вокруг засмеялись. Виктория не поняла, но почувствовала что-то гадкое. Из дверей буфета вышли барышни Крутилины, следом их отец, адвокат Зеленецкий, похожий на актера (в него влюбляются все юристки), а за ними... Нектарий — покровитель и паж матери.

Виктория пошла ему навстречу, подумала: «Как кролик в пасть удава».

— Мне нужно с вами поговорить.

— Минуточку сроку, Виктория Кирилловна. Генерала надобно звать — пора к столу, все ожидают, — неловко. Позволяете?

— Хорошо. Конечно. (Он идет к Леше.) А можно я провожу вас?

Она заставила себя опереться на его руку.

— Я весь внимание, Виктория Кирилловна.

— Я хотела просить... Не говорите ничего маме. Она не знает. И мне не хотелось...

Вот уже и красная гостиная, белеет закрытая дверь, — что там?

— Отродясь ябедником не был. Придет пора — сами о женихе скажете. Ах, милые, нежные женщины, чуть заговорит сердечко, и вся политика по боку. Так-то.

Ничего не было слышно за дверью. Нектарий тихо спросил:

— Зайдете со мной, или нет охотки?

Как лучше? И хочется, и страшно. Знать бы, как лучше? Напротив у стены, в нише, банкетка.

— Здесь посижу.

Виктория села на банкетку. Хорошо, что никого и темно. Можно туфли снять.

Вдруг свет хлынул в глаза. Где туфли? Скорей...

— Пожалуйста, Виктория Кирилловна, дело уже покончено.

Замутило от голоса Нектария. Только вида не показывать!

За столом Шатровский. Леша складывает карту. Нектарий — гора, желтоватое, расплывчатое лицо, холодный, анатомирующий взгляд. Он непреодолимо опасен, как чудища, воображаемые в детстве.

— Очень, очень ценны ваши соображения, господин поручик. — Генерал был сосредоточен, серьезен. — Чрезвычайно.

— Так идемте, друзья мои, гости ждут. — Нектарий глянул на нее и перевел острый взгляд на Лешу. — Приглашаю невесту и... с разрешения его превосходительства, жениха отужинать с нами.

— Нет, нет, ему надо отдохнуть! — пытается протестовать Виктория.

На помощь ей приходит твердый Лешин голос:

— Благодарю. На рассвете я должен выехать.

* * *

В непроницаемой метели, на ветру и холоде они были в безопасности. Но это еще не конец. Нет, она вела себя не блестяще. Но Леша... Откуда он такой?.. Дом уже близко, и теперь главное падает на нее. Надо все сообразить. Войти одной, отпереть свою комнату, потушить свет в коридоре и быстро провести Лешу. Завесить окно одеялом и портьеру прищипить кнопками. Да, еще замочную скважину заткнуть. Взять у мамы с туалета второй ключ и оставить записку: «Ночую на Подгорной».

...Вошли в комнату, он огляделся:

— Одна живете?

— Одна.

— Окно куда?

— Во двор. Ворота справа. А другие — налево в переулок. Только эти на замке.

Он снял полушубок, еще раз

огляделся, показал на пол у печки:

— Здесь можно растянуться? — Зачем?

— Спать. — И, потому что она глупо смотрела на него, повторил: — Спать.

— Что вы! На кровати же... — проворно скинула покрывало, раскрыла постель: — Вот, я сейчас...

— А вы?

— В кресле. Успею выспаться. Так Раиса Николаевна велела, не спорьте.

Леша не спорил, повел плечами, стал снимать сапоги. Увидел, что она достала чистые простыни.

— Зачем? Я ведь в одежде, только разуюсь. Эх, наследил...

Она стояла с простынями, пока он говорил:

— Чем-нибудь застелите, чтоб я не нагрязнил. Хоть и побанился и в чистое оделся у тети Раи, а все ж...

Решила по-своему:

— Нет уж. Я хозяйка.

Леша повесил френч на спинку стула и, мягко ступая в толстых носках, подошел к кровати, осторожно улегся, повернулся на бок.

— А ужинать-то?

— Завтра. — Он ответил уже во сне и ровно, спокойно задышал.

А она, прикрыв лампу поверх абажура газетой, села в кресло, взяла учебник химии, перелистывала страницы, старалась не смотреть на Лешу...

Как его настоящее имя? Этого Раиса Николаевна не сказала. Сколько ему лет? Лоб со складкой поперек — хмурится часто? Рот большой, а детский. Нос русопятый — широкий и вздернутый. Красивый он? Не надо смотреть, это мешает ему спать. Вернулась к химии и увидела, что ничего не помнит. Закрыла учебник.

Рабочий, сын железнодорожника... Значит, не интеллигент. А что такое интеллигент? Понимать, знать, мыслить... Леша

умный и читал много, дело ведь не в аттестатах. Напиханные в голову знания еще не делают человека интеллигентным. Леша интеллигентный...

— Пять?

— Вы отчего проснулись?

— Время заказано.

Надо ж так научиться: приказать себе и проснуться минута в минуту.

Он сел, спустив ноги, закрыл глаза, чуть повел плечами, управляя непроснувшееся тело, и начал тихо:

— А знали бы вы, как надоело! Поспать бы, сколько спится, книжку почитать не на ходу, погулять в охотку.

Умывался он не спеша, пофыркивая от удовольствия, поиграл свежим махровым полотенцем, с любопытством оглядел накрытый стол.

— Вот теперь поужинаем, невеста. Ух, и проголодался!

Никогда ей и в голову не приходило, что готовить завтрак может быть так приятно, даже увлекательно. Леша ел с буйным, заразительным аппетитом. И смеялся над собой, и она смеялась.

— Беспokoилась, что вам не понравится...

— Как может добрая еда не понравиться? Что я, больной?

Ей уже давно хотелось сказать, что он удивительно смелый, находчивый и что самообладание у него...

— Неужели вам не было страшно вчера? В собрании?

Он искоса хитровато посмотрел и усмехнулся:

— Вас я больше всего боялся.

— Как? Почему?

— Когда идешь на такое дело, вся штука, чтобы не беспокоиться нисколько.

— А я?

— Фотографию бы с вас там снять. Почему, скажите, людям думать, что в самый котел белых придет человек с чужим документом? С чего это думать, если человек не беспокоится, от стен не шарахается, на двери не оглядывается? Другие считают, что такие дела — самые опасные дела. А по мне — самые безопасные. Особенно когда один. Вот с таким другом, как вы, можно и пропасть. Не обижайтесь. — Он через стол похлопал ее по руке. — Вы хорошая девушка, и все вышло складно. А скажу вам все-таки, если случится в такое дело попасть, помните: нельзя идти вперед — надо идти хозяином. Понятно?

Она кивнула головой.

Леша не спеша допил кофе и встал.

— Спасибо. Суток на двое накормила, невеста.

— Уже?.. Одеваться? А в армии там... плохо очень?

— Хорошего мало. — Он застегнул френч, надел ремни. — А страшиться-то, в общем, не надо. — Взглянул на нее, улыбнулся, блеснули зубы. — Не надо. Наша возьмет!

КНИЖНАЯ ПОЛКА

В серии книжек о женщинах нашей страны появилась еще одна — о дочерях башкирского народа.

«Я родилась в семье деревенского батрака, — читаем в очерке депутата Верховного Совета БАССР врача Сулу Ахметовой. — Отец умер рано, когда мне шел второй год. Мать осталась вдовой, с пятью дочерьми, из них младшей была я. И пропала бы наша семья в старой Башкирии, если б не Советская власть!

Советская власть спасла меня от нищенства и голодной смерти, воспитала сознательным человеком, полезным для общества гражданином...» Эти слова Сулу Ахметовой могли бы стать эпи-

графом ко всей книге.

От батрачки до члена правительства, от невежества к высотам знаний — вот дорога жизни многих башкирок. Книга рассказывает и о том, какой нелегкой была эта дорога. Каждый очерк — подлинная страница чьей-то жизни — и в этом одно из главных достоинств книги.

Составители книги Х. М. Вафина, А. Н. Киселева, А. И. Нухрат сами были в прошлом активными организаторами работы среди женщин-башкирок. Им удалось собрать богатый материал, наглядно показывающий на примере одной из национальных республик достижения Советской власти в области раскрепощения женщины.

Е. ТИТОВ, техник

Маляры

На листке: «Окрашено! Окрашено!»
На ступеньках пятна дня вчерашнего,
На изогнутых, как молния, перилах
Молоком разбрызганы белила.
На площадке двое, словно мельники,
В шароварах и платочках беленьких.
За окном декабрь бровастый хмурится,
За окном заснеженные улицы.
Ну, а здесь девчонки, вот оказия,
Даже пол под синий май окрасили.

В. КОРОСТЕЛОВА, ассистент режиссера

Детские рисунки

Пустите меня в это дивное царство!
Там кони, как птицы, застыли в
пространстве,
Там чудных конструкций летят самолеты,
В них целятся пушки военного флота,
Там люди — не как-то,
А вровень с домами
(Всех выше, конечно,
Любимая мама).
Ах, если бы люди несли за плечами
Тот мир, что они открывали вначале!

А. ЯКОВЛЕВА, инженер

В тайге

Тяжелеет тайга —
Наливается спелостью вязкой.
А в озерах вода —
Вся цветет изумрудною ряской.
А в озерах вода —
Не вода, а лесная истома.
Тяжелеет тайга —
Золотится пахучая крона.
Я иду по траве.
Ноги лижет мой повилика.
Я иду по тайге —
По бескрайности теплой, великой.
Каждый шорох лесной,
Каждый вздох тишины понимаю.
Чистотою своей
Меня дали к себе зазывают.
Надо мной небосвод —
голубой,
Нет, он гуще —
он синий.
Я, как осень, иду
По таежным раздольям
России.

Н. КРАСИЛЬНИКОВА, инженер

Дождь

Был еле виден дробный след
Тех маленьких дождинок,
Что утром начали чуть свет
Со зноем поединок.

Страшней, чем холод средь зимы,
Зной стлался над землею.
Как эпидемия чумы,
Губил он все живое.

От зноя трескалась земля,
Как от великой боли.
А жаркий ветер дул, пыля,
И с пылью мчался в поле.

И истомленная земля
Ждала, теряя силы,
Чтоб хлынул ливень на поля,
Чтоб ливнем затопило

Цветы, и травы, и кусты,
Дороги и тропинки,
Чтоб били в звонкие листья,
Как в барабан, дождинок.

А тучи медленно ползли,
Толкаясь бестолково,
То опускаясь вниз вдали,
То поднимаясь снова.

Н. МИХАЙЛОВА, корректор

Облака нависли низкие.
Лес. Асфальт. Автомобиль.
Я живу в картинах Нисского.
Я дорог глотаю пыль.

Много нового увижу я:
Стройки. Трубы. Белый дым.
Надо мною солнце рыжее
Брызнет в тучах с высоты.

Надо мною птицы ранние
Запоют на проводах.
Мне призывом в страны дальние
Прогрохочут поезда.

Самолет блеснет мне искрою.
Промелькнет автомобиль.
Я живу в картинах Нисского.
Я дорог глотаю пыль.

Е. ДОРОХОВА, работница

Зорька

Птицы пробуют голоса
Неуверенно, точно спросонок...
На глазах
оживают леса
И кивают могучими кронами...
Так приветствуют
только зарю.
А у ней
розовеют щеки!
Все смотрю на нее
и смотрю...
Называю:
— Зоренька... Зорька...
А она
смеется в ответ...
Будто хочет сказать:
— Я знаю...
Ведь меня
уже тысячи лет
Люди с нежностью
Так называют.

Г. ХОРОШАВЦЕВ, офицер

Офицерским женам

Будь я художником,
я нарисовал бы
жену офицера
сидящей на чемодане.

Завистницы лгут,
что за легкую жизнью в погоне
вы нас не любили,
— польстились на наши погоны.

Вы их, офицерские жены,
за сплетни простите.
За то, что про вас не написано песен,
— простите!

Простите за наши тревоги,
простите, мадонны,
за то, что рождаете чаще в дороге,
чем дома.

Спасибо, что вы,
не страшась ни снегов, ни турксибов,
судьбу чемоданную делите с нами,
— спасибо!

За то, что вы участи легкой
у нас не просили,
от всех офицеров —
поклон вам земной
и спасибо!

Сегодня — праздник.

Фото автора.

Н. ХОХЛОВ

Пальма принялась

Уможа ва Ванаваке ва Танганьика. С языка суахили, на котором говорят жители Восточной Африки, да и некоторых других районов континента, эти слова переводятся так: Союз женщин Танганьики. Не Танзании, как стала именоваться республика после объединения с островом Занзибаром, а Танганьики, то есть континентальной части страны, ибо на Занзибаре есть свой Женский союз.

В колониальной Танганьике не было ни-

каких женских организаций. Бывшая английская вотчина получила независимость 9 декабря 1961 года, и уже на следующий год суверенного существования страна узнала о рождении Уможа ва Ванаваке ва Танганьика: подружки, жены, сестры танганьичев объединились в союз, чтобы участвовать в строительстве и обновлении своего государства.

Тогда женское движение напоминало первые, неуверенные шажки ребенка. Все

только начиналось. Каждая женщина словно бы приучала себя видеть всю страну—от озера Танганьика на западе до Индийского океана на востоке, от гор Килиманджаро на севере до границы с колониальным, пока еще португальским Мозамбиком на самом юге. Не так это просто. Положение осложнялось еще и тем, что значительная часть жителей новой африканской республики исповедует мусульманство. Известны постулаты ислама: они накрепко приковывают женщину к хижине, к семье. Рожать детей, угождать мужу, глядеть только себе под ноги, не видеть даже соседнего дома...

Теперь, несколько лет спустя, можно уже говорить о танганьикском Женском союзе суахилийской поговоркой: «Пальма принялась», то есть дерево пустило корни, обзавелось листьями, пошло в рост. Правящая партия Африканский национальный союз Танганьики (ТАНУ) объявила, что без женщин нельзя построить нацию. Этот призыв уточняется, наполняется конкретным содержанием: если страна обучит женщин, значит, мы будем иметь образованную нацию.

В колониальной Танганьике женщин, окончивших даже начальную школу, насчитывалось единицы. Сейчас в стране развернулось движение за ликвидацию неграмотности, и женщины участвуют в нем не менее активно, чем мужчины. «Учась, учи других» — эти слова видишь всюду. Двойная нагрузка, но ее берут на себя охотно, я бы сказал, с энтузиазмом.

Не так давно я побывал в Мванзе — портовом городке на берегу озера Укерева, — на европейских картах его называют Виктория. Заехал в одну из женских школ города. Пустота. Никого нет. Сторож объяснил мне, что все ученицы за городом.

— У нас там своя ферма, — говорил он мне. — Как только увидите девчонок с мотыгами, значит, они и есть. Не беспокойтесь, наверняка найдете.

И действительно, нашел. Известно, как встречают девушки пожаловавшего к ним мужчину. Атакуют шутками. Так было и со мной:

— Бвана¹, мы так давно вас ждали! Специально для вас приготовили мотыгу.

¹ Бвана — господин.

В разных странах ● В разных странах

АВСТРАЛИЯ

ДЕЙСТВОВАТЬ, БОРОТЬСЯ!

Автобус застрял в длинном хвосте автомашин. Улицу заполнили женщины в траурных одеждах. На плакатах, которые они несли, было написано: «Остановите войну во Вьетнаме!», «Верните наших сыновей домой!».

— Смотрите, и Филлис Хопвуд здесь, — произнес мой спутник, австралийский журналист. Он кивнул в сторону невысокой женщины, которая стояла возле транспаранта с именами четырех юношей из Сиднея, погибших на войне. — Союз австралийских женщин (в нашем штате Новый Южный Уэльс его

возглавляет миссис Хопвуд) выступает против решения правительства послать во Вьетнам новое пополнение.

В тот же день в одной из аудиторий Сиднейского университета выступал профессор Коннел, только что вернувшийся из Советского Союза. В первом ряду я увидел Хопвуд. После лекции мы встретились в фойе, и Филлис заговорила о Москве, где она была несколько лет назад на Международном конгрессе женщин:

— Я будто вновь ощущаю бурный ритм жизни вашей столицы, когда всем некогда и ты сама, хоть никуда не спешишь, все равно поддаешься этому возбуждающему ритму. Мне бы хотелось показать вам Сидней, но через полчаса заседание организационного комитета нашего союза.

Мы договорились встретиться в ближайшее воскресенье у Филлис дома.

Небольшой дом Хопвуд как бы навис над океаном. В лазури спокойных вод отражаются

темно-серые скалы, окаймляющие залив. Кажется, все здесь создано для спокойной, созерцательной жизни.

— Наверное, из-за удивительных красот, которыми природа щедро одарила нашу землю, ее называют «счастливой Австралией». А ведь забот у нас, пожалуй, ничуть не меньше, чем у старушки Европы.

Помолчав, Филлис продолжала:

— Мы, члены Союза австралийских женщин, считаем, что нельзя сидеть сложа руки и ждать лучших времен. Надо активно вторгаться в жизнь, отстаивать свои права. До сих пор австралийки получают за равный с мужчинами труд гораздо меньшую зарплату. А ведь женщины составляют почти треть рабочей силы страны.

Недавно союз после упорных усилий вынудил правительство установить для женщин-учителей равное с коллегами-мужчинами вознаграждение за свой труд. Не последняя роль в этом принадлежит Сиднейскому отделению союза. Но это — лишь начало. Сейчас Филлис и ее подружки добиваются равной оплаты для банковских служащих и медицинских сестер.

Постоянная забота Филлис — улучшение жизни трудящихся женщин. Союз добился открытия детского сада на средства муниципалитета, повышения пособий многодетным матерям. И хотя прибавка была незначительна, факт этот сам по себе знаменателен. Впервые правительство пошло на увеличение пособий. Правда, этому решению во многом способствовала

— Мзунгу¹, оставьте ваши ботиночки в машине, они на воле не нужны. Идите бо-
сиком...

— Хитрый вы человек: прикатили перед
самым обедом...

Ботинки я не стал снимать, но мотыгой
поработал, стойко выдержав при этом град
иронических и серьезных вопросов. Разго-
ворились уже потом, когда рубашка на мне
стала хоть выжимай, а у девушек, видно,
иссякли шуточки-прибаутки. Девушка по име-
ни Хава, узнав, кто я и откуда, начала объ-
яснять мне, что такое женская школа и чем
занимаются ее воспитанницы.

Думаю, что Хаве лет восемнадцать, не
больше. Против моих ожиданий она весьма
бойко взялась просвещать меня и в поли-
тике. Напомнила о преследовании негров
в Соединенных Штатах, о расистах в Роде-
зии и Южной Африке, о войне во Вьетна-
ме, словом, набросала картину всего со-
временного мира с его болезненными
проблемами. Несколько раз она сослалась
на высказывания президента Танзании
Джулиуса Ньерере.

— Почему вы работаете в поле? — спро-
сил я.

— Наша страна, — отвечала Хава, — не из
богатых. Мы должны отрабатывать деньги,
которые расходует на нас правительство.
Вот на этом участке мы посеём кукурузу и
овощи. Вырастим и соберем урожай. Он
наш, школьный. Нельзя сидеть на всем го-
товом. В богатых странах школьники и сту-
денты знают только одно — учебу. Мы так
не можем. Нам приходится обеспечивать
себя. Не подумайте, что это для нас такое
тяжелое бремя. Мы иногда еще прираба-
тываем и на стороне: берем разные подря-
ды и в городе и в деревнях. Деньги вно-
сим в общую кассу школы. Школьный совет
решает, куда их употребить. Большая доля
идет нуждающимся ученикам.

В школу часто приезжают руководитель-
ницы Женского союза.

Вечерами, после занятий в классах и ра-
боты в поле, ученицы занимаются с негра-
мотными. Страна переживает время свое-
образного «танзанийского ликбеза», напо-
минающего наш послереволюционный и
сходный с ним горячим стремлением сде-

лать всех грамотными, образованными, соз-
нательными строителями республики.

...Где-нибудь в крохотной деревушке на
полуострове Гейта невольно сделаешь оста-
новку: и мал и стар собрались под разве-
систым баобабом. К его стволу, как к сте-
не, прикреплен азбука. Здесь не нужны
ни бумага, ни ручки: ученики пишут палоч-
ками на земле или на широченных листьях
банана. Умилительные сцены: дедушка с
почтительным вниманием слушает своего в
высшей степени компетентного внука и
что-то повторяет за ним; мать, кажется,
совсем забыла о своих семерых ребятиш-
ках: они возятся в стороне, а сама она вся
ушла в грамоту. Ведь одно дело — сказать:
«Хабари кани?» — «Как поживаете?», а дру-
гое — написать эти знакомые слова на бу-
маге. Но вот после невероятных усилий
трудные буквы написаны. И теперь весь
мир кажется лучше, понятнее и даже дети
представляются не такими уж озорными.
Вот что делают эти буквы! Радость откры-
тия, внутренняя озаренность, осознание
собственного достоинства человеком, по-
знавшим букварь, — все это едва ли усту-
пит переживаниям знаменитого ученого,
который открыл новый закон Вселенной.
Распространенное в наше время выражение
«выход в космос» человеку вольно пони-
мать и в прямом и в переносном смысле.
Грамотный, осмысленный взгляд на мир —
тот же взлет в космос для человека, рву-
щегося из темноты и былой прибитости. В
Африке это чувствуется с особой силой.

В республике существует национальная
служба. Состоит она в основном из добро-
вольцев и построена, как называется это у
нас, на общественных началах. Бойцы на-
циональной службы помогают ликвидиро-
вать последствия стихийных бедствий, осо-
бенно частых в сезон ливней, строят дома
бедным крестьянам, разбирают плантации
на общественных полях, собирают урожай,
занимаются пошивкой одежды и обуви,
очищают от мусора улицы, ремонтируют
дороги, убирают сады и парки. В рядах
национальной службы много девушек и
женщин.

Африканца длительное время изобража-
ли человеком ленивым, якобы начисто ли-
шенным творческой, созидательной энер-
гии. В западных изданиях, посвященных

Африке, имеются даже такие картинки-
лукки: лежит человек под деревом и тер-
пеливо ждет, когда около него или на
него упадет съедобный плод. И хотя этот
африканец был по известной аналогии тем
самым мужиком, который неведомо как
кормил множество европейских генералов,
какая-то доля истины в том изображении
африканца колониального периода, несом-
ненно, имелась. Труд-то был подневольный,
кабальный — на чужака. Что же касается
любителей побить баклуши, то в них нет
недостатка и в европейских государствах.

Теперь танзанийцы работают на себя, на
свою республику, и у народа словно при-
бавилось сил.

Что касается раскрепощения женщины,
то рано говорить, будто уже все достигнуто
на этом пути. Но без Уможа ва Ванаваке ва
Танганьика немыслимо себе представить
ни одного начинания в стране, ни большо-
го, ни малого. В конце 1968 года здесь
была проведена Женская неделя. Прези-
дент Союза женщин Танганьики госпожа
Софи Кавава, супруга известного государ-
ственного деятеля страны Рашиди Кавава,
призвала своих соотечественниц отметить
неделю по-деловому, под знаком поддерж-
ки Арушской декларации, которая провоз-
гласила социалистические принципы. Это
был своеобразный смотр женских сил. Сре-
ди женщин есть теперь члены парламента,
учителя, работницы фабрик и заводов,
журналистки, дикторы радио, медицинские
сестры, служащие государственных учреж-
дений.

За время недели собрана значительная
сумма денег на строительство школ и боль-
ниц.

В один из дней недели на центральном
стадионе Дар-эс-Салама женщины и де-
вушки совершили торжественный марш.
Всех растрогала процессия школьниц: каж-
дая из них вела под руку женщину, обучен-
ную грамоте. Публика долго аплодировала
юным энтузиасткам.

Все это и есть реальный вклад женщин в
строительство новой Танзании.

Кидого-кидого — что значит мало-пома-
лу — пальма принялась: ее роста уже не
остановить.

Танзания, Дар-эс-Салам.

¹ Мзунгу — белый человек, европеец.

бурная кампания, проведенная
под руководством Филлис. Ак-
тивисты союза выступали по
радио, телевидению, распро-
страняли листовки.

Сиднейское отделение Союза
австралийских женщин объеди-
няет представительниц самых
разных социальных слоев.

Для жительниц близлежащих
к городу сельских районов пер-
востепенная проблема — реше-
ние «школьного кризиса». Клас-
сы переполнены, ветхие здания
нуждаются в ремонте, средства,
выделяемые правительством на
образование, крайне скудны.
Семьсот шестнадцать тысяч
учащихся штата Новый Южный
Уэльс начали нынешний учеб-
ный год в коридорах, на лест-
ничных площадках, в комнатах
медицинской помощи и даже в
сараях частных домов близ
школ. Бюджет страны не пред-
усматривает в ближайшее вре-
мя роста ассигнований на на-
родное просвещение.

Зато непрерывно увеличи-
ваются расходы Австралии на
военные нужды. Участие в
агрессивной войне против па-
триотов Вьетнама уже обошлось
стране в 76 миллионов долла-
ров.

— Вы слышали последнее
выступление премьер-министра

Гортон? — воскликнула Фил-
лис. — Какой цинизм! «Австра-
лия должна нести огромные
расходы, чтобы гарантировать
свой прогресс», — заявил он.
И это при том, что страна нуж-
дается в новых школах, доро-
гах, детских учреждениях!

Филлис Хопвуд пододвинула
к себе лист бумаги, взяла на-
рандаш.

— Вот как выросли цены на
продовольственные товары, вот
дополнительные налоги, вот на
скольком дороже стали телефо-
нные переговоры и почтовые
сборы. В Сиднее, Мельбурне,
Брисбене и других городах
объявлено об очередном повы-
шении платы за обучение в ву-
зах.

...Разговор наш прерывает
звонок в дверь. Хозяйка спе-
шит навстречу гостям. Это Аль-
ма Хамилтон, председатель
Сиднейского отделения обще-
ства «Австралия — СССР», и За-
ра Сплэйфорд, секретарь Сою-
за женщин. Они приняли уча-
стие в нашей беседе.

Потом Филлис садится к роя-
лю. Звучат народные ирланд-
ские песни, песни пастухов.
Мы все вместе поем «Течет ре-
ка Волга», «Подмосковные ве-
чера»...

Поздно вечером я простился

с этими славными людьми, вы-
бравшими единственный прием-
лемый для них путь — путь
борьбы за справедливость.

А. ОСИПОВ

ЗАПАДНЫЙ БЕРЛИН.

БИЗНЕС НА СТАРЧЕСКОЙ НЕМОЩИ

Из глаз старой женщины
льются слезы.

— Вот здесь мы и живем —
четыре больных старухи, — го-
ворит она корреспонденту за-
падноберлинской газеты «Ди
вархайт». — Каждая из нас от-
дает за жилье почти всю свою
пенсию.

Корреспондент огляделся:
темная комната в полуподвале;
четыре железных кровати
вплотную придвинуты одна к
другой. Стол, два обшарпанных
стула. Пахнет сыростью и не-
чистотами...

Рядом у самой входной две-
ри — бывшая кладовая. Здесь
тоже квартирант — пенсионер.
Чуть подальше — клетушка на
двух обитательниц.

Все это вместе называется

«Домом для престарелых», ко-
торым владеет в Западном Бер-
лине фрау Герда Виллер.

У нее три таких дома. В них
живут пятьдесят стариков. 25
тысяч марок ежемесячно взи-
мает она со своих жильцов.
Здоровые и психически боль-
ные люди живут вместе. «На
обед подают такую еду, — рас-
сказывает 76-летний пенсионер
Клошка, — что собака есть не
станет. Утром и вечером два
кусочка хлеба, смазанные тон-
ким слоем маргарина, и чашка
чая...» Не мудрено, что в гара-
же фрау Виллер два собствен-
ных легковых автомобиля, а ее
квартира из десяти комнат об-
ставлена с претенциозной рос-
кошью...

Бизнес, которым занимается
фрау Виллер, не исключение.

Газета «Дер тагесшпигель»
называет еще несколько част-
ных домов для престарелых,
где обстановка и условия жиз-
ни ничуть не лучше. «Впрочем,
кого интересуют в мире нажи-
вы старые и больные пенсионе-
ры? — спрашивает газета «Ной-
ес Дойчланд». — Их натружен-
ные, деформированные и тря-
сущиеся руки уже непригодны
для того, чтобы создавать при-
быль».

Р. САМОЙЛОВ

Казанский химический завод имени Куйбышева...

До этого я никогда не видела, как делают кино- и фотопленку. И представить себе не могла, что эта самая пленка, способная запечатлеть лица людей и образы далеких городов, начинается весьма прозаично — с похожего на вату или тополиный пух вещества — триацетата. Его «варят» в огромных чанах, перемешивают с какой-то жидкостью, после чего появляется на свет прозрачная и девственно чистая основа. Но прежде чем эта основа превратится в готовую пленку, ее покроют эмульсией, обрабатывают на десятках разных машин, в абсолютной темноте разрежут, намотают на катушки и упрячут в блестящие коробочки.

Много труда вложено в обыкновенный ролик пленки. Тем, чтобы этот труд был организован как можно лучше, занимается заводская служба НОТ. Коллектив службы напоминает мне врача, который постоянно держит руку на пульсе заводского организма. И если на каком-нибудь участке начинаются перебои, или, как здесь говорят, образуется «узкое» место, инженеры НОТ спешат на помощь.

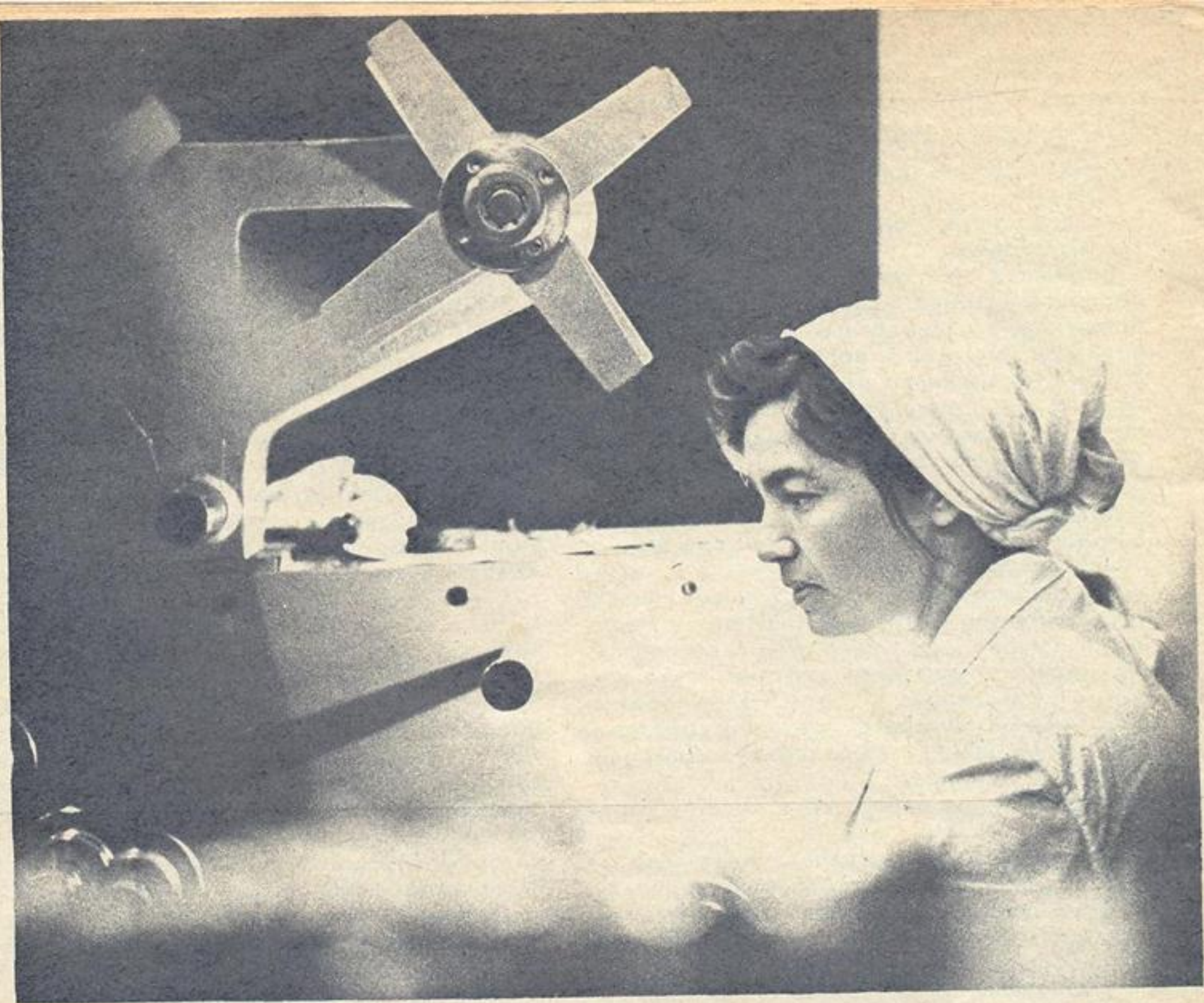
Одно время таким «узким» местом, помехой четкому ритму был внутризаводской транспорт. Надо было разобраться, почему машины часто ходят порожняком, простаивают возле цехов.

За это взялась инженер НОТ Анна Семеновна Тухватуллина. Восемнадцать дней с хронометром в руках выстаивала она с утра до конца рабочего дня. Везде картина была примерно одна и та же: подъехала к складу машина, а стать ей некуда — ящики дорогу загородили. Пока водитель изловчится и протиснется к воротам, пройдет несколько драгоценных минут. К цеху трактор подошел, а его разгружать некому. Особенно накалялась обстановка в начале смен, когда мастера торопились завезти материал, а транспорта на всех и не хватало. Зато в конце рабочего дня водители «загорали».

Анна Семеновна Тухватуллина и ее товарищи из службы НОТ предложили новый, более рациональный график работы заводского транспорта. Теперь транспорт следует по точно рассчитанным маршрутам, не опаздывая и нигде не задерживаясь. Редко увидишь машину, электрокар или трактор порожняком. Мастера завозят материал и отправляют готовую продукцию равномерно, в течение всей смены. С этой целью в цехах созданы бригады комплектовщиков. Они о сырье заботятся, машины разгружают, за полуфабрикатами ездят. Старшие мастера меньше растрачивают время на второстепенные заботы, больше занимаются технологией.

Транспорт — это всего лишь одна строка в списке дел, которые провели «нотовцы» на заводе.

Кинолюбители потребовали больше обрабатываемой пленки, и завод решил уве-

РУКА НА

личить выпуск этой продукции. Но с повышенным заданием не справлялся цех отделки — 10-й.

Маргарита Петровна Мигай внимательно проследила, ритмично ли поступают в цех полуфабрикаты, сколько времени уходит на их обработку, долго ли стоят на ремонте перфораторы. Оказалось, что машины не столько ремонтируются, сколько ждут ремонта. Маргарита Петровна предложила организовать ремонт станков в две смены. И вскоре цех, в котором ни одного человека, ни одного нового перфоратора не прибавилось, начал отделять в два-три раза больше пленки.

Много энергии приходится тратить «нотовцам» на то, чтобы ликвидировать разрыв между современной техникой и устаревшей организацией труда. В 16-м цехе, где отмывают пленку от эмульсии, долго не справлялись с планом. Инженер НОТ Нина Владимировна Чекушкина решила выяснить, в чем же там дело. Оказалось, отмывочные аппараты неправильно используются. В них загружают пленку разных сортов: и ту, что за 10 минут отмывают, и ту, на которую требуется 2 часа. Одна пленка давно готова, а аппарат все работает, обрабатывает другую пленку. Понятно, производительность небольшая получается. А не лучше ли загружать пленку по сортам? И когда аппараты перевели на новый регламент работы, участок сразу чуть ли не в передовые вышел.

Пишу: «Инженер НОТ придумала, инженер НОТ предложила...» Не правда ли, складывается впечатление, что на заводе только сотрудники службы НОТ

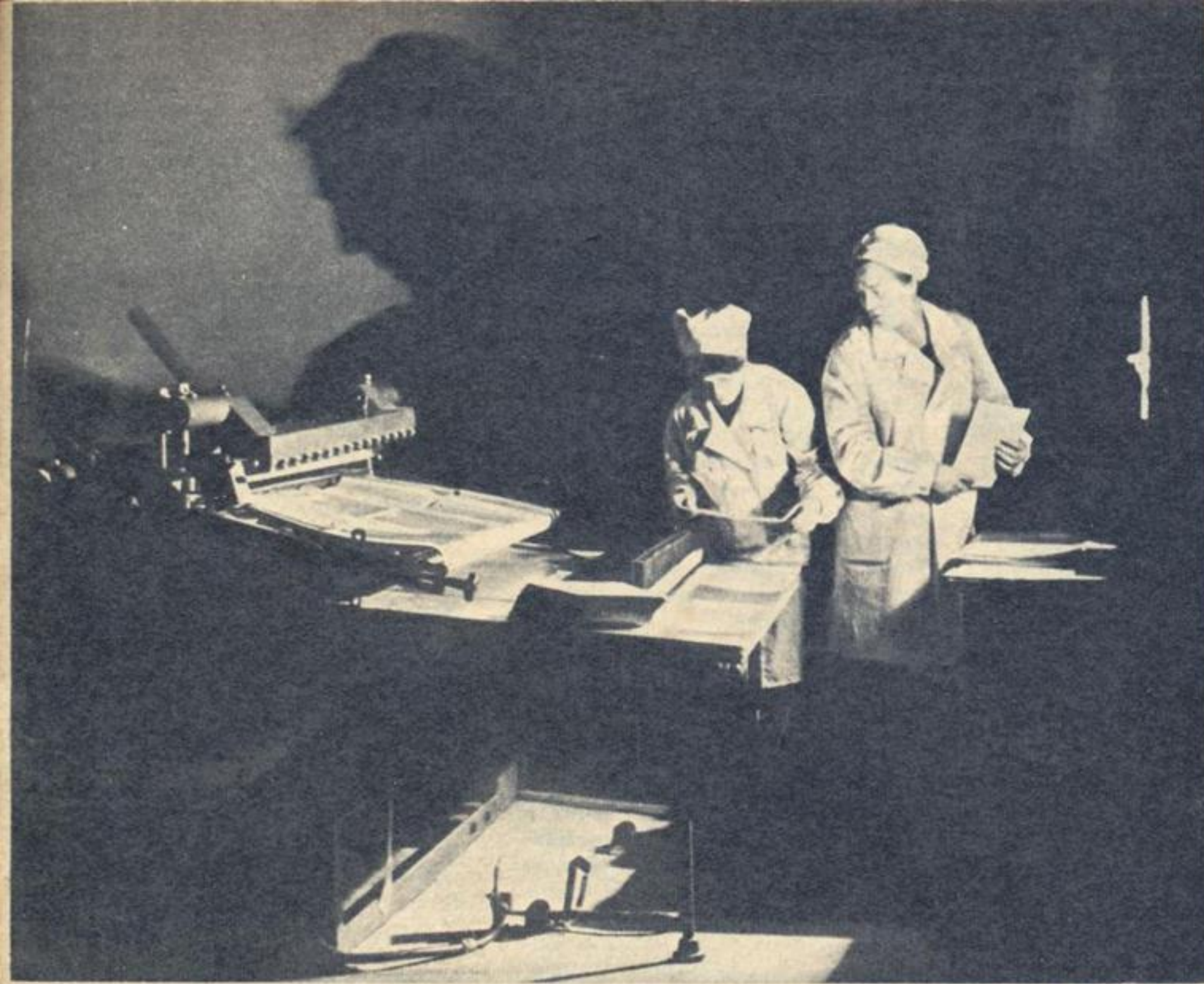
занимаются научной организацией труда? Но это не так. Когда начальник службы НОТ Жан Сергеевич Саратовский водил меня по заводу, я все время слышала: «Это не наша служба предложила, здесь цеховые товарищи сами исследования провели...»

В самом деле, будь у инженеров НОТ хоть семь пядей во лбу, им двадцать лет понадобится, чтобы все цеха завода изучить досконально, все проверить, проанализировать. Сотрудников в службе НОТ всего одиннадцать! К тому же на заводе столько отличных специалистов, опытных рабочих, что инженерам-«нотовцам» с ними и конкурировать не стоит. Да и надо ли? Не лучше ли привлечь к НОТ многие сотни умов работников завода, помочь людям овладеть методикой исследований, наладить контроль за их проведением?

Служба НОТ обязана быть организатором, своеобразным методическим центром — так понимают свою задачу «нотовцы» с завода имени Куйбышева.

Я держу в руках кипу анкет, которые служба НОТ распространила по заводу. Сотни рабочих, инженеров и мастеров в своих ответах писали, что им мешает работать, предлагали рациональнее организовать рабочее место, называли конкретные меры для ликвидации простоев оборудования. Сколько здесь было ценных мыслей, дельных предложений, оригинальных идей! Из анкет взято и внедрено 150 предложений. Они дали экономию около 200 тысяч рублей.

На заводе создали 86 творческих бригад содействия НОТ, которые работают под руководством инженеров-«нотовцев». В них объединились 544 эн-

ПУЛЬСЕ

тузиаста: 259 рабочих и 285 инженеров и техников. К тому же каждая творческая бригада время от времени привлекает себе на помощь летучие комплексные отряды, в которые входят почти все рабочие цеха, участка или отделения.

Одна из старейших работниц 6-го цеха, Анна Григорьевна Алексеева, с увлечением рассказывала мне, как недавно вместе с другими работницами своего участка искала ответ на вопрос: почему у разных смен на одних и тех же аппаратах разные результаты? Сделали фотографии рабочего дня, подсчитали, сколько времени тратится на ту или другую операцию. Когда сравнили результаты, стало ясно, кто из работниц успешнее справляется со своим делом. Отобрали лучшие приемы и обучили им остальных. Много подсказала Анна Григорьевна, ну, и ей, конечно, кое-что пришлось у своих подруг перенять. В результате обобщения коллективного опыта поднялась производительность труда на всем участке.

Вы, наверное, замечали: стоит удобнее расположить все, что надо для работы, как дело пойдет веселее, да и сил меньше требуется. А теперь представьте себе, что в некоторых цехах работать приходится в темноте, тут уж идеальный порядок — половина успеха. В темноте, чтобы не засветить пленку, работают бобинажницы. Они делят пленку на определенные куски по метражу, наматывают ее на катушки и упаковывают. Операций много, и все они должны выполняться точно.

Член творческой группы бобинажница Люба Барышева тщательно обдумала, рассчитала, где у нее должны лежать ка-

тушки, рабочие номера, изоляционная лента, чтобы не тратить время и силы на поиски, не суетиться понапрасну. У Любы всегда все под рукой, поэтому она вместо 200 катушек по норме упаковывает 900.

Барышева внесла много ценного и в организацию труда всего отделения. Каждую катушку пленки работница заклеивает кусочком изоляционной ленты — липкой. Эту липку работницы резали каждая для себя в начале смены, а станки в это время простаивали. «А почему бы не выделить специально человека, который готовил бы липку для всех и работал в светлом помещении? — предложила Люба. — Для этого вполне подойдет менее квалифицированная работница». Так и сделали. И еще Люба предложила переделать штамп так, чтоб управлять им можно было ножной педалью. Все эти нововведения помогли бобинажницам в два раза перевыполнять норму.

В отделении, где работает резчица рулонной пленки Аня Явкина, чуточку посветлее — можно хоть лица работниц разглядеть. Раньше девушки, которые обслуживали резательную машину, без конца сновали взад-вперед по отделению то за пленкой, то за бумагой. Бывало, в потемках и наткнутся друг на друга. Все это раздражало, сбивало с ритма, утомляло раньше времени. Но вот Аня Явкина, продумав «маршруты» перемещений по участку, по-новому расставила столы, приспособила к станку полку и так разложила бумагу и пленку, что резчицам теперь меньше приходится ходить и работать удобнее. И еще Аня сделала приспособление, которое

Бобинажница Люба Барышева

Бригадир резчиц Анна Явкина и браковщица Галина Шмакова. После того как были продуманы «маршруты» перемещений по участку, работать стало легче и удобнее.

Участок светлой упаковки позитивной пленки. М. Хуснутдинова комплектует готовую продукцию.

Фото Н. МАТОРИНА.

увеличило производительность резательной машины на 40 процентов и высвободило одного человека для другой работы.

Мы говорим о том, что НОТ облегчает труд, повышает его производительность. Все это верно и очень ценно. Однако НОТ несет в себе и другое, то, чему нет цены. Она дает человеку ощущение радостного, свободного творчества, помогает раскрыть в себе и других талант первооткрывателя. Именно такой талант я и увидела в Анне Григорьевне Алексеевой, Любе Барышевой и Анне Явкиной.

г. Казань.

Зинаида АНДРЕЕВА

Слушая музыку Шостаковича...

Замечательный советский пианист Генрих Нейгауз говорил, что музыка Шостаковича вызывает такой жгучий интерес во всем мире потому, что одновременно с неподражаемым мастерством глубоко современна.

Перед нами письма людей самых разнообразных профессий, живущих и в больших городах, и в малых, и в селах. Они слушают музыку Шостаковича в кинозалах, в грамзаписи, но чаще всего по радио. Слушают по нескольку раз, чтобы понять, запомнить.

«Как объяснить словами глубину и величие музыки Шостаковича? — пишет из Свердловска лаборантка Новикова. — Я боюсь говорить о его музыке, я ее просто слушаю. Она облагораживает. Человек как-то сразу начинает чувствовать себя человеком. И в этом счастье композитора, исполнителя, слушателя».

Плотник треста «Иркутскжилстрой» Юрий Александрович Шипицин пишет: «В творчестве Шостаковича поражает широта диапазона. Он великолепный мастер... Все его произведения, будь то симфония, квартет, опера, песня или романс, глубоко по замыслу и выполнению. Мне кажется, что сам Шостакович наверняка скромнее, принципиальнее. То, что он сам видит, слышит, то и переносит в свои про-

изведения. Он никогда не идет против правды. А это дается не каждому. Из всех произведений Шостаковича, которые я слышал, мне особенно дорога Седьмая симфония».

Много уже писали о Седьмой симфонии — шедевре мирового музыкального искусства, и еще много будет написано. В первые же дни смертельной схватки с фашизмом композитор всей мощью своего гения выразил чувства, обуревавшие советских людей, — ненависть к захватчикам, решимость бороться до конца, веру в победу родной страны.

«1942 год. Весна. Я во Фрунзе, в эвакуации, — вспоминает живущий сейчас в Рязани тов. Вин. — Настроение тяжелое, на фронтах ожесточенные бои. В газете «Правда» я прочел отзыв писателя Алексея Толстого о Седьмой симфонии Шостаковича: «...На угрозу фашизма обесчеловечить человека композитор ответил симфонией о победном торжестве всего высокого и прекрасного...» И вот симфония исполняется во Фрунзе. Какой восторг испытал я и все другие, заполнившие в тот памятный день зал Киргизского драматического театра! Я видел слезы на глазах слушателей, а за этими слезами сквозила уверенность в том, что зло будет побеждено. Сила, которая делает это, — мы, советские люди».

А студент Николай Валягин говорит в своем письме: «Если бы Шостакович написал лишь всего одну Седьмую симфонию, то и тогда он вошел бы навеки в историю советского и мирового музыкального искусства».

Во многих письмах упоминаются уже ставшие народными песни Шостаковича. Это песня из кинофильма «Встречный» («Нас утро встречает прохладой»), «Фонарики», «Родина слышит, родина знает». Именно эту последнюю песню вспоминал Юрий Гагарин в космосе. Ее первая музыкальная фраза каждый день теперь звучит в эфире.

Учительница из Нарьян-Мара (Архангельская область) Тамара Андреевна Дурнина пишет, что ее первое знакомство с музыкой Шостаковича состоялось, когда она услышала ораторию «Песнь о лесах». «Это было в ранней юности, в послевоенные годы, когда я еще никуда не выезжала из Нарьян-Мара. Меня тогда поразило, что оратория может быть такой доступной, мелодичной и красивой. Потом я стала прислушиваться к музыке Шостаковича все чаще и чаще. Не знаю, понимаю ли я ее правильно, но Одиннадцатую симфонию («Тысяча девятьсот пятый год») всегда слушаю с большим удовольствием. Очень люблю его песни и монологи на стихи Пушкина».

А другая учительница, Майя Петровна Яровая из города Кирова, пишет в своем письме: «Музыка Шостаковича — для всех. Малыши слушают и разучивают его детские пьесы — «Гавот», «Вальс», «Танец кукол». Ребята постарше поют песни из кинофильмов. Человек становится взрослым, и в его жизнь входят симфонии, квартеты, романсы, опера «Катерина Измайлова».

«Вначале, — пишет инженер Юрий Иванович Тюрин из города Кирова, — я к опере «Катерина Измайлова» относился настороженно. По-настоящему понял и оценил ее позже, прослушав по радио с начала и до конца — уже в который раз».

Известно, как много сделано Дмитрием Дмитриевичем Шостаковичем для кино. Его сотрудничество с киноискусством также высоко оценено всеми, кто любит музыку замечательного композитора. Слушатели помнят и трилогию о Максиме, и «Молодую гвардию», и многие другие кинофильмы. Но особенно часто вспоминают в письмах музыку к кинофильму «Гамлет».

Из села Дивеево, Горьковской области, студентка педучилища Соня Капустина пишет: «До сих пор помню, как на просмотре фильма «Гамлет», в самом начале, когда мы еще ничего не видели, кроме серой стены и зажженного огня, — при

звуках музыки прошел мороз по коже. Так много было сказано в них, в этих звуках».

«Музыка к «Гамлету» — это не фон, не сопровождение, это совершенно неотъемлемый элемент фильма, — пишет Изможарова из Перми. — Прекрасно поставленный фильм, несомненно, утратил бы значительную долю своего эмоционального воздействия, если бы не было в нем этой великолепной музыки, так созвучной тому, что происходит в старом, мрачном замке. В ней передано смятение героя, трагедия личности».

Есть письма, по которым можно судить о том, как музыка Шостаковича постепенно входила в жизнь того или иного человека. Вот что рассказывает учитель школы рабочей молодежи Малаховский из Свердловска: «Сначала мне нравились песни Шостаковича или небольшие оркестровые произведения, потом я услышал Седьмую симфонию, но любимым произведением стала не она, а Восьмая. Мне кажется, что в ней тема Великой Отечественной войны показана глубже, сильнее. Многие страницы этой симфонии производят потрясающее впечатление. Люблю хоровую поэму «Казнь Степана Разина». В ней есть что-то от Мусоргского — буйство красок, четкие музыкальные характеристики и ощущение допетровской Руси. Я не музыковед и не могу ручаться за правильность моих музыкальных впечатлений. Просто я люблю музыку и пишу то, что чувствую».

В музыкальной поэме «Казнь Степана Разина» ожили картины народной жизни и образ мужественного борца за народное счастье. За эту поэму Дмитрию Дмитриевичу Шостаковичу недавно присуждена Государственная премия.

...Одними и теми же нотными знаками пользуются все композиторы мира. Музыканты играют на одинаковых инструментах. И все же есть понятие «советская музыка».

«Нашу советскую музыку, — говорит Шостакович, — слушают и принимают во всех странах. Значит, те идеи и мысли, которые мы вкладываем в свои произведения, близки слушателю, где бы он ни жил. Я считаю, что мировоззрение художника — главное в его творчестве. Работая над новым произведением, я ставлю перед собой задачу быть прежде всего полезным своему народу, быть нужным своей Родине! Стремлюсь служить ей в полную меру сил, стремлюсь неустанно писать, непрерывно трудиться».

И разве письма, слетающиеся со всех сторон страны, — их много, их просто невозможно перечислить — не подтверждают, что музыка нашего замечательного современника находит отклик в сердцах миллионов?

ЛЕ ТХИ КИМ БАШ. ВО ИМЯ ЖИЗНИ.

Выставка дипломных работ выпускников художественных вузов страны. 1969 год.

ДЛЯ ДЕТЕЙ ВЬЕТНАМА

В редакцию позвонила женщина. Она назвалась Валентиной Васильевной Беняминовой и попросила, чтобы кто-нибудь зашел к ней домой и взял деньги, которые она хочет передать в помощь детям Вьетнама. Сама она не может привезти деньги, потому что больна.

Звоню в 20-ю квартиру дома № 8/1 по Большой Дорогомилловской улице. Дверь открыла женщина лет пятидесяти с небольшим. Она с трудом передвигалась на костылях.

— Я и есть Беняминова. Уж извините, что побеспокоила. Вот двадцать пять лет назад попала под автомобиль. В больницу привезли в шоковом состоянии с переломом позвоночника и параличом ног.

Постепенно я научилась передвигаться—начала с помощью стульев, а потом с помощью костылей. Нашлись и хорошие люди, подсказали мне заняться вязанием. С тех пор я вяжу для фабрики, на дому. И многих, таких же, как я,

инвалидов, этому обучила.

Теперь я на пенсии, но работу не бросаю. Пенсия у меня 54 рубля, да зарабатываю 80—90 рублей в месяц.

А это,— она протянула конверт,— из моих премий. Сто рублей здесь. Передайте их детям Вьетнама—от меня и от моей дочки Алены.

Деньги перечислены в фонд мира, квитанция № 597613.

Марина КОВАЛЕНКО

Москва.

С. КАХИШВИЛИ. Из эскизов к сказке «Цангала».

Выставка дипломных работ выпускников художественных вузов страны. 1969 год.

Юсуф ШОМАНСУР

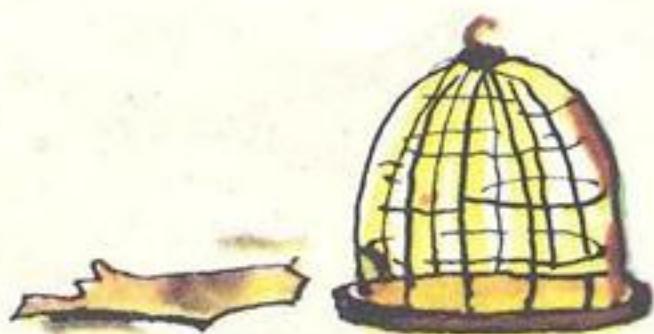
Рисунки Я. МИРОШНИЧЕНКО

Про книжку

Была у мальчишки книжка.
И книжку порвал мальчишка.
Нарочно?
Возможно.
А может, случайно.
Однако все это печально.

И чтоб не ругали мальчишку,
Мальчишка запрятал книжку
В сарай, где хранится
Топор, черепица,
Ошейник и клетка без птицы.

— Отец, обнаружив книжку,
Позвал со двора мальчишку:
— Что порван задачник —
Обидно, мой мальчик,
Но хуже, что ты и обманщик!

Барабан

Попросил отца Равшан:
— Подари мне барабан.

Но отец ответил:— Нет,
Подарю велосипед.

И, вздохнув, сказал Равшан:
— Мне нужнее барабан.

— Ну, а мне, сынок, нужна
Для работы тишина.

— Ничего,— сказал Равшан,—
Все же купим барабан.

Я мешать тебе не буду.
Буду с мамой мыть посуду.

Подмету метлою двор.
Уложу в постель сестер.

А когда, закончив дело,
Сам ты ляжешь на диван,
Вскину палочку я смело
И ударю в барабан!

Волшебник

А у дедушки такая борода —
Серебрится, как на солнышке вода!
Может, дедушке известно волшебство —
Оттого она такая у него?

И ответил дед:
— Волшебник — это ты.
Знают в городе все люди, вся родня —
Ты, мой внучек, сделал дедушкой меня,
А какой бы дед я был без бороды?..

Нашалил однажды маленький Максуд.
Привели Максуда к дедушке на суд.
И сказал он деду, пальцем погрозя:
— Никому ругать волшебников нельзя!

Перевел с узбекского
Ю. Кушак.

Запас прочности

...Как-то осенью, проходя по опустевшему парку, я наткнулся на сторожа, подбравшего с земли какой-то мусор. Приглядевшись, я понял, что это вовсе не мусор, а исковерканные, изломанные рейки от витрин, доски от стола для пинг-понга, планки от садовых скамеек, то, что было когда-то имуществом парка.

— Это чьих рук дело? — спросил я.

— Известно чьих, ребят. Неумные люди, — с грустью ответил старик. Его, видно, угнетало это бессмысленное уничтожение полезных вещей. — Скамейки убрать придется, а то вовсе поломают... А ведь сколько денег стоит...

В технике есть такое общепринятое выражение — «запас прочности». Оно означает, что аппарат, прибор, машина должны быть так хорошо и умно сконструированы, чтобы выдержать нагрузку даже большую, чем та, на которую они рассчитаны. Я хочу здесь говорить о том «запасе прочности», который каждому человеку необходимо давать воспитанием. Как ни жаль деревьев и скамеек, гораздо более жалко ребенка, который, не задумываясь, портит их: он плохо защищен от того дурного, что может встретиться ему в жизни. Не защищен от самого себя, если возникают у него дурные побуждения.

Как же создать у ребенка внутреннюю защиту, «запас прочности»?

Мы, педагоги и родители, обычно злоупотребляем назиданиями: делай так, веди себя так, будь вежлив, будь честен... Между тем дети, напичканные нашими поучениями, нередко ведут себя в полном противоречии с установленными моральными нормами. Почему? Не поняли нас, что ли?

Плохо мы им объясняли, как надо поступать? Нет, не в том беда...

Мне рассказывали, что в одной школе лучшее сочинение на тему «Как должен вести себя ученик» написал самый большой дезорганизатор класса. И еще возмущался, почему ему не поставили пятерку: «Ведь я все правильно написал, как надо». Значит, «как надо» он знал отлично, а вот поступал совсем иначе... Откуда же такая двойственность, гораздо более опасная, чем незнание?

Я был свидетелем разговора завхоза школы с ребятами. Он поучал их: «Имущество — это общественное достояние. Береги его, ты его хозяин и за него отвечаешь. Столы, стулья — все на тебе, на твоей ответственности». Закончив свою речь, завхоз вынул изо рта папиросу и погасил ее о ножку стола...

Расхождение слов с делом — вот что вреднее всего в воспитании. Никакие слова ничему не научат ребенка (вернее, научат лжи и двуличию), если не подкреплены они личным примером воспитателя. Если ребенок видит, что отец, или мать, или учитель говорят одно, а делают другое.

Отец отправился с сыном за землей для цветов. Нет, не в зеленхоз, а в сквер, куда только что привезли землю для посадки деревьев. Ходили туда все соседи, но разве это оправдание, хотя бы в глазах маленького сына? И он спросил:

— Папа! А можно брать? Ведь это для деревьев привезли.

— Ничего, мы немножко.

— А что — из общего можно понемножку брать?

Отцу было чуточку неловко, и он что-то пробормотал в ответ. Но какой опыт по-

мог он приобрести сыну? И когда отец вскоре принес «немножко» цемента с соседней стройки («на всякий случай — пригодится»), сын ни о чем уже не спрашивал. Глядел на отца, как сообщник...

Нам, взрослым, подчас кажется, что жизненный опыт дает нам право снисходительно относиться к собственным поступкам: что за беда, если совершишь маленькую «погрешность»? От большой ошибки опыт уберезит. Тот, кто унес кирпич со стройки, еще не вор. Кто за спиной обругал знакомого, а при встрече обнял его, как друга, еще не лицемер... Такова, мол, жизнь! Приходится идти на компромиссы. Не буду говорить о том, как ошибочно такое представление, как обедняет и уродует оно наш нравственный облик: речь сейчас не о нас — о детях. О тех, кто во все глаза следит за каждым нашим шагом... Тут уж никак не скажешь, что жизненный опыт поможет им определить ту грань, за которой кончается допустимое. Опыта еще нет! Он создается, он накапливается вот на этих самых «мелочах». И в него, в жизненный опыт ребенка, закладываются наши с вами поступки.

Вся жизнь ребенка есть школа опыта. Какова жизнь, каков опыт, таково и воспитание наших детей. Антон Семенович Макаренко говорил, что между знанием и поведением есть канавка, которую надо заполнить опытом. Чем будет заполнена эта «канавка» — таким опытом, который даст ребенку нравственную опору, «запас прочности», или порочным, толкающим на дурное, — зависит от нас с вами.

М. СМЕРНОВ,
доцент Кировского пединститута

Письмо не опубликовано, но...

«Живу я в Ленинграде. Работаю нормировщиком на лесозаводе. У меня двое детей и был муж. Был, пока не начал пить. С пьянством в семью пришли скандалы, муж пытался даже поднять на меня руку, но уж этого-то я ему не позволила. Понял он, что дебоширить нельзя. Но пить не перестал: не хватило силы воли. Я развелась с ним, потому что его поведение отражалось и на моем здоровье и на характере детей, на их отношении к жизни... Но беда в том, что мы вынуждены терпеть пьяницу в доме: живем в смежных комнатах коммунальной квартиры» — так писала в редакцию «Работницы» Василиса Павловна Гусева.

Редакция обратилась в исполком Ленинградского городского Совета депутатов трудящихся с просьбой принять участие в судьбе этой семьи...

Помощник заместителя председателя Ленгорисполкома тов. Волгин сообщил:

на лесопильно-деревообрабатывающем заводе, где работает А. А. Гусев, состоялась выездная сессия народного суда Невского района.

Соседи, представители общественности, заводского комитета — все подтвердили, что ни многочисленные предупреждения, ни штрафы (их было около 30), ни товарищеские суды (их было шесть), ни беседы в завкоме не повлияли на Гусева. Он продолжал пить.

Показания свидетелей дорисовали картину падения Гусева: как пропивал он человеческое достоинство, как терял уважение близких, товарищей по работе, собственных детей.

Выездная сессия под председательством народного судьи Л. Н. Холмквист постановила: за недостойное поведение в семье и быту злостного пьяницу, нарушителя трудовой дисциплины Гусева А. А. выселить из квартиры без предоставления ему жилплощади.

Решение суда выполнено. Семья Гусе-

вых живет спокойно. Хочется верить, что время залечит раны матери и детей. А человек, который причинил им столько горя, лишил себя самого дорогого в жизни, сам вынес себе приговор.

Л. Броховецкая

Тов. Иванюченко с Комаровской прядильной фабрики Харьковской области сообщила в редакцию о беспорядках на фабрике: о сверхурочной работе по выходным дням, о том, что начальник цеха тов. Кульбачный неправильно оформляет наряды.

Как сообщила редакция зав. отделом легкой и пищевой промышленности Харьковского обкома КП Украины тов. Тычинина, факты эти подтвердились. Начальник цеха получил административное взыскание, ему снизили премию на 25 процентов.

Почему климат становится мягче?

Существуют циклические изменения климата Земли, причина которых еще не совсем ясна. В настоящее время мы живем в сравнительно «теплой» части цикла. Утепляет планету и человеческая деятельность. Процент углекислого газа в атмосфере с каждым годом увеличивается из-за работы фабрик и заводов, сжигающих огромное количество топлива. А «одежда» из углекислого газа задерживает уходящее в космос земное тепло. Ученые подсчитали, что за полвека средняя годовая температура может по этой причине повышаться на четыре градуса.

Создана ли искусственная кровь?

Пока еще нет. Медицина по-прежнему нуждается в помощи доноров. Однако жидкую часть крови — плазму удалось заменить полимером, получаемым из нефти или из каменного угля. Это вещество, поливинилпирролидон, представляет из себя белый порошок. Раствор его можно вводить людям с любой группой крови.

Как правило, при больших потерях крови человек умирает из-за падения кровяного давления. И чтобы спасти его, достаточно перелить не кровь, а плазму. Вот тут-то и приходит на помощь врачам чудесный полимер.

Кто выносливее?

Кто выносливее: самцы или самки животных? Выносливее самки. Это объясняется дли-

тельной борьбой за существование, которую из поколения в поколение приходится вести животным. Виды с более выносливыми самцами оказались менее жизнеспособными. Дело в том, что численность потомства, или, как говорят ученые, популяции, определяется в основном не количеством самцов, а числом самок. А чем больше потомство, тем легче уцелеть виду. Поэтому веками выработывалась у самок большая жизнеспособность, а все неприятности, переживаемые животными, в первую очередь отражались на самцах. В страшную стужу или засуху от недостатка пищи падеж начинается с самцов.

Вид борется за свое существование двумя способами: увеличением своей численности и лучшим приспособлением к изменившимся условиям. Если неприятности носят временный, случайный характер, то количественный способ может спасти вид от вымирания. Но если условия изменяются надолго, то спасение только в качественном способе: у животных должны резко усиливаться какие-то свойства или даже появиться совершенно новые. И чем скорее это произойдет, чем гибче окажется вид, тем больше у него шансов уцелеть. Каким же способом решается в природе эта задача?

Первыми погибают те самцы, которые плохо переносят новые условия существования, а остаются более приспособленные. Они-то и дадут жизнь следующему поколению животных. Естественно, что дети унаследуют от них качества, нужные виду. В следующем поколении будет действовать тот же механизм и полезное качество еще больше усилится. Таким образом, частичная гибель менее приспособленных самцов позволяет виду быстро меняться в нужном направлении. А для того чтобы убыль самцов не стала чрезмерно опасной, предусмотрительная природа повышает процент рождаемости самцов при наступлении неблагоприятных для вида условий. После голодовок, после сильных морозов самцы, как правило, появляются на свет чаще.

ЗВОНОК!

Нужен ли детям в школе горячий завтрак? Поверьте, это не пустой вопрос. Есть еще люди, которые утверждают, что завтракать ребенку в школе вовсе не обязательно: «Не беда — лучше поест дома».

Врачи, однако, придерживаются другого мнения. Как бы плотно ребенок ни поел перед школой, часа через два-три, в середине дня ему необходимо подкрепиться еще раз. Более длительные перерывы в еде отражаются на нервной системе, ослабляют детский организм. Особенно вредно это для учеников младших классов. Горячий завтрак — и не просто пирожок или бублик, проглоченный на ходу, а именно горячий — необходим для здоровья детей. А все ли ребята завтракают в школе как следует?

Этими вопросами интересовалась наша рейдовая бригада в городе Ярцево.

* * *

...Ярцево — небольшой текстильный город в Смоленской области. Десять школ — шесть средних, три восьмилетних, начальная. Шесть тысяч школьников. Только четверть из них завтракает в школе. И это в городе, где чуть ли не каждая мама — текстильщица, работает по сменам и не всегда ждет ребенка дома с горячим обедом.

В чем же дело? Может быть, кормят в школах невкусно, однообразно?

Мы побывали не только в школах, но и там, где готовится еда для ребят, — в трех столовых и ресторане. Несмотря на некоторые трудности в снабжении (мало колбасных изделий, совсем нет сосисок — а их любят ребята), готовят для школ сравнительно неплохо. Ни одна столовая не повторяет на неделю меню школьных завтраков: творог, котлеты (или колбаса, рыба) с гарниром, каша, винегрет; на второе — чай или молоко, компот, кисель, кофе, какао — так, чтобы уложиться в 15 копеек. Школьники и учителя на питание не жалуются. Комиссии народного контроля и санитарные врачи тоже дают хорошую оценку качеству блюд.

Выходит, причина непопулярности школьных завтраков не в их качестве.

Но, возможно, родители не дают детям денег? Нет. Денег для детей никто не жалеет. Но часто расходуются они детьми на сладости.

Так в чем же дело?

— Все из-за помещения, — сказали нам в городском отделе народного образования. — Школы у нас не новые, в буфетах очень тесно, не повернуться.

Тесно... Да, это правда. И не будем приуменьшать трудности, которые испытывает, скажем, средняя школа № 2, где в буфете — всего пять небольших столиков. Мы видели, как завтракал 4-й класс «А». Ребята с аппетитом съели рыбу с картофельным пюре, выпили чай с пончиком. Ели они стоя — и благодаря такой «экономии» за столиком разместились 12 человек.

Однако с теснотой можно воевать по-разному — если, конечно, воевать. В средней школе № 6, например, поставили несколько дополнительных столов в коридоре. В восьмилетке № 1 отвели им место на втором этаже (буфет — на первом), хоть и понимали, что нелегкое это дело сновать вверх и вниз по лестнице, столы накрывать.

Самый просторный буфет — в средней школе № 3. Но и здесь могут разместить не более 300 из 1 318 учеников.

Во всю длину зала тянутся три ряда сдвинутых столов. Так же плотно стоят за ними дети. Раздвинуть бы эти громоздкие застолья! Меньше уставится столов? Зато за каждым поест вдвое больше ребят. Почему-то не подумали об этом в школе. Жалобы на тесноту, пусть они и справедливы, не могут все же служить оправданием бездельности.

Мы убедились в этом, побывав в восьмилетней школе поселка Пологи, что на окраине Ярцева. Там нет буфета — ни стойки, ни комнаты. А горячие завтраки есть. Директор И. В. Андреев договорился с вокзальным рестораном, и теперь каждый день в строго определенное время (большую перемену продлили до 30 минут!) в школу привозят горячую еду. В раздаточную на эти полчаса превращается школьная библиотека. Ребята сами берут заказанные накану-

не завтраки, уносят в класс. А посуду собирают и моют дежурные школьники. За младших это делают мамы.

Конечно, буфет в библиотеке — не лучшее решение вопроса. И все же учителя сумели выйти из трудного положения, потому что организовали и детский актив и родительский комитет. В других же школах города ни дети, ни родительская общественность не привлечены к организации завтраков.

Об одной из ярцевских школ — на окраине, в поселке Пронькино — нам хочется сказать особо. Там дети вообще не получают завтраков. Директор Г. Г. Черняк долго объяснял, что года два назад тут был буфет, но торговал одними сладостями, договориться же с горторгом о доставке в школу горячих завтраков не удается. Директор горторга М. С. Шпак в ответ на наш вопрос, почему школа не снабжается продуктами, заявил:

— Нет транспорта. Дорога в Пронькино, сами знаете, какая: весной грязная, зимой снежная...

Ответ, прямо скажем, неубедительный.

Рядом со школой есть буфет — пристанище для любителей выпить. И работает он регулярно — значит, и снабжается регулярно. Это по «непроезжей»-то дороге?

До последнего времени в пронькинской школе не было даже горячего чая. Приобрели шесть чайников и стали разносить по классам чай только после посещения школы рейдовой бригадой.

Но вернемся к тем ярцевским школам, где есть и буфеты (кстати, оборудованные вполне современно — с холодильником, с подогревом), и горячие завтраки. Почему же все-таки здесь не прилагают должных усилий, чтобы все дети их получали? Да потому, думается нам, что ни педагогов, ни врачей, ни родительские комитеты всерьез не волнует, что и как едят школьники.

— Сами что-нибудь выберут. В буфете всегда толпа, — беспечно отвечали нам.

Да, это так. На переменах бойко раскупаются всевозможные сладости, булочки, пирожки. Особенно пирожки — они превратились здесь в основной вид «завтрака».

А если малышу хочется истратить деньги на конфеты или приберечь на кино? Ну, что ж, и в этом случае никто ему слова не скажет.

Правда, за время рейда по ярцевским школам нам встретился один равнодушный к таким вещам человек — буфетчица средней школы № 5 Надежда Константиновна Копылова, «тетя Надя».

— Что-то я твоего Васю давно в буфете не вижу? — остановит она Васину маму. — Или денег жалеешь?

Выясняется, что сын припрятал деньги на другое.

Могут от нее и такое услышать:

— Зря дочку балуете, деньгами сорить приучаете: на каждой перемене в буфет бегают.

Тетя Надя — добрый и душевный человек. Таким должен быть каждый работник буфета в школе.

Но решать проблему школьного завтрака все же не им, а всему коллективу педагогов, врачей, родительской общественности. И решать, отказавшись от равнодушной установки «на желающих». В младших классах все должны получать в школе горячий завтрак — все, а не «желающие».

Именно так поставлено дело в тысячах школ страны. Учитель при помощи родительского актива и учащихся собирает в конце недели деньги со всех ребят, передает их буфетчице. В старших классах это делает кто-то из ребят. Для старшеклассников очень пригодились бы и столы саморасчета — своеобразные «филиалы» школьного буфета. Дети сами берут со столов заранее приготовленные для них буфетчицей горячий чай, молоко, кофе, соки, бутерброды, булочки, фрукты. Сами рассчитываются, кладя деньги в тарелочку. И за порядком следят сами. Доверие взрослых воспитывает у детей чувство ответственности, самостоятельности.

Ни в одной из ярцевских школ не почувствовала наша рейдовая бригада присутствия медиков, хотя школы к началу учебного года были полностью укомплектованы медицинскими кадрами. Врачи не принимают участия в составлении меню. Не следят за соблюдением санитарных норм при доставке пищи. Правилами гигиены пренебрегают в большинстве школ. Едва прозвонит звонок, ребята стремглав бросаются в буфет. И никто не напомнит им об элементарном — вымыть

В буфете школы № 17 г. Мытищи Московской области.

Фото А. ТЕРЗИЕВА.

руки перед едой. Да и как их вымоешь, например, в средней школе № 2, где в туалете для мальчиков уже полтора месяца, как разбили раковину. И в туалете для девочек бездействовал кран. Между прочим, когда мы рассказали об этом шефам школы — рабочим Литейно-механического завода, все было тут же исправлено. Шефы даже обиделись, что к ним не обратились раньше.

Не следят врачи и за тем, когда именно завтракают дети. В большинстве школ (вина все та же теснота) одних ребятишек ведут завтракать на первой перемене, когда еще есть неохота, другим достается последняя — значит, придут домой и откажутся от обеда...

Во всех школах страны (и ярцевские, разумеется, не исключение) ослабленным ребятам бесплатно выдается молоко — на это государство специально выделяет средства, но... На одной из переменок в средней школе № 3 мы подсчитали: из 40 стаканов молока 11 остались нетронутыми. «Не беда, кто-нибудь выпьет!» — отвечали учителя. Почему «кто-нибудь», а не тот, кому это особенно необходимо?

В поселке же Пронькино в этом учебном году школьники молоко не получают вовсе, хотя молочных продуктов в городе достаточно.

На совещании в горкоме партии, где обсуждались итоги рейда, было сказано много резких слов в адрес горно, санэпидстанции, горторга, руководителей школ. Ярцево имеет возможность сытно и разнообразно кормить всех ребят во всех школах. Если это не сделано, то исключительно из-за плохой организации, бесхозяйственности и непростительной беспечности.

Присутствовавшие на совещании заместитель председателя облисполкома Г. П. Шамили и заведующий городским отделом народного образования И. П. Харланчук согласились с выводами рейдовой бригады и обещали в ближайшее же время сделать все необходимое, чтобы каждый школьник в Ярцеве получал горячий завтрак.

Члены рейдовой бригады: М. И. РОМАНОВА, председатель совета содействия семье и школе при горисполкоме; М. Ф. ИСАЕВ, секретарь парткома Литейно-механического завода, депутат горсовета; Г. В. ПРОКОПЕНКОВА, зав. детским сектором Дворца культуры хлопчатобумажного комбината; Е. С. КАРТУЗОВА, помощник врача санэпидстанции; К. И. СЫРЦОВА, корреспондент «Работницы»

Грацияшная теща

Юмористический рассказ

В. АРДОВ

Рисунок А. ЦВЕТКОВА.

Меня многие называют «подбашмачником». Ну и что? Характер у меня действительно мягкий в отличие от Люлечкиного. Люлечка — моя жена. Очень решительная особа. Правда, девяносто процентов ее решительности идет от мамочки, Надежды Теодоровны, моей, стало быть, тещи... Ох-ох-ох... Они почему-то любят меня называть «наш лопух», ну и еще «губошлеп», «раззява», даже «бестолочь»... Я же стараюсь для них все как лучше делать... Ну, да ладно... Чем жаловаться вообще, я вам лучше расскажу об одном выдающемся случае, происшедшем с моею же собственной тещей.

Надо сказать, что Люлечка моя была, когда я женился на ней, хорошенькая. Она и сейчас, если приоденется, намажется там, надушится, то еще ого-го-го!.. Даже на улицах многие смотрят в ее сторону... И теща в свое время, конечно, обладала красотой. Ну не какал-нибудь там кинозвезда, но все-таки... У нас, между прочим, висит на стенке фотография: Надежда Теодоровна в костюме молодой итальянки. На голове косынка, на шее ожерелье из здоровенных бус: каждая бусина диаметром сантиметров в восемь. А в руках тамбуринов, весь обвешанный этими, как их там, бубенчиками... Одной рукой она держит над собою тамбуринов, а другой этак горделиво подбоченилась — ни дать ни взять Кармен, хотя Кармен и испанка...

Карточка эта, как вы и сами, наверное, догадались, относится что-то к началу тридцатых годов. Но и Люлечка и сама Надежда Теодоровна, я бы сказал, благоговейно относятся к данному фото. Любят показывать его гостям, всегда подчеркивая, что вот, мол, видите, какой бесподобной грацией отличалась в молодости Надежда Теодоровна. Надо сказать, что и у самой тещи любимое слово как раз именно «грация». Она, про что бы ни говорили, обязательно вернет свое «грациозно» или «не грациозно, могло бы быть грациознее», «без грации я не могла бы вообще жить» и так далее и тому подобное...

Но ближе к делу. Сидели это мы однажды у телевизора, смотрели состязания по этой... ну, по художественной гимнастике. И вы видели, наверное: девушки молоденькие ползают по брускам, прыгают, кувырнутся, лентами машут, как пастух кнутом. Посмот-

рели вроде бы, и ладно. Так нет! Теща моя буквально с ума сошла на почве этой гимнастики. И тут же заявляет нам, то есть мне и моей Люле: «Желаю выступить в гимнастическом коллективе; грации во мне хоть отбавляй, фигура за последние тридцать пять лет — это она ведет отсчет от той самой фотографии с тамбурином — еще не испортилась окончательно. Вот я и прошу вас меня пристроить в творческий коллектив по данной части!» Соображаете? Практически это я должен найти какой-то там коллектив, куда тещу запишут наряду с молодыми гимнастками, чтобы она тоже ползала по бревну...

Я не удержался и неосторожно сказал, что Надежда Теодоровна может принять участие в гимнастике только в качестве бревна. Теща зарыдала, Люлечка мне тут же устроила головомойку, а у нее это выходит блестяще. Во-первых, опыт большой: как-никак двенадцать лет она мне «моет голову» по разным поводам; и потом темперамент — будьте любезны! Короче говоря, на другой день я уже бегал по городу, искал подходящих коллектив для своей грациозной тещи... А как его найдешь?! Это ж не химическая чистка, которая свою рекламу всюду сует. И потом: где они прыгают, эти девчонки? В клубах? В Домах культуры? И в каких именно? Да-а-а, хлебнул я с этим делом горя. Мечусь по городу, расспрашиваю, выясняю, навожу справки... Один раз, правда, я нашел клуб, где была эта самая гимнастика. Но там, узнав, о ком я хлопочу, мало того, что рассмеялись мне прямо в лицо, еще и народ собрали и заставили три раза повторить, чего мне от них надо. А сами, как я потом догадался, записывали за мною все, что я говорил, на магнитофон и смеялись, смеялись...

Ну, да ладно. Все же в конце концов я узнал, что в одном из клубов города организуется центр по занятиям художественной гимнастикой. Я туда. Спрашиваю: «Где ваш художественный руководитель?» Мне показывают на дверь: дескать, он сейчас там на совещании аккуррат по этому вопросу. Я сижу в коридоре три часа и слушаю из-за двери прения насчет средств на гимнастику, инвентаря и так далее. Кончилось совещание, выходит лысый человек в гимнастическом костюме, вернее, тренировочном. Я к нему. Он меня выслушал... А я,

наученный опытом, говорю теперь уж осторожно. Дескать, хотел бы пристроить к вам в кружок одну мою родственницу. Улавливаете? Родственницу, не тещу...

Но он все равно спрашивает: «Сколько ей лет?» Я уклончиво отвечаю: «При чем здесь года? Вы на нее посмотрите, тогда и решите, подходит она для гимнастики или нет...» «Ладно, — говорит, — приводите завтра к одиннадцати утра». А у меня расчет какой? Если он при мне над тещей надсмеется, значит, все в порядке: мне больше не надо будет бегать, искать кружок.

Ладно. Иду это я домой и объявляю им обоим, то есть теще и Люлечке, что, мол, завтра в одиннадцать все решится. А самому не столько страшновато, сколько совестно: ну, как я представлю этому худруку нашу Надежду Теодоровну, когда с виду она, простите за откровенность, чистая бочка. Талия — 177 сантиметров, при росте в 157, размер верхнего платья — 68, первый рост... Очень подходящая получается особа для шмыгания на брусках?..

Но дело, как говорится, сделано. В половине одиннадцатого я беру тещу за ручку и веду в этот самый клуб.

Худрук, конечно, опять на заседании. Мы ждем его около сорока минут. Затем он все-таки выходит. Я знакомлю его с тещей и немедленно зажимаюсь, потому как в данный момент боюсь уже обоих. Худрук меня вполне свободно может ударить за такой розыгрыш, это ж не шуточки: 68-й размер, первый рост. А теща обидится не поправимо, и если он не то что зарычит, а хотя бы только захихикает, мне несдобровать...

Стою это я зажмуренный минуту, две, три. А при закрытых глазах, надо вам сказать, время тянется изнурительно долго. И тут я вдруг отчетливо слышу голос этого самого худрука:

— Ну, что ж, товарищ... ваше имя-отчество разрешите узнать? Так вот, Надежда Теодоровна, мы вас охотно возьмем в творческий монолитный коллектив... И вы, безусловно, со временем будете выступать на сцене...

Я открываю глаза и смотрю на обоих поочередно, а в голове проносится: «Может, это сон?» Но нет, худрук достойно и любезно говорит теще:

— Но пока мы попросим вас принять на себя не менее важные обязанности. А именно: стать кладовщицей.

— Чем, чем? — недоумевает теща.
— Кладовщицей. Материально ответственным лицом. Поскольку у нас некому хранить и ленты, и бруска, и костюмы, и мячи, и весь наш высокохудожественный инвентарь, мы пойдем на то, чтобы вам, как почетному члену коллектива, доверить все это богатство. Вы согласны?

Надо сказать, я в жизни не видел человека, который был бы настолько падоком на комплименты, как моя теща. Смотрю: она уже улыбается счастливой улыбкой и поглядывает на меня с презрением: дескать, ты думал, что я ничтожество и ничего больше, а мне сразу доверяют самую ответственную часть этой ихней гимнастики.

Уговорились они, что теща завтра придет принимать художественные ценности коллектива, и мы двинулись домой. Надежда Теодоровна голову держала так высоко, как едва ли удавалось бывшим императрицам при въезде в столицу своей державы. Дома она молча и торжественно прошествовала в свою комнату, предоставив мне рассказывать Люлечке обо всем, что с ней произошло.

И я не без удовольствия рассказывал, а теща, время от времени выглядывая из своей комнаты, вносила поправки: «Он сказал не «Надежда Теодоровна», а «уважаемая Надежда Теодоровна». И не велел приходить завтра, а попросил: «Будьте любезны навестить нас завтра». А что он мне руку поцеловал, вы нарочно пропустили!»

Между прочим, этого-то как раз не было: поцелуя этого самого. Но я подтвердил: был и поцелуй! Ладно уж!

Утром пошла она туда, в клуб. Приняла инвентарь. И вскоре сделалась ценнейшим работником! Я не шучу. Вот уже третий год трудится. Одни благодарности да премии. Она там, говорят, все шлопаёт и чинит, даже красит по собственной инициативе...

Вы спросите: а как насчет грациозных прыжков и лентометания? Как руной сняло.

— Что я, девчонка какая-нибудь, чтобы босиком носиться при публике? — безапелляционно заявляет теперь Надежда Теодоровна. — Я ж являюсь ответственной работницей... Да, да, отвечаю за материальные ценности порядка двадцати — тридцати тысяч. Так неужели же я стану лазить под этими брусками?.. Просто смешно!

И кто бы мог подумать, что дело обернется так счастливо?! В доме у нас теперь тишь да гладь. Слова бранного не услышишь. Лично я очень доволен. И Люля тоже. А про тещу и говорить нечего!

Наверное, нет человека, который хоть раз в жизни не сварил суп. А многим приходится делать это чуть ли не ежедневно. Но у одних получается очень вкусно — пальчики оближешь, а у других и продукты не хуже и старания не меньше, а есть нельзя... Оказывается, и в искусстве приготовления самых нехитрых супов есть свои секреты.

Некоторыми из них поделился с нашими читательницами инженер-технолог питания И. ФЕЛЬДМАН.

● Собираясь варить бульон, накройте кастрюлю крышкой и доведите воду до кипения как можно скорее, а затем убавьте огонь и снимите с кастрюли крышку.

● Если нужно использовать бульон для соуса или заливного, не солите его. А вообще солить мясной бульон полагается за полчаса до окончания варки, рыбный — в начале варки, грибной — в конце варки.

● Пена бульона опустилась на дно. Влейте в кастрюлю немного холодной воды — пена поднимется на поверхность, и ее можно будет снять.

● Если хотите, чтобы бульон дольше оставался прозрачным, подогревайте его в открытой посуде на слабом огне и, как только закипит, снимайте.

● Говяжьи кости, которые вы кладете в суп, разрубите, тогда из них при варке лучше извлекаются питательные вещества. А телячьи и свиные кости рекомендуются слегка поджаривать в духовке. Кстати, куриный бульон особенно вкусен, если положить в него одну-две обжаренные косточки.

● Немножечко труда — и бульон приобретет аромат и приятный золотистый оттенок. Для этого морковь, петрушку, сельдерей, лук не бросайте в кастрюлю целиком, как делают многие, а сначала разрежьте пополам и поджарьте с одной стороны без масла. Попробуйте добавить в бульон еще отвар луковой шелухи (поварите шелуху 1—2 луковиц минут 15—20 в небольшом количестве воды и процедите), и вы увидите, каким он станет красивым, аппетитным.

● Мутный, неаппетитный бульон можно осветлить мясной оттяжкой, но это довольно трудоемкая процедура. Пропустите через мясорубку кусочек сырого мяса, залейте холодной водой и поставьте в холодное место. Через 1—2 часа добавьте слегка взбитый яичный белок, соль и хорошо перемешайте (на

1 литр бульона нужно взять примерно 70—80 г мяса и чайную ложку яичного белка). Положите в бульон, размешайте, накройте крышкой, доведите бульон до кипения, удалите пену, жир и продолжайте варить на слабом огне. Через час-полтора снимите бульон с огня, дайте ему отстояться, а затем, сняв с поверхности жир, процедите.

● Жир, снятый с бульона, ароматен и нежен на вкус. Выпарите из него влагу, процедите и используйте для готовки. Особенно хорошо тушить на этом жире овощи.

● Если вы варите картофельный суп с овощами, содержащими кислоту (соленые огурцы, щавель), то кладите овощи в самом конце варки, иначе картофель останется жестким.

● Перед тем, как вылить в суп сырое яйцо, смешайте его с небольшим количеством охлажденного бульона.

● Суп-пюре получился жидким. Заправьте его мякишем белого черствого хлеба, размоченным в бульоне и протертым через сито.

● Чтобы суп с домашней лапшой не получился мутным, опустите лапшу на минуту в горячую воду и откиньте на сито, а затем уже положите в бульон и варите до готовности. Такой же совет можно дать и относительно рисового супа: промытый рис положите на 3—5 минут в кипящую воду, откиньте на сито, а затем засыпайте в бульон.

● Суп с перловой крупой не приобретает неприятного синеватого оттенка, если крупу отварить отдельно почти до готовности, а затем положить в суп.

● Овощной суп станет намного вкуснее и питательнее, если добавить в него молоко, сливки или простоквашу, не говоря уж о сметане.

● Лапша, макароны, рис плохо развариваются в молоке. Собираясь готовить молочный суп, поварите их 3—6 минут в воде. Чтобы молоко не пригорело, варите суп в кастрюле с толстым дном и на слабом огне.

● С борщами и щами из свежей капусты очень хороши ватрушки или пирожки с творогом. Щи из квашеной капусты вкусны с кулебякой, гречневой рассыпчатой кашей.

Рисунки В. КАЩЕНКО

● Не пренебрегайте правилом, которое знают все опытные повара, — размешивать суп только медленными круговыми движениями. Этим вы достигаете правильной густоты супа и не нарушаете целостности овощей.

● Никогда не оставляйте в готовом супе лавровый лист. Толченый чеснок добавляйте в самом конце варки.

● Перед тем, как снять суп (любой!) с огня, влейте в него немного свежего сока моркови, помидоров, капусты. Вкусно и полезно.

● Овощные супы, в которых нет картофеля и крупы, рекомендуются заправить слегка поджаренной мукой — они будут более густые и вкусные.

Суп за 15 минут

ЧЕСНОЧНЫЙ

Отварите в подсоленной воде картофель, разомните его, добавьте растертый с солью чеснок и все вместе варите несколько минут. Затем добавьте размешанный в молоке желток, растопленное свиное сало (или сливочное масло) и зелень укропа, петрушки. Суп готов. К нему хорошо подать гренки из ржаного хлеба.

На 2,5 л воды: 8 картофелин (800 г), 50 г сала, неполный стакан молока, 1 желток, маленькая головка чеснока, соль, зелень.

КРЕСТЬЯНСКИЙ

Нарежьте небольшими кусочками капусту, картофель, морковь, петрушку, лук, отварите в кипящей воде или бульоне (15—20 минут), причем сначала кладите в кипяток капусту, затем картофель и в самом конце предварительно обжаренные на свином сале или масле морковь, петрушку, лук. За 5 минут до конца варки положите в суп свежие помидоры (если они есть) или томат-пюре. Подавайте на стол со сметаной и зеленью.

На 3,5 л воды или бульона: небольшой кочан (800 г) капусты, 1 кг картофеля, морковь, 200 г лука, 50 г петрушки, 200 г помидоров.

ЛИТОВСКИЙ

Взбейте венчиком охлажденный кефир и добавьте в него холодную кипяченую воду. Нарежьте тонкой соломкой свеклу, ломтиками огурцы, мелкими дольками лук. Разотрите с солью лук и мелко нарезанный укроп. Залейте овощи кефиром с водой — суп почти готов. «Почти» — потому что к нему вместо хлеба подается горячая отварная картошка, посыпанная укропом, а в каждую тарелку кладется еще долька вареного яйца.

На 2 бутылки кефира: 750 г воды, 250 г свеклы, 200 г огурцов, маленькая луковица, 2 яйца, укроп, соль.

ТРИЖДЫ МАРИНА

«Марина» — написано на изящном флаконе духов. «Марина» — называется магазин женской одежды, где эти духи продаются. И автор их — тоже Марина. Марина Сулейманова, молодая парфюмер московской фабрики «Рассвет». Марина пришла на фабрику сразу после школы. Пять лет работала на конвейере фасовщицей-этикетчицей. Затем, окончив заочно техникум, перешла в аналитическую лабораторию. Совсем недавно молодого, способного химика направили в «лабораторию ароматов», в помощь старшему парфюмеру фабрики Екатерине Ва-

силевне Сильверстовой. В немногочисленной семье парфюмеров — знатоков профессии редкой и трудной — прибавился еще один специалист. — Всем, что я знаю, что умею, обязана Екатерине Васильевне, — говорит Марина. — Она научила меня поэзии запахов, научила запоминать их, сочетать, анализировать, а главное — любить... Когда на фабрику поступил заказ от магазина «Марина» — выпустить фирменные духи, и было решено поручить эту работу Сулеймановой, она даже растерялась. Ее первые духи, «Венера», в которые было вложено столько тру-

да (81 вариант композиции!), «провалились», не получили утверждения дегустационного совета... Справится ли она теперь? Несколько месяцев Марина увлеченно работала, создавала все новые и новые варианты. Искала, бросала, опять начинала. — Даже ночью видела ароматные сны, — признается она. И наконец удача. Найден аромат сильный и свежий, как весеннее утро. Чуть-чуть экзотический, но вместе с тем тонкий и благородный. Духи «Марина» появились на свет совсем недавно — наверное, не все

читательницы слышали про них, — но уже стали лауреатом Всесоюзной выставки технического творчества молодежи, посвященной 50-летию ВЛКСМ, и получили высокую оценку на проходившем в Тбилиси IV Международном конгрессе по эфирным маслам. Если вы купите (или вам подарят) эти духи, вспомните, что сделала их для вас молодая женщина с тем же милым русским именем, что носят и фирма и сама новинка... Случайное совпадение? Да. Но какое хорошее совпадение!

Т. ЮРКОВА

Не в возрасте

дело

Врачам часто задают вопрос: верно ли, что атеросклероз — обязательный спутник старости? Или можно как-то преградить ему дорогу, сказать тяжелой болезни «нет»?

Не только можно, но и нужно. Ученые убедились, что даже у очень старых людей нередко отсутствуют признаки склероза: у них хорошая память, ясный, живой ум, высокая работоспособность. И, наоборот, при определенных неблагоприятных условиях склеротические изменения сосудов могут развиваться и в молодом возрасте. Значит, дело не в возрасте или — скажем осторожнее — не только в возрасте.

Сущность атеросклероза заключается в том, что в стенках сосудов накапливается большое количество холестерина — жироподобного вещества, которое равномерно пропитывает сосуды или образует так называемые склеротические бляшки. Сосудистые стенки уплотняются, теряют эластичность. Они уже не могут быстро сокращаться и расслабляться в соответствии с требованиями сердца, мозга, мышц. При увеличении физической или умственной нагрузки такие сосуды не в состоянии обеспечить работающий орган нужным количеством крови. Возникает кислородное голодание сердца или мозга — отсюда приступы сильной боли. Сосуды, пораженные склерозом, особенно склонны к спазмам, а это еще больше ухудшает кровообращение. Но самые тяжелые расстройства наступают, если холестериновые бляшки суживают или полностью закрывают просвет сосуда, — тогда возникает угроза инфаркта миокарда, параличей, гангрены.

В основе развития атеросклероза лежит нарушение обмена веществ, приводящее к избыточному поступлению в кровь холестерина. Значит, профилактика болезни сводится прежде всего к нормализации обменных процессов в организме, а это возможно лишь при помощи рационального питания (если склероз уже начался, то и специальной диеты) и систематических физических упражнений.

ГИМНАСТИКА

Диагноз «атеросклероз» не означает, что человеку нужно распрощаться со всякой физкультурой, кроме лечебной. Напротив! Если болезнь только началась и не отягощена осложнениями, полезно делать утреннюю зарядку, побольше ходить пешком и на лыжах, совершать не очень утомительные туристические походы, экскурсии, ездить на рыбалку. Очень хорошо, если человек умеет и любит плавать, кататься на коньках, играть в волейбол, бадминтон, теннис, городки — эти виды спорта (конечно, в разумных дозах) благотворно действуют на здоровье и самочувствие людей любого возраста. И, конечно, даже больным не противопоказана умеренная работа по дому, в саду и в огороде.

Специальная лечебная гимнастика помогает защитить от дальнейшего развития атеросклероза уже пораженный организм. Но заниматься придется не от случая к случаю, а систематически, постепенно увеличивая нагрузку. Если появилась одышка, прекратите упражнение, замените его более легким.

Пожилым людям с далеко зашедшим атеросклерозом мы можем порекомендовать провести дома курс лечебной физкультуры, состоящей из двух частей: подготовительной и основной. Но прежде чем начать заниматься, необходимо посоветоваться с врачом. Он порекомендует, каких упражнений избегать, а какие, наоборот, можно добавить или усложнить — это зависит от самочувствия, возраста, условий труда и быта, даже от характера. Врач решит также, когда можно закончить подготовительные упражнения и перейти к основным.

ПОДГОТОВИТЕЛЬНЫЕ УПРАЖНЕНИЯ

1. Лежа на спине, 3—4 раза с усилием согните в локтях руки. Пальцы сжаты в кулаки.
2. Лежа на спине, 3—4 раза медленно сгибайте в колене то правую, то левую ногу.
3. В том же положении соедините под подбородком согнутые руки и медленно отводите локти в стороны (вдох), а на выдохе опускайте локти и сжимайте грудную клетку. Сделайте 3—4 раза.
4. Сядьте, согните руки перед грудью и 2—3 раза поворачивайте корпус в стороны, одновременно разгибая руки.
5. Сядьте, опустите руки вдоль туловища и 2—3 раза наклонитесь на счет «четыре» то в одну, то в другую сторону. Это упражнение называется «насос».
6. В том же положении 3—4 раза сделайте дыхательное упражнение: на вдохе отводите руки в стороны, на выдохе опускайте. После упражнения отдохните примерно минуту.
7. «Ходьба лежа» в течение 15—30 секунд. Ложитесь на спину, согнув ноги и поставив их ступнями на кровать, и попеременно переступайте ногами, одновременно сгибая руки.
8. Дыхательное упражнение лежа: на вдохе 3—4 раза отведите руки в стороны, на выдохе сжимайте ими нижнюю часть грудной клетки. После упражнения отдохните.
9. Лежа на спине, согните руки перед грудью и, разгибая, разведите их в стороны.
10. Просто полежите и 3—4 раза глубоко вдохните и выдохните.

МАМАМ О ДЕТСКИХ ВОЛОСАХ

«...У моей дочки не волосы, а просто горе: редкие, тоненькие, даже бантик не держится. Можно что-нибудь исправить, или такими волосы и останутся?» — спрашивает Н. Кацмирова из г. Донского, Тульской области.

Отвечает заместитель главного врача Московского института красоты И. ГРОМ-ВРУБЛЕВСКАЯ.

Заранее оговариваюсь: все, что я хочу сказать,

насаются правил ухода за детскими волосами. Ухода, а не лечения. Лечить такие заболевания, как, например, сухая или жирная себорея, сопровождающаяся чрезмерным выпадением волос, может только врач-кожник или косметолог.

● Не отчаивайтесь, если у годовалого или двухлетнего ребенка волосенки реденькие, как пух. Со временем они окрепнут, наберут силу. Но не забывайте, что не у всех волосы от природы одинаковые. Вы мечтаете о том, чтобы у дочки были толстые, длинные косы. А у вас какие волосы? У вашего мужа?

● Многие убеждены, что первые детские волосы необходимо стричь под машинку, иначе,

они будут плохо расти. Врачи считают, что это не обязательно. Вреда от такой стрижки, конечно, не будет, но и пользы особой не ждите.

● Ребенок подвижен, много бегаёт, прыгает, и, естественно, потеет — на волосах накапливается грязь, пыль. Поэтому малышам надо мыть голову чаще, чем взрослым, — никак не реже, чем раз в неделю. Делайте это осторожно, не тяните, не дергайте волосы, старайтесь не спутать их. Лучше, если вода мягкая (идеальный вариант — кипяченая), а мыло — жирное (например, «Детское»). Годится и нейтральный шампунь типа «Яичного».

● Не укладывайте ребенка спать с мокрой головой, как следует вы-

трите ее мягким (лучше теплым!) полотенцем, дайте волосам подсохнуть, а потом расчешите.

● Расчесывайте очень осторожно, не дергайте, не рвите — сначала концы, потом переходите к корням. Не травмируйте тонкие, слабые волосенки острыми гребнями, жесткими щетками. Лучшая расческа — редкая, с тупыми длинными зубьями и, конечно, безузоризненно чистая.

● Выбирая для дочки причёску, позаботьтесь, чтобы она не меняла естественного направления волос. Детские волосы вредно сильно стягивать лентами, резинками, металлическими заколками. Нельзя заплетать и слишком тугие косички. Редкие и слабые волосы лучше стричь.

● Следите, чтобы малыши не носили тесные и слишком теплые шапки. Детские головки склонны к усиленному потоотделению. Удобнее вязаные шапочки: они легкие, не стягивают голову и отлично стираются.

● Летом не пускайте малыша на солнце с непокрытой головой: чрезмерное расширение кровеносных сосудов ведет к застойным явлениям — ухудшается питание волос, они начинают выпадать.

● И последнее. Старайтесь, чтобы ребенок никогда не ощущал недостатка в свежем воздухе, сне, движениях и витаминах. Это для него самое главное. А у здорового ребенка и волосы укрепляются.

ОСНОВНЫЕ УПРАЖНЕНИЯ

1. Ходьба 1—2 минуты. Темп медленный, затем убыстрится и снова медленный.

2. Стоя, 3—4 раза медленно разводите руки в стороны (вдох), а на выдохе опускайте.

3. Руки на поясе, ноги на ширине плеч. Наклонитесь влево, поднимая вверх прямую правую руку, затем вправо, поднимая левую руку. Сделайте так 2—3 раза.

4. В том же положении 3—4 раза сделайте специальное дыхательное упражнение: согните руки в локтях, прижав кисти к нижней части грудной клетки. На вдохе отводите локти назад, а на выдохе немного наклонитесь вперед, сжимая руками грудь. Отдохните минуту сидя.

5. Походите 1—2 минуты, убыстрив, а затем снова замедляя темп.

6. Еще одно дыхательное упражнение. Встаньте, руки на поясе. Отводите локти назад (вдох) и возвращайтесь в исходное положение (выдох). Отдохните минуту сидя.

7. Сидя, в медленном темпе помахивайте то левой, то правой рукой.

8. В том же положении 3—4 раза выполните дыхательное упражнение: отводите руки назад (вдох), наклонитесь, обхватывая и сжимая руками грудную клетку (выдох). Посидите минуту, отдохните.

9. Медленно, без ускорения, походите минуту.

10. Лежа, 3—4 раза глубоко вдохните и выдохните, не делая никаких движений.

И, наконец, третья заповедь: твердо запомните, что вам можно есть, а чего нельзя. Людям пожилого возраста, склонным к тучности, медлительным, малоподвижным, требуются наиболее жесткие ограничения в еде. По назначению врача им можно проводить даже специальные разгрузочные дни (творожно-яблочные, кефирные и другие). И наоборот, для людей худых, подвижных, занимающихся спортом ограничения менее суровы. Но придется всем избегать жирной пищи. Сливочное масло, сало, мозги, печень, почки, жирные сорта мяса (свинина, баранина), рыбы (осетрина, севрюга, лосось, угри), птицы (гуси, утки), крепкие бульоны, икра, яичные желтки — все эти продукты несут в организм холестерин, и потому их количество в рационе надо очень жестко ограничить.

Не разрешаются алкогольные напитки (в том числе и пиво), крепкий кофе, крепкий чай, какао, шоколад, острые, соленые и жирные закуски. Некрепкий чай и кофе, напротив, полезны.

Отдавайте предпочтение растительным маслам — подсолнечному, оливковому, кукурузному. Очень полезны творог, сельдь, треска, овсяная и гречневая крупа, соя — в этих продуктах есть особые вещества, препятствующие отложению холестерина.

Особо нужно сказать о яйцах. К ним у врачей отношение двойное. С одной стороны, яичный желток несет холестериновую угрозу, а значит, нежелателен при атеросклерозе. Но в том же желтке есть лецитин, который, напротив, препятствует развитию атеросклероза. Поэтому яйца есть можно, но в ограниченном количестве — не более 3—5 в неделю, включая и те, которые идут в готовку.

Людям пожилого возраста, склонным к полноте, не стоит увлекаться сладкими и мучными блюдами. Речь идет не о полном отказе от сладкого. Сахар — нужный и полезный продукт (как и другие углеводы), он улучшает работу мышц, в том числе и мышц сердца, повышает функции печени, улучшает питание нервных клеток, способствуя тем самым умственной деятельности. Поэтому надо не исключать сахар, а лишь ограничить его количество до 50—80 г в сутки. Вместо сахара можно есть варенье, мед. Мед, кстати говоря, обладает рядом свойств, которые делают его полезным и для пожилых: он оказывает легкое послабляющее действие, улучшает общее самочувствие, способствует полноценному сну.

Очень большую роль в профилактике и лечении атеросклероза играют витамины, и

прежде всего аскорбиновая кислота (витамин С). Установлено, что регулярный прием этого витамина нормализует содержание холестерина в крови, снимает быструю утомляемость, головные боли, повышает работоспособность. Особенно много аскорбиновой кислоты в черной смородине, шиповнике, цветной капусте, помидорах.

Из минеральных веществ пожилые люди и больные атеросклерозом особенно нуждаются в солях магния и калия. Соли магния (их много в овощах, зелени, черном хлебе, гречневой крупе) способствуют уменьшению содержания холестерина в крови и выведению его из организма, регулируют деятельность кишечника. Соли калия (они содержатся в изюме, кураге, картофеле, капусте) улучшают работу сердца, снижают артериальное давление.

Пожилым людям нужно тщательно следить за работой кишечника, не допускать запоров и связанного с ними натуживания, которое особенно опасно, если атеросклероз сочетается с повышением артериального давления. Таким больным рекомендуется пища, богатая грубой растительной клетчаткой, — ржаной хлеб, капуста. Хорошее действие оказывают и морковь, свекла, чернослив, однодневный кефир, простокваша, яблоки.

В период обострения болезни придется почти полностью отказаться от соли, увеличить количество витаминов и продуктов, богатых солями калия и магния.

Вот примерное меню на день для людей среднего и пожилого возраста с начальными проявлениями атеросклероза (при нормальном весе).

Первый завтрак (7.30—8 часов): салат из овощей (или из квашеной капусты); паровые котлеты с гарниром (овсяная или гречневая каша, тушеные овощи); некрепкий чай или кофе с молоком, бутерброд с сыром.

Второй завтрак (11 часов): творог со сметаной, яблоко.

Обед (14—15 часов): винегрет на подсолнечном масле; щи на овощном бульоне (полтарелки) или суп с крупой, вермишелью, клецками; отварная говядина (или рыба) с овощным пюре; компот (кисель, мусс).

Полдник (17 часов): тертая морковь со сметаной или яблоко.

Ужин (19—20 часов): каша молочная (геркулесовая, рисовая, пшенная); творог с медом; чай.

На ночь (22 часа): стакан кефира или 50 г чернослива.

ПИТАНИЕ

Ученые доказали, что холестерин в организме человека образуется не только из жиров, но также из углеводов и белков.

Некоторые медики у нас и за рубежом склонны даже считать, что углеводы (и прежде всего сахар) в этом смысле опаснее, чем жиры. Всякое избыточное питание способствует возникновению атеросклероза. Значит, первая заповедь в борьбе с болезнью — умеренность в еде. Вторая — есть всегда вовремя, в одни и те же часы, не менее четырех раз в день. Плотнее надо поесть утром и днем, когда организм наиболее деятелен, когда усиленно работающие мозг и мышцы нуждаются в максимальном добавлении питательных веществ. Оставляйте на вечер менее калорийные блюда.

ВСЕ ПОД РУКОЙ

Статистики подсчитали: для того, чтобы приготовить пищу на семью из трех человек, женщина должна потратить в среднем 2—2,5 часа в день. Вот почему, обставляя свою кухню, подумайте прежде всего о том,

чтобы все было удобно, не требовало лишних движений, лишней затраты сил.

Вот, например, что предлагает архитектор В. СТРАШНОВ:

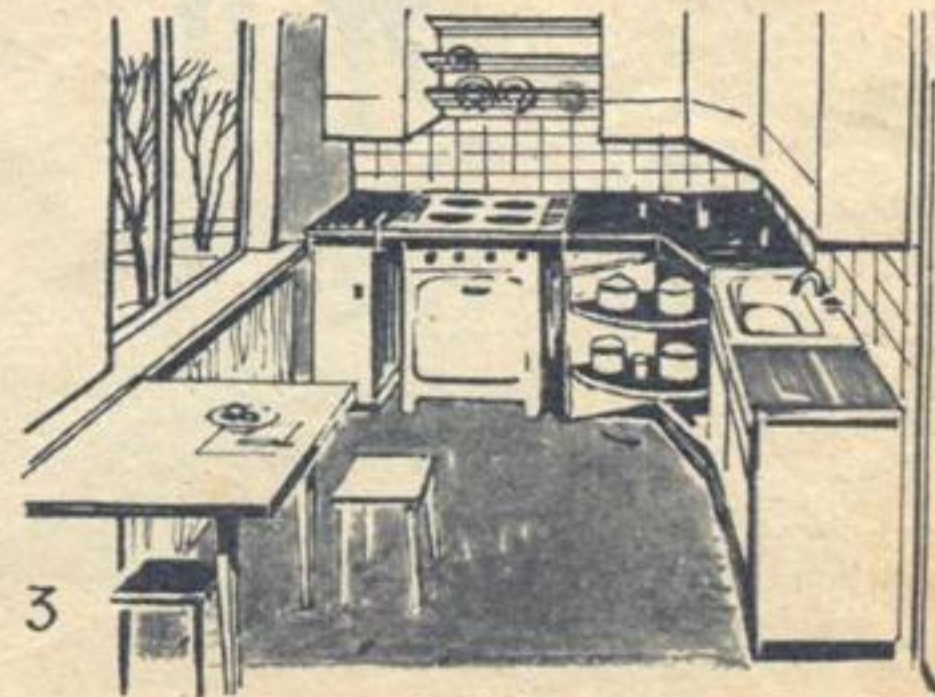
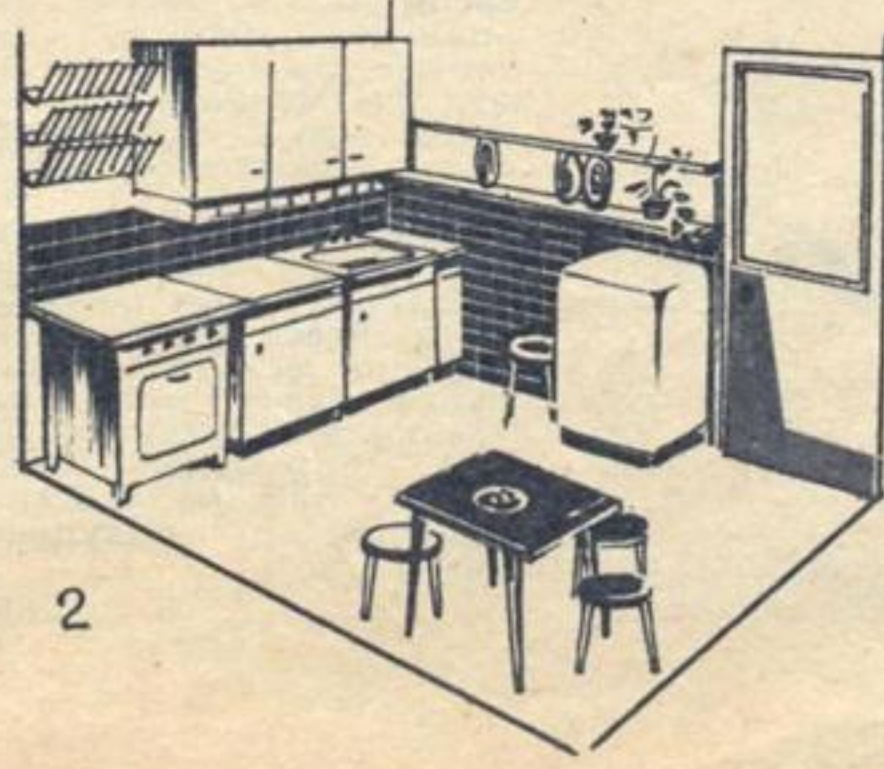
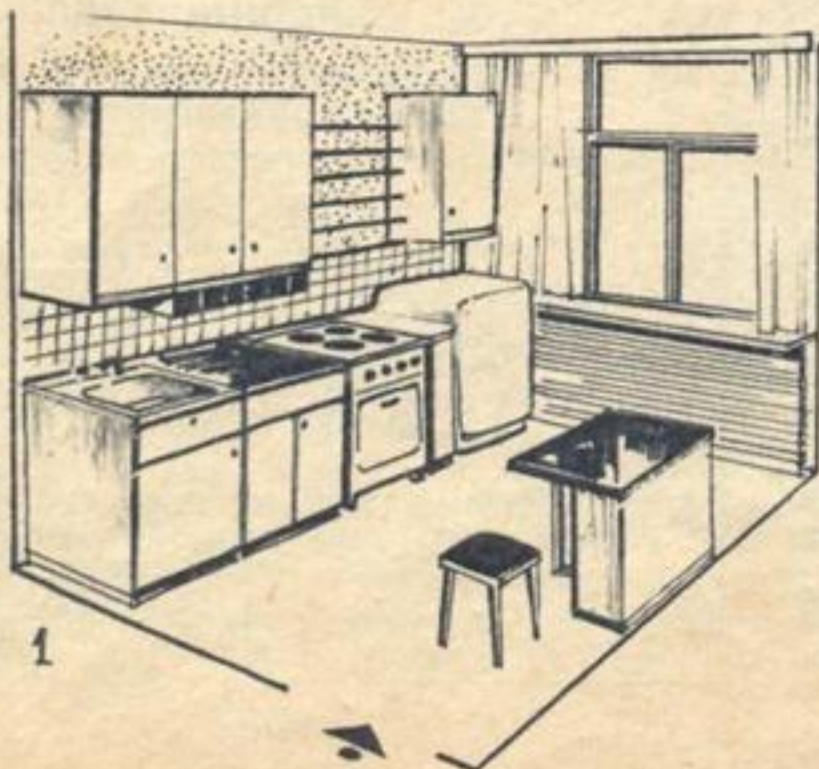
1. В однокомнатных и малогабаритных квартирах кухня обычно служит и столовой. Поэтому для экономии места все кухонное оборудование — плиту,

мойку, столик, холодильник — удобнее расположить в один ряд, вдоль стены. Над ними — подвесные шкафчики, полки. Обеденный стол — складной или с откидной крышкой. Под мойкой легко сделать шкафчик для мусорного ведра.

2. В маленькой кухне, где нельзя все оборудование вы-

строить в один ряд, холодильник расположен справа от «главной» линии. Над ним — полка для цветов, керамики.

3. Кухня в квартире, где живут две семьи. Столы, плита, мойка вдоль двух стен. Очень удобен угловой столик с выдвижными ящиками (на рисунке он справа). Обеденный стол один — общий для всех.

«МОРЖИ» — ЭТО ЗДОРОВО

Впервые о Елене Вацлавовне Заболотной я услышала по радио. Было морозное январское воскресенье. Температура упала до минус 28 градусов. А по радио сообщали: москвичка Елена Заболотная в заплыве на Москве-реке выиграла 25-метровую дистанцию и стала чемпионкой столицы по зимнему плаванию.

«Что это за женщина? — с интересом подумала я. — И вообще что за люди эти зимние пловцы? Какая сила заставляет их покидать теплые, уютные квартиры и, сбросив одежду, нырять в темную ледяную воду?»

И вот я дома у Заболотной. Выясняю, что новая чемпионка — врач.

— Мы часто кутаемся, прячемся от холода. И сами не понимаем, что при этом снижаем приспособляемость организма к холоду. Вот по-

тому-то часто и болеем, — объясняет доктор Заболотная.

— Я сейчас работаю над исследованием функций миндалин у людей. Миндалины — это первый защитный барьер на пути различных инфекций. Все микробы, которые пытаются проникнуть в организм через дыхательные пути, обязательно попадают на этот барьер. И если миндалины в хорошем состоянии, они закрывают путь любой инфекции. А если они не в полном порядке, врагу открыт путь в легкие, сердца, ткани, кровь... Так вот, исследовав миндалины у «моржей», я не обнаружила в них источников инфекции!

Все люди, занимающиеся зимним закаливанием и особенно плаванием, исключительно здоровы. Эпидемии гриппа, выводящие из строя

многих людей, почти не коснулись «моржей».

Наблюдая за людьми, занимающимися зимним плаванием, я убедилась также, что купание в холодной воде — прекрасная тренировка сердечно-сосудистой системы.

Холодная вода усиливает обменный процесс в организме, активизируются окислительные процессы, возрастает прилив крови к тканям и суставам, все это приводит к активному рассасыванию солей, улучшает состав крови.

Как выяснилось, и у самой Елены Вацлавовны не всегда все было благополучно со здоровьем: пониженное давление, частые головные боли, быстрая утомляемость.

— Я иногда приходила в отчаяние, — рассказывает она. — Ничего не успеваю, нервничаю, устаю...

И вдруг пришла помощь. Совершенно неожиданно. Я работала тогда врачом в плавательном бассейне в Лужниках. Воду я люблю с детства, но плавать вместе со спортсменами не могла (по долгу службы) и купалась задолго до их прихода. Вода была еще неподогретой, и меня сперва пугало это. Но после нескольких таких заплывов я стала замечать, как в моем организме происходят заметные перемены — значительно повысилось настроение, исчезла усталость. Я стала энергичней, веселей. Меня начали интересовать многие вещи, и которым я раньше была равнодушна. Я начала даже писать стихи!..

Вскоре я познакомилась с «моржами», плавающими круглый год в Нескучном саду Центрального парка культуры и отдыха имени Горького. А с осени стала вместе с ними купаться. Не сразу, конечно, а пройдя определенную подготовку под наблюдением врача.

Я и раньше знала, что зимним плаванием увлекались и придавали огромное значение этому виду закаливания такие известные ученые-медики, как Павлов, Боткин и Силифосовский. Теперь же я сама видела, как буквально на глазах люди освобождались от недомоганий, становились жизнерадостными, работоспособными. Мне очень хотелось, чтобы этим источником бодрости и здоровья пользовались как можно больше людей!..

И Елена Вацлавовна пришла на завод «Красный пролетарий». Вместе с другими энтузиастами она создала здесь секцию закаливания и зимнего плавания.

Сейчас в секции 80 человек. Зимним плаванием занимаются двадцать женщин. Все они чувствуют себя отлично.

— Женщинам зимнее плавание особенно полезно, — убежденно говорит Заболотная. — И время для этого выкроить можно. Я работаю, воспитываю троих детей, приходится бегать по магазинам... Но благодаря тому, что в мою жизнь, в жизнь моей семьи прочно вошел спорт, чувствую себя прекрасно.

Мой совет женщинам — серьезно подумайте об этом! Наступает весна. Воспользуйтесь временем, которое еще есть впереди. Под руководством врача подготовьте свой организм к зимнему плаванию — начав в теплые дни, не прерывайте купания с наступлением осени.

И. ШВЕДОВА

К ВЫПУСКНОМУ БАЛУ

1. Платье из плотного шелка. Пышная юбка — из двух широких воланов. Низ юбки и отложной воротник отделаны вышивкой (узор и техника выполнения даны в приложении).

2. Слегка приталенное шерстяное платье с кокеткой и модным рукавом «фонариком». Застежка «молния» спрятана в шве спинки. По линии кокетки вышивка (ее вы тоже найдете в приложении).

3. Платье из набивного шелка или капрона с подрезом ниже линии груди. Рукава и воротник отделаны пышными воланами, сиреневыми по носовой нити.

4. Платье из набивного шелка или капрона с большим нарядным воротником перехвачено в талии широким драпированным поясом — кстати, это самый модный силуэт нового сезона.

5. Однобортный костюм для мальчика. Его не обязательно шить из черной ткани — подойдет и серая, и синяя, и коричневая. Рубашку лучше надеть белую — гладкую или в полоску — это наряднее. Брюки с манжетой или без манжеты, узкие по всей длине. (Расклеванные брюки вышли из моды и сейчас свидетельствуют лишь о дурном вкусе их владельцев.)

6. Платье из льна с лавсаном или светлой шерсти. Юбка заложена в складку. На воротнике-стойке и по низу лифа вышивка (ее рисунок дан в приложении).

Рисунки С. ТАБУНОВОЙ.

На первой странице обложки: ЮНОСТЬ. Художник Н. КУЗНЕЦОВ.

К этому номеру дается бесплатное приложение: выкройки платьев для выпускного бала. Вышивка, вязание.

Главный редактор В. Е. ВАВИЛИНА.
Редакционная коллегия:
Н. С. БЛАГОВЕЩЕНСКАЯ,
В. П. ВЫСОЦКИЙ, В. А. ГЕРАСИМОВА,
М. Н. КОЗЫРЕВА, Е. В. КОНОНЕНКО,
Е. Д. МИШИНА, А. А. СЕВЕРЬЯНОВА,
З. Н. ТИМОФЕЕВА [зам. главного редактора].

Адрес редакции:
МОСКВА, А-15, БУМАЖНЫЙ пр., 14.
ТЕЛЕФОНЫ ОТДЕЛОВ:

промышленного — 250-11-72; международной жизни — 250-12-30; литературы и искусства — 250-12-30; семьи и быта — 250-11-93; науки и антирелигиозной пропаганды — 253-30-76; художественного оформления — 253-34-79; писем — 250-57-38; массовой работы — 250-44-80; зав. редакцией — 253-30-05.

Оформление художника
Я. МИРОШНИЧЕНКО.
Технический редактор
В. МАСЛЕННИКОВ.

Сдано в набор 3/II-69 г.
А 00038. Подписано к печ. 25/II-1969 г.
Формат бумаги 60×92¹/₂.
Усл. печ. л. 5,43. Тираж 10 500 000 экз.
(1-й завод 1 — 10 018 300 экз.)
Изд. № 529. Заказ № 411.

Ордена Ленина типография
газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Перед заплывом надо размяться.

Вот что значит
быть «моржом»!

Фото
А. ТЕРЗИЕВА.

Индекс 70770.
Цена 10 копеек.

Ф. ПАНКО. МАЙОРЫ С БАРВИНКОМ.
Государственный музей украинского
народного декоративного искусства
УССР.

Черемшина

Музыка В. МИХАЙЛЮКА
Слова М. ЮРИЧУКА

Знов зозулі чути голос в лісі,
Ластівки гніздечко звили в стрісі,
А вівчар жене отару плаєм,
Тьохнув пісню соловей за гасм.

ПРИСПІВ:

Всюди буйно квітне черемшина,
Мов до шлюбу вбралася калина,
Вівчара в садочку,
В тихому куточку
Жде дівчина, жде.

Йшла вона в садок повз осокори
Задивилась на високі гори,
Де з беріз спадають чисті роси,
Цвіт калини приколола в коси.

ПРИСПІВ.

Вже за обрій сонечко сідає,
З полонини їй вівчар співає:
— Я прийду до тебе, як отару
З водопою зажену в кошару.

ПРИСПІВ.

Ось і вечір, вивці біля броду
З Черемоша п'ють холодну воду.
У садочку вівчара стрічає
Дівчинонька, що його нохас.

ПРИСПІВ.

Andante

Знов зозулі голос чути в лісі, ластівки гніздечко звили в стрісі. А вівчар жене отару плаєм, тьохнув пісню соловей за гасм. Всюди буйно квітне черемшина, мов до шлюбу вбралася калина. Вівчара в садочку, в тихому куточку жде дівчина, жде. // жде.

Приспів

1. 2. 3. 4.